

ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Первоуральский Новотрубный завод. В цехе готовой продукции.

Фото Я. Босина.

На первой странице обложки: Председатель Президиума
Верховного Совета Узбекской ССР Ядгар Садыковна Насриддинова.
Фото В. Тарасевича.

На последней странице обложки: Зима на Алтае.
Фото В. Сергеева.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 50 (1695)

5 ДЕКАБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В будапештском Доме культуры строителей 30 ноября начал свою работу VII съезд Венгерской социалистической рабочей партии.

Горячими, продолжительными аплодисментами, стоя, встречают делегаты съезда руководящих деятелей ВСРП, главу делегации КПСС, члена Президиума ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и руководителей делегаций других братских коммунистических и рабочих партий.

Съезд открыл ветеран венгерского рабочего движения член Политбюро ЦК ВСРП Ференц Мюнних. Отчетный доклад Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии сделал Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар. По второму пункту повестки дня, «Директивы по экономическим задачам и по подготовке второго пятилетнего народнохозяйственного плана», выступил член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП Йене Фок.

Товарищи Н. С. Хрущев и Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар на Ферихедьском аэродроме в Будапеште.

Фото Е. Папа (МТИ).

В президиуме съезда Венгерской социалистической рабочей партии.

Фото специального фотокорреспондента ТАСС В. Егорова.

(Снимки приняты по фототелеграфу.)

А. СТАРКОВ

— Разрешите, господин Эйзенхауэр, представить вам президента Узбекской республики Насриддинову...

...Но прежде чем эти слова главы советской правительственной делегации Ф. Р. Козлова прозвучали в нью-йоркском «Колизее», где разместилась выставка достижений СССР, должно было произойти немало событий — печальных и радостных, — о которых я и собираюсь рассказать, придерживаясь по возможности хронологии.

А последовательность в изложении фактов заставляет нас вернуться к той поре, когда будущему президенту республики исполнилось три года, и даже к более раннему периоду.

Девочку звали Ядгар. Это может быть и мужским именем. Ядгар — по-русски память. Так называют детей в память об умерших родителях. Если вам встретится узбек или узбечка по имени Ядгар, знаете: это сирота... Девочка родилась через три месяца после смерти отца. Он был молодой, двадцатилетний, красивый и сильный. Батрача у бая, Садык поднял сразу два многопудовых тюка с хлопком, оступился, припал на колени, с трудом, напрягая все силы, выпрямился и, шатаясь, донес тюки до места. А дома уже не было сил снять мокрую от пота рубаху, он повалился в ней на холодный земляной пол и не встал с пола.

Кумре, вдове его, шел шестнадцатый год. Куда ей было податься? К отцу? Но у него четыре жены, и среди них нет той, что родила Кумру. Горе, когда одна мачеха не любит падчерицу! А четыре мачехи? Четырежды го-

ре! Нашелся человек, который брал ее в жены, но не брал ее дочку, ее Ядгар. А рядом жила семья, безнадежно дожидавшаяся ребенка. В таких случаях, чтобы умиловить аллаха, говорит обычай, надо взять в дом сироту. И мать отдала в этот дом Ядгар, и у бездетных супругов сбылось желание — у них родился ребенок, и тогда девочка оказалась им ненужной, ее передали в другую такую же семью, и туда пришла вместе с ней радость. Каждый год Ядгар переходила из дома в дом, и так семь лет она была девочкой, приносящей другим счастье.

А сама и слова-то такого не знала — «счастье», как не знала и много других слов и понятий. Ну кто ей мог объяснить, что такое книга? Первый раз она увидела белые листы с черными значками на одиннадцатом году жизни — в интернате, который открылся в кишлаке Кудаш, близ Коканда. Там почти все было для нее в первый раз. Первая целая лепешка, а не огрызок. Первое платье без заплат. Первые туфли не с чужой ноги и не на босу ногу. Туфли, которые никто уже не имел права бросить в огонь, как сделал это однажды ее отчим, когда она прибежала в осеннюю непогоду к больной матери и поставила свои мокрые башмаки сушиться на очаг возле котла с закипавшей шурпой, и он, отчим, счел это величайшим поруганием пищи и столкнул башмаки в огонь, а девочку, босую, вышвырнул на улицу.

Позже он обошелся подобным образом и с ее матерью. Выгнанная им, Кумра прибежала с двумя детьми в интернат, к старшей дочери, и вчетвером они отправились в Коканд, долго не могли найти там крова, и были разные другие беды. Но стоит ли увеличивать перечень горестей и обид, обрушивавшихся на нашу Ядгар? Ведь не для того, чтобы разжалобить читателей, взялся я за перо. Хочу быстрее привести вас в просторную рабфак-ковскую аудиторию, где среди взрослых людей сидит девочка в длинном узбекском платье, в цветастой тюбетейке, из-под которой свешиваются сорок черных, туго скрученных косичек. Маленькое, чуть приметное движение головы — и все сорок разом заколышутся и, кажется, вот-вот зазвенят, как сорок колокольчиков.

Но как же она в тринадцать лет оказалась на рабфаке? О, тут должно быть названо имя Кара-Шарли, старого учителя! Он жил недалеко от того дома, где нашла приют Кумра с детьми. И вот он встретил как-то на улице девочку, глаза которой показались ему грустными. Остановил, расспросил, узнал ее невесту историю. Узнал, что она хочет учиться. Но как учиться, когда надо кормить семью? Кара-Шарли преподавал математику и физику на рабфаке. Там студентам платили стипендию. Правда, небольшую, но все-таки подспорье. Вот бы эту девочку на рабфак! Но у нее за плечами четыре класса, нужно семь. А если... Но для того, что задумал Кара-Шарли, требовался особый характер. Старик показалось, что у нее как раз такой, особый... Директору рабфака сказал: «Я у вас десять лет. Никогда не писал заявлений, не обращался с просьбами. Вот моя первая за все время просьба. Примите эту девочку в исключение из всех правил. Да, ей только тринадцать. Да, она училась только четыре года. Но считайте, что это моя дочь. И окажите протекцию. Мы с Машей вытянем ее...»

Маша была женой Кара-Шарли, Мария Константиновна. Она родилась в Петербурге, кончила там знаменитые Бестужевские женские курсы, словесно-исторический факультет. И хотя долгие годы жила в Азии, в душе оставалась петербуржкой, бестужевкой, верной правилам и традициям, воспринятым в молодости. Даже в самую сильную жару она носила темное шерстяное платье с глухим, плотно облегающим шею воротничком. Была строга, немногословна в отличие от мужа, который шутил, что ему, жрецу сухих наук, приходится восполнять малоречивость супруги, словесницы по учительской профессии... Она страдала тяжелой сердечной болезнью, давно из-за нее не работала, почти не выходила из дому и часто давала Ядгар уроки, лежа в постели. Ей, не имевшей своих детей, полюбилась эта девочка, характер которой очень точно угадал Кара-Шарли.

Не всякому дано выдержать такую сложную нагрузку: днем рабфак с его программой 8, 9 и 10-го классов, а вечером — «домашний факультет» у стариков в объеме 5, 6 и 7-го классов — вдогонку. Мария Константиновна занималась с ней по русскому языку, литературе, истории и географии. Кара-Шарли был ее репетитором по математике, физике, химии и черчению. Между супругами шло своеобразное тайное соперничество. Если хотите, они даже чуточку ревновали Ядгар друг к другу. Естественно, что девочку в душевных ее делах тянуло больше к Марии Константиновне. А старик этим огорчался. Но зато торжествовал, когда у Ядгар начала проявляться явная склонность к точным наукам, а не к гуманитарным. Хотя одно время она преподавала узбекский язык, вела кружок ликбеза. Среди ее учениц в том кружке значилась, между прочим, и Кумра, мать. Это было уже на последнем курсе рабфака...

Вот так мы пролистали еще три странички, еще три года из биографии президента.

Теперь нам вместе с ней — в институт!

Рабфак готовил студентов для Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта. Но многие девушки с рабфака подали в педагогический, в медицинский. Ядгар не привлекала ни учительская, ни врачебная стезя. Только в инженерный! Сперва она попала на эксплуатационный факультет. Это значит в движеньцы, в дежурные по станции, в краснофуражечники, как иронически называли движеньцев студенты с путейско-строительного факультета. Но дело не в фуражке. Дело в более широком инженерном профиле. С того факультета можешь и в строители, и в проектировщики, и в изыскатели. Но и трудно ж там! Сопромат, статика сооружений, механика, геодезия — нет этого на эксплуатационном. А начерталки раз в десять больше... Нашли чем испугать Ядгар! Ведь все это связано с математикой, с расчетами — любимейшим ее занятием. Так что на строительный. Там совсем мало девушек. А узбечка она единственная.

Как удачно выбрана профессия! Шла середина тридцатых годов, горячая строительная пора. Вокруг то тут, то там возникают стройки. Да и сам институт еще в лесах: возводится новый учебный корпус, общежитие. Каменщиками, штукатурами, малярами — студентами. И тон, конечно, задает факультет, на котором учится Ядгар, — строительный. Всем курсом рыли они котлован под общежитие, клали фундамент, этажи. Как приятно жить в комнате, стены которой выложены твоими руками!

В комнате их было четверо: Ядгар, Валида Гайнутдинова, Анота Кривенчук и Натка Журавлева. Уроки Марии Константиновны не прошли даром; Ядгар уже неплохо знала по-русски, но за подружками, за их скороговоркой не поспевала. Переводчицей у нее была Валида, татарка по отцу, русская по матери, узбечка по месту рождения. Ядгар то и дело вопрошала ее: «Валида, нима деди?» Это значило: «Валида, что они говорят?» Произносила она эти слова быстро-быстро, в одно слово, и получалось: «Валиданимадеди». Так ее девочки и прозвали: «Валиданимадеди». Так ее чуть не весь институт называл.

Недавно в телефонной трубке раздался чей-то веселый голос: «Валиданимадеди, здравствуй!», — и она сразу узнала этот голос и крикнула: «Анота!». Анота Кривенчук приехала в Ташкент, в управление железной дороги, по делам своей станции. Вечер провели в воспоминаниях. Хозяйка открыла нижний ящик письменного стола, и вдвоем они перебирали хранящиеся там старые студенческие конспекты, чертежи, расчеты по сопромату, какие-то справки из профкома, даже записки, которыми перебрасывались на лекциях, спортивные грамоты, жетоны — словом, всякую всячину, среди коей обнаружился и крошечный голубой значок с тремя выгравированными буквами: «БФК». «Есть и у меня такой...» — сказала Анота.

БФК... Большой Ферганский канал! Этот значок выдавался всем участникам 45-дневного хашара. «Хашар» — слово, не имеющее точного перевода на русский язык. Это что-то вроде всенародного субботника. Узбеки и в древние времена собирались всем миром на хашары, чтобы вырыть арык, проложить доро-

Я. С. Насриддинова и А. П. Хлебущкина среди воспитанников детского дома.

Фото В. Тарасевича.

гу. Но такого хашара не знала еще Ферганская долина. Двести тысяч человек разом подняли и опустили кетмени! За полтора месяца было вырыто русло длиной в 270 километров, по которому потекла река, чтобы оросить степь... Среди 200 тысяч работали и студенты. Они были нивелировщиками, десятниками, прорабами. Участок, где вела нивелирную съемку Ядгар, находился близ Коканда, ее родины. Однажды сюда пришел высокий грузный старик в узбекском халате, в черно-белой ферганской тюбетейке. Ядгар видела, как он постоял немного в стороне, наблюдая за работающими, а потом и сам, взяв кетмень, присоединился к ним. Сразу видно было, что не в первый раз держит он в руках кетмень. То был Юлдаш Ахунбабаев, президент республики. Ядгар знала его биографию, напечатанную в книгах: батрак, герой гражданской войны, гроза басмачей. Могла ли она подумать, что когда-нибудь займет его место, что через двадцать лет в качестве президента республики будет открывать в Ташкенте памятник этому человеку, которого называли в народе «Ашраф уль ашраф» — «Благороднейший из благородных»...

Но пока она еще не президент. Пока она начальник участка на строительстве Катта-Курганского водохранилища. Вот уже второй раз отрывают студентов от учебы, и теперь не на сорок пять дней, а на полгода. Не отразится ли это на успеваемости? О, еще как отразится! Самым великолепным образом. Одно дело — прослушать лекцию по статике сооружений, а другое — еще и хватить горюшка с этой статикой на самой строительной площадке.

Перед поездкой в Катта-Курган студентов пригласили в горком партии. С ними хотел побеседовать кто-то из ответственных товарищей. Ядгар боялась этого разговора. Вдруг сочтет ее личность нескладной и вычеркнет из списка! А внешность у нее и в самом деле не из солидных: всего-навсего 40 килограммов веса да косички-колокольчики... Ответственный товарищ, давая указания отъезжающим, все время поглядывал на нее искоса. Он шепнул что-то неодобрительное явно в ее адрес сидевшему рядом секретарю институтского парткома. Тот ответил тоже тихо, но так, что Ядгар расслышала: «Маленькая, да удаленькая... Справится!» О ком же еще могла идти речь, если не о ней? Она была самая маленькая среди присутствующих... Потом товарищ из горкома взял ее личное дело, вынул автобиографию и долго читал. «Как это понять? — спросил он вдруг строго. — Тут говорится: «Мать вторично выдала замуж». Вы, значит, замужем?» «Там написано не «выдала», а «выдали»... Мать выдала!» — сердито сказала Ядгар и сразу же перестала бояться этого человека.

Судьба еще сведет их через несколько лет. Они встретятся, Ядгар и Серодж, они полюбят друг друга.

А пока, верные хронологии, мы должны возвратиться в Катта-Курган. Там, на строительном участке, конфликт между начальником и главным инженером. Впрочем, внешне все благополучно. Главный инженер ведет себя корректно, вежливо. То есть вежливо игнорирует начальника, Ядгар. Он ничего не имеет против этой девочки. Но принимать ее всерьез как инженера? Увольте! У него за плечами тысячи километров проложенных путей. А что у нее за плечи? Сорок косичек. Дорога, которую они строят, пойдет вокруг водохранилища. Пути лягут в выемку. Какой принять профиль откоса? Начальник участка за более крутой уклон. Грунт позволяет: он достаточно тверд. Главный инженер выслушивает этот довод с отсутствующим выражением лица. А прорабу вручает чертеж пологого откоса, свой вариант. Пусть земли придется вынимать больше, пусть это потребует лишнего труда, лишние средства, но зато так надежнее, верней... Ядгар берет пробы грунта, сидит за расчетами, сзывает широкий консилиум — путейцев, геодезистов, геологов — и в этом техническом споре одерживает верх над старым упрямым. Но он не сердится на Ядгар, ему даже начинает нравиться характер «этой девочки»...

Она еще без диплома, но уже с немалым инженерным опытом. После Катта-Кургана — Ангрен. Здесь у нее под началом целый строи-

тельный район — четыре участка. Прокладывают труднейшую трассу — через Чирчикские болота... А вот и диплом! Вот и назначение на работу: Ташкентская железная дорога, инженер по ремонту путей.

И вдруг крутой поворот в ее жизни. Выбрали на районную комсомольскую конференцию, районная выбрала на городскую, городская — на областную, с областной — на республиканский съезд, съезд выбрал в Центральный Комитет, пленум ЦК избрал секретарем по школе...

Это была первая военная весна. В Ташкент шел эшелон за эшелонами с ребятами — с Украины, из срединной России, с балтийских берегов. В Ташкенте на средства комсомольцев был открыт детский дом, которому присвоили имя Узбекского комсомола. Ядгар была председателем приемной комиссии, отбиравшей ребят в этот детдом, она и сейчас там председатель попечительского совета... Некоторое время назад, после декады узбекского искусства в Москве, она, как президент республики, вручала ордена отличившимся актерам. Среди награжденных была и Тамара Юнусова, известная исполнительница народных танцев. Собравшиеся в зале видели, как Насриддинова обняла балерину, но не слышали слов президента: «Томочка, поздравляю тебя...» Детдом был уже укомплектован — приняли 65 ребят, — когда пришла телеграмма о гибели на фронте бывшего секретаря райкома партии Юнусова, и Томочку, дочку его, зачислили шестьдесят шестой.

А совсем на днях позвонила директор детдома Антонина Павловна Хлебушкина, Тоня Хлебушкина, с которой они когда-то вместе работали в комсомоле. «Ядгар, — сказала она, — помнишь Витю Леонова-Глебского?» Этого мальчика привел к ней в ЦК полковник Глебский. А фамилия мальчика была Леонов. Полковник подобрал его в выжженной немцами деревне под Ленинградом. Отец, председатель сельсовета, повешен, мать пропала... Мальчишка, усыновленный полковником, побывал с ним во многих боях. Сейчас полковник приехал в Ташкент на курсы, живет в общежитии, семьи у него нет, просит определить временно сынишку в детдом. А потом он снова уехал на фронт и погиб под Варшавой... «Виталий письмо прислал, — продолжала Хлебушкина. — И, как всегда, в стихах. Лирическая натура, хотя и майор. Послушай, Ядгар:

Через горы и снежные дали
Вас приветствует Глебский Виталий...»

Славная пора ее жизни — комсомольская! Днями пропадала она в школах, пионерских отрядах, в ремесленных училищах, на детских технических станциях, в домах художественного воспитания детей. Однажды она спешила на бюро, опаздывала, а трамвай, казалось ей, еле плетется. Было жарко, душно, она опустила стекло, высунулась. И вдруг пробежавший мимо мальчишка сдернул у нее с головы тюбетейку. Она выскочила на ходу с трамвая — и за ним. Парень припустился быстрее. Но он не знал, с кем имеет дело — с чемпионом республики в беге на 1 500 метров. Правда, и он, видать, был какой-то чемпион, потому что бежал прытко. Сначала они неслись по широкой улице, потом он нырнул в переулок, потом выбежал к огородам. Расстояние между ними сокращалось. Видя, что девочка настигает его, мальчишка схитрил. Он кинул тюбетейку далеко в сторону. Но Ядгар было уже не до тюбетейки, она во что бы то ни стало хотела догнать негодника. И, сделав решительный рывок, схватила его за шиворот и с ходу крепко шлепнула по самому мягкому месту. И сразу вся злость отлетела. Они возвращались к трамвайной остановке, мирно беседуя. Она узнала у него про школу, в которой он учился, столько, что никакое многодневное обследование не дало бы ей таких сведений. Но вообще-то, если судить строго, неправильно секретарю Центрального Комитета комсомола носить вот так по улицам вдогонку за мальчишками. Что ж, Ядгар и сама считала, что она неправильный секретарь.

Позже, в министрах, она тоже будет непохожей на своих предшественников. Те сразу садились в кресло. А она, получив назначение в министерство промышленности строительных материалов (после работы первым секретарем райкома партии), явилась в кабинет

только на третий месяц. Два месяца провела на цементных, кирпичных, стекольных заводах страны...

Как написать о ее работе в министерстве и в Совете Министров республики, где она была заместителем председателя, курирующим строительство, все виды транспорта, связи? Это семь лет ее жизни. Как рассказать о них? Перечислить все стройки, которые велись в эти годы в республике? Назвать новые мощные электростанции, вроде Кайрак-Кумской или Ангренской, новые заводы, например, завод твердых сплавов в Чирчике, суперфосфатный в Самарканде, новые дороги, авиалинии, газопроводы? Рассказать о том, как был построен первый на Советском Востоке атомный реактор, о великолепном телецентре в Ташкенте, о грандиозном стадионе «Пахтакор» там же? Или о размахе жилищного строительства? Привести цифры, сравнения — как было и что случилось? Но мне слышится сердитый голос героини этого очерка: «Строили люди, народ...» Именно так она скажет. Я уже немножко знаю ее характер.

Я видел президента в горячую пору середины октября, когда республика заканчивала выполнение годового плана хлопкозаготовок, когда оставалось сделать еще один решающий рывок, чтобы перешагнуть заветный рубеж — три миллиона тонн хлопка в год! — и можно было, кажется, даже физически ощутить, как могуче напряглась вся республика, как напрягся весь населяющий ее народ для свершения подвига. Президент провела эти дни, объезжая поля, на древнейшей хорезмской земле, одарившей нынче людей невиданным урожаем.

Я видел президента в кругу семьи и получил возможность взять интервью у «независимой дочери», как назвала американская пресса 9-летнюю Зульфью в связи с тем, что репортерам стало известно о ее желании стать балериной вопреки желанию матери, которая хотела бы видеть свою дочь учительницей. Свидетельствую, что Зульфья неколебима в своих планах и в этом смысле отличается от брата, шестиклассника Бахтияра, не имеющего твердой программы на будущее и «сменившего» уже несколько профессий.

Я видел президента беседующей с председателем колхоза «Янги-Хаят» («Новая жизнь») Исмаилом Сармановым. Он приехал из Центральной Ферганы, с недавно пустовавших земель, которые ныне осваиваются, подобно Голодной степи. Но в отличие от последней, где деньги вкладывает только государство, освоение Центральной Ферганы идет наполовину за счет колхозных средств. Надо поднять к жизни 200 тысяч гектаров. Создан межколхозный совет, который руководит всеми работами. Во главе совета — президент республики... Она хорошо знакома с Сармановым, не раз бывала у него в колхозе. «Янги-Хаят» — пионер на новых землях, живет тут уже три года, и очень хорошо живет... Сарманов приехал к президенту по деликатному делу. Маленькая неприятность случилась. Послали двух замечательных ребят в медицинский институт. Свои врачи нужны! Приезжие долго не держатся: климат не нравится. Уже четверо сменялось. А эти не сбегут, свои! Да вот беда: на экзаменах провалились по одному предмету. Как быть? Нельзя ли переэкзаменовку? Он за этим и приехал. Очень врачи нужны! Население в поселке растет. В этом году 71 ребенок родился... Как Хаят-ой поживает? О, заулыбался, засиял председатель! Это дочка его. У них с женой десять лет детей не было. Как переехали на новые земли, девочка родилась. Назвали в честь колхоза: Хаят-ой. Жизнь — разве это плохое имя для девочки?..

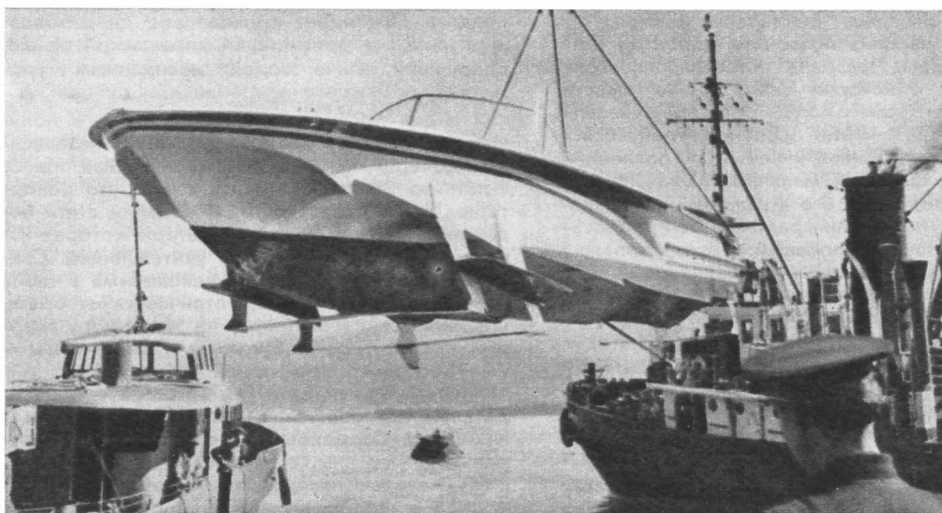
И я видел президента на трибуне сессии Верховного Совета республики. Сессия носила особо торжественный, приподнятый характер. Обсуждался вопрос о передаче более 50 тысяч гектаров земель из Узбекской ССР соседям — Таджикистану. Прекрасный пример дружбы народов... Слово для доклада по этому поводу было предоставлено президенту республики. Она стояла на трибуне в строгом черном костюме, волосы зачесаны на прямой пробор. Я смотрел на нее, и мне виделась худенькая девочка в длинном узбекском халате, в цветастой тюбетейке, изпод которой выглядывают сорок косичек, сорок черных колокольчиков, — виделась Ядгар...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Н. С. ХРУЩЕВ ПРИНЯЛ БРАТА КОРОЛЯ ЙЕМЕНА ПРИНЦА СЕЙФ УЛЬ-ИСЛАМ АБД АР-РАХМАНА — главу Йеменской правительственной делегации, посетившей Советский Союз. Принца Абд ар-Рахмана сопровождал член делегации Мухаммед Абдалла аль-Амри, заместитель министра иностранных дел Йемена.

Беседа между Н. С. Хрущевым и принцем Абд ар-Рахманом носила теплый и сердечный характер.

Фото И. Кошелькова.

«ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЕЙ» шутливо называют батумские моряки новый прогулочный катер, недавно спущенный на воду. Когда присмотришься к нему внимательно, то сразу бросается в глаза, что за кормой во время движения нет традиционных пенных «белых усов».

Катер как бы скользит по воде с помощью подводных крыльев, расположенных под корпусом. Благодаря этим крыльям новое судно движется вдвое быстрее обычных катеров. На с ним же: спуск на воду катера на подводных крыльях в Батуми.

Фото Н. Байбурина.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРНИР ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ происходил в Ташкенте. Две недели длилась эта дружеская встреча, в которой наряду с шахматистами среднеазиатских советских республик участвовали гости из Монголии и Индонезии. На первое место вышел кандидат в мастера из Узбекистана Александр Грушевский, за ним следуют М. Мухитдинов (Узбекистан), Момо (Монголия) и принимавший участие в турнире гроссмейстер А. Лиленталь. На пятом месте — индонезийский шахматист Арован Бахтияр.

Международные заметки

Неизлечимый...

Жители Нью-Йорка были оглушены на днях истошным воплем. «Караул! — кричал кто-то. — Погибаем!» При ближайшем рассмотрении орущим оказавшись некто Натан Клайн, обладатель звания доктора медицины, один из руководителей рокледской психиатрической лечебницы.

Раскрыв в то утро газету «Нью-Йорк таймс», американцы из статьи доктора Клайна узнали, что Соединенные Штаты Америки нахватались накануне катастрофы. Достопочтенный эскулап узрел неожиданно новейшую советскую угрозу для благополучия Соединенных Штатов. По мнению светила психиатрической мысли, эта угроза грозит не по линии военной или экономической, а, представьте себе, со стороны... медицины! Да, да, медицинская помощь страждущим может, по словам Клайна, погубить Америку: чего только не придумают эти зловредные русские!

Вы улыбаетесь? Читайте сами, что сказал доктор Клайн: «Возможность отправки советских врачей в страны Азии, Африки и Южной Америки для оказания медицинской помощи местному населению может оказаться катастрофой для Соединенных Штатов, так как нет более очевидной и понятной пропаганды, чем непосредственное спасение жизней или лечение болезней».

Так прямо черным по белому и написано.

И вышло такое из-под пера человека, претендующего на звание врача-лечебника!

Ну что же тут можно сказать? Только одно: мистер Клайн, обратитесь к врачу! Хотя, впрочем, можете и не обращаться. Диагноз ясен и так: ярко выраженная мания преследования, осложненная рецидивами «холодной войны». Субъект явно опасен для общества и для окружающих. Метод лечения: полная изоляция, и чем скорее, тем лучше.

В. ЗОРИН

Крестная сила

— Извините, синьор, но на эту должность у нас уже есть восемь претендентов...
— Возможно, но были ли они в гитлеровской армии?
— ? ? ?

— А я служил. Имею награды. И поэтому пользуюсь преимущественным правом при поступлении на работу. Хотите посмотреть боевые кресты? Разумеется, я их не приколол к костюму, на улице это небезопасно...

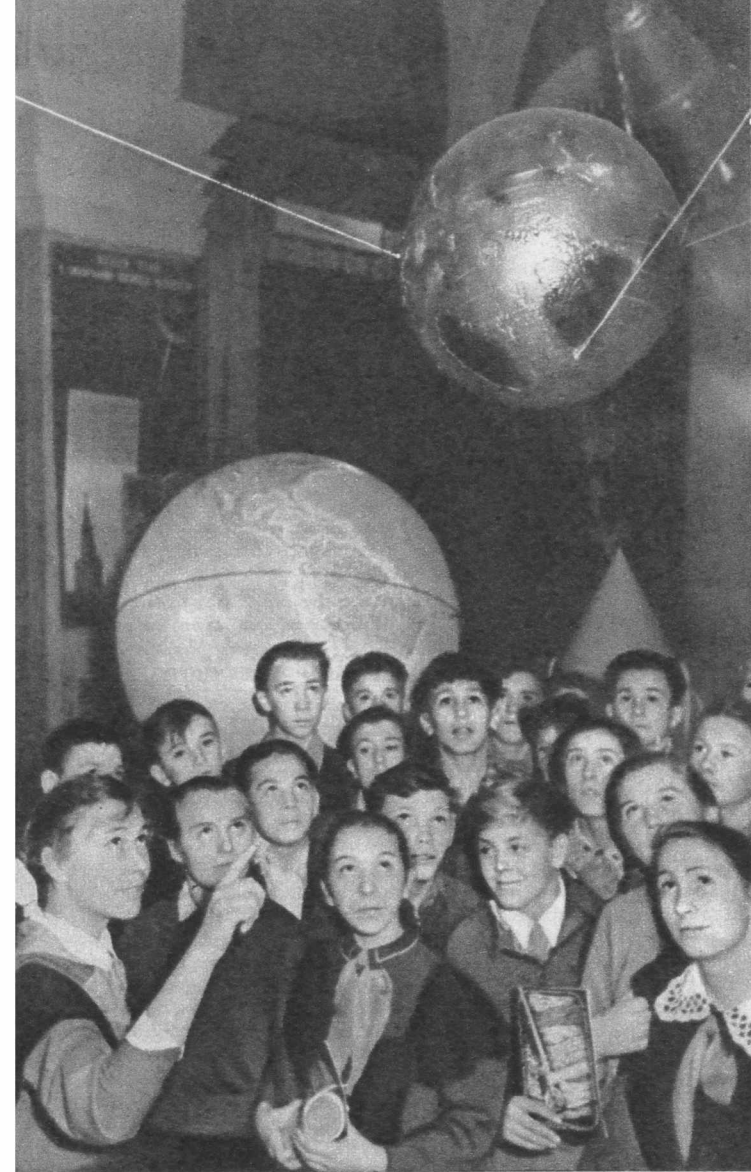
Такой разговор вполне мог состояться в том или ином государственном учреждении Италии. Министр обороны, христианский демократ Джулио Андреотти недавно издал официальный циркуляр, в котором указано, что лица, получившие от немецкого командования военные кресты, обладают льготами при приеме на работу.

Подвиги гарибальдийских бригад занимают почетное место в истории европейского Сопротивления нацизму. Десятки тысяч бывших партизан, боровшихся с гитлеровскими захватчиками, справедливо расценили

документ, изданный Андреотти, как оскорбление памяти павших героев, как странную и позорную попытку реабилитировать коллаборационистов.

Министр обороны не сражался с нацистскими захватчиками в горах и долинах Северной Италии. В те годы он занимался более спокойной деятельностью: возглавлял реакционные студенческие организации «католического действия». Но, очевидно, особым уважением к немецким орденам и медалям он проникся на нынешнем посту, когда ему приходится сотрудничать с увещанными гитлеровскими наградами генералами милитаристской Западной Германии. И кресты, запятнанные кровью патриотов, приобрели официальную силу в Италии 1959 года. Стоит ли говорить о том, что это не может принести ни лавров, ни уважения ни самому Андреотти, ни его министерству.

В. КАЗАКОВ

ГЛОБУС ЛУНЫ впервые выставлен в одном из залов московского Политехнического музея. Здесь же демонстрируются модели советских искусственных спутников Земли, а также карты и схемы движения спутников и ракет в космическом пространстве.

На снимке: экскурсанты-школьники из подмосковного города Балашихи знакомятся с глобусом Луны.

Фото Г. Санько.

НОВУЮ МАШИНУ «ГАЗ-62» грузоподъемностью в одну тонну начинают выпускать горьковские автостроители.

Автомобиль имеет привод на обе оси и снабжен однооскатными шинами большого диаметра. Благодаря оригинальной конструкции двигателя достигается большая экономия горючего.

Фото В. Храмцова.

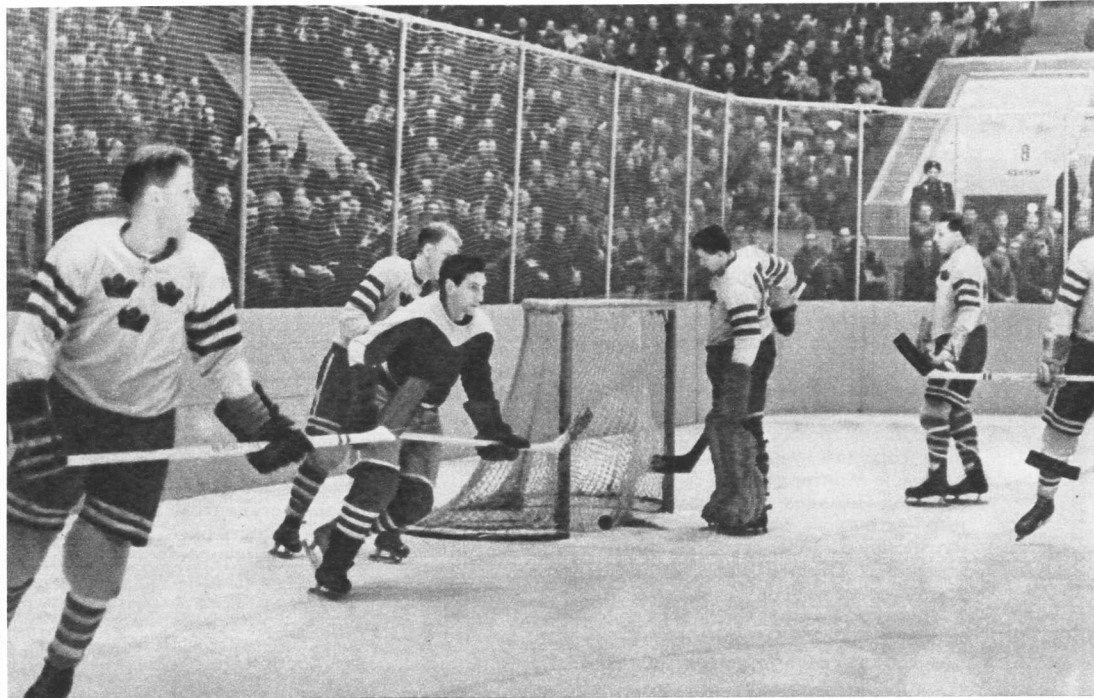
ПАМЯТНИК-НАДГРОБИЕ Г. Е. КОТЕЛЬНИКОВУ — основоположнику современного парашютизма — открыт на Новодевичьем кладбище. Автор скульптуры — Г. Н. Постников.

Фото Г. Захаровой.

КРУПНАЯ УСТАНОВКА ПО НЕПРЕРЫВНОЙ РАЗЛИВКЕ СТАЛИ возводится в мартеновском цехе Сталинского металлургического завода в Донбассе.

На снимке: в машинном зале.

Фото Е. Комма.

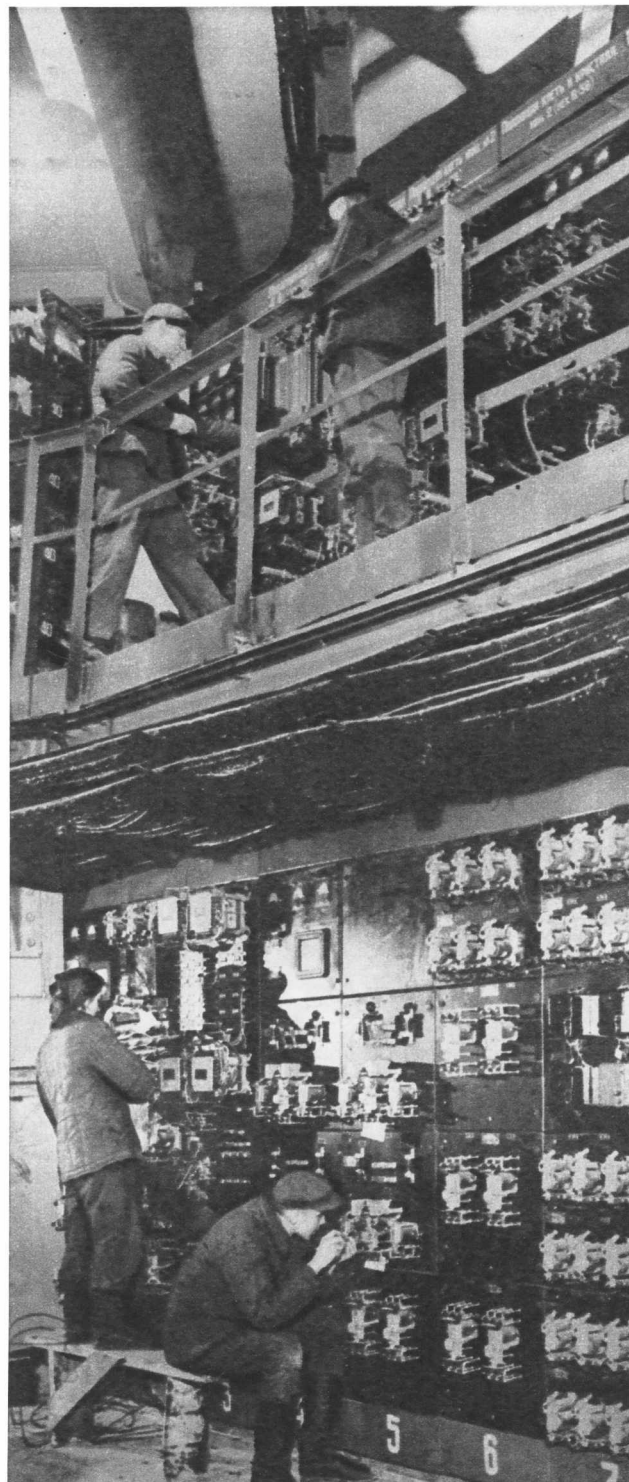
ШВЕДСКАЯ ХОККЕЙНАЯ КОМАНДА «ТРИ КОРОНЫ» — одна из лучших в мире — недавно дважды встречалась в Москве со сборной СССР. Первый матч закончился победой гостей со счетом 3:1. Во втором победили советские спортсмены: забив 8 шайб, они пропустили в свои ворота только 2.

На снимке: гол в воротах шведской сборной.

Фото Б. Светланова.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ «НАУКА И РЕЛИГИЯ» издается Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний. Он рассчитан на массового читателя, печатает разнообразные материалы, посвященные критике религиозной идеологии, истории и теории научного атеизма, сообщает о новейших достижениях науки.

ДОБРОЕ УТРО, СОВЕТСКО.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Закончилась поездка А. И. Микояна в далекую солнечную страну Мексику. Сейчас, когда просматриваешь блокнотные записи, сделанные в течение десяти дней в разных городах Мексики, трудно сделать выбор, о чем же рассказывать. Мехико-сити и пятидесятикилометровая поездка по разным городам Мексики — от Монкловы и Монтеррея на севере до Сьюдад-Пемекса и Поса-Рики на юге — открыли перед нами страну, полную контрастов и противоречий... Страну непроходимых тропических лесов и бескрайних пустынных степей; страну болотистых равнин и выжженных солнцем белых каменных плато; страну неграмотных крестьян и великолепного столичного университета, которому могут позавидовать многие государства мира. Мы видели развалины — памятники древнейших культур ацтеков, олмаков, тотонаков — и оснащенные современным оборудованием,

Мексиканские дети рады приезду советского гостя.

выполненные в прекрасном архитектурном стиле заводы; мы повидали страну богатства и нищеты.

Но среди всех противоречивых впечатлений есть одно, которое не менялось оттого, в какой части страны мы находились, спускались ли в болотистые низины или поднимались в горы к облакам, разговаривали ли с рабочим-нефтяником или студентом университета, бедным крестьянином или крупнейшим банкиром. Я имею в виду искреннее, дружеское отношение мексиканцев к Советскому Союзу. Оно проявлялось в том горячем, сердечном приеме, который повсюду в Мексике встречал первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян.

...Мы едем в огромном автобусе из Поса-Рики в Мехико. Машина по горной извилистой дороге поднимается из тропического зноя равнины в умеренный климат высокого плоскогорья, где раскинулся четырехмиллионный

Мехико. С каждым десятком километров пути становится все холоднее и холоднее. Пассажиры кутаются кто во что горазд, закрывают окна.

Вдруг на улицах города Хасучиранге путь автобусу преграждает толпа человек в семьдесят. В переднее окно, у которого сидит А. И. Микоян, многочисленные смуглые руки протягивают хоронго — индейское одеяло с разрезом посередине, чтобы набрасывать его через голову на плечи.

Нет, никто их не предупреждал официально. Они узнали, что сеньор Микоян проедет через их город, из газет. Им хотелось приветствовать гостя из далекого Советского Союза. И потом они не знали, догадался ли сеньор Микоян захватить с собой теплые вещи. Вот поэтому они здесь. Пусть сеньор Микоян наденет хоронго. Это очень тепло. Оно такое плотное, что даже не пропускает воду. И еще они просят, чтобы «Анастасио Микоян» обязательно посетил их традиционную городскую ярмарку цветов...

Через несколько десятков километров машину снова останавливают люди. Это рабочие насосной станции. Она здесь недалеко —

всего один — два километра. Пусть советский гость заедет и к ним. Для машины этот крюк ничего не стоит, а рабочим будет очень приятно повидать у себя вице-премьера Советского Союза. О поездке они тоже узнали из газет.

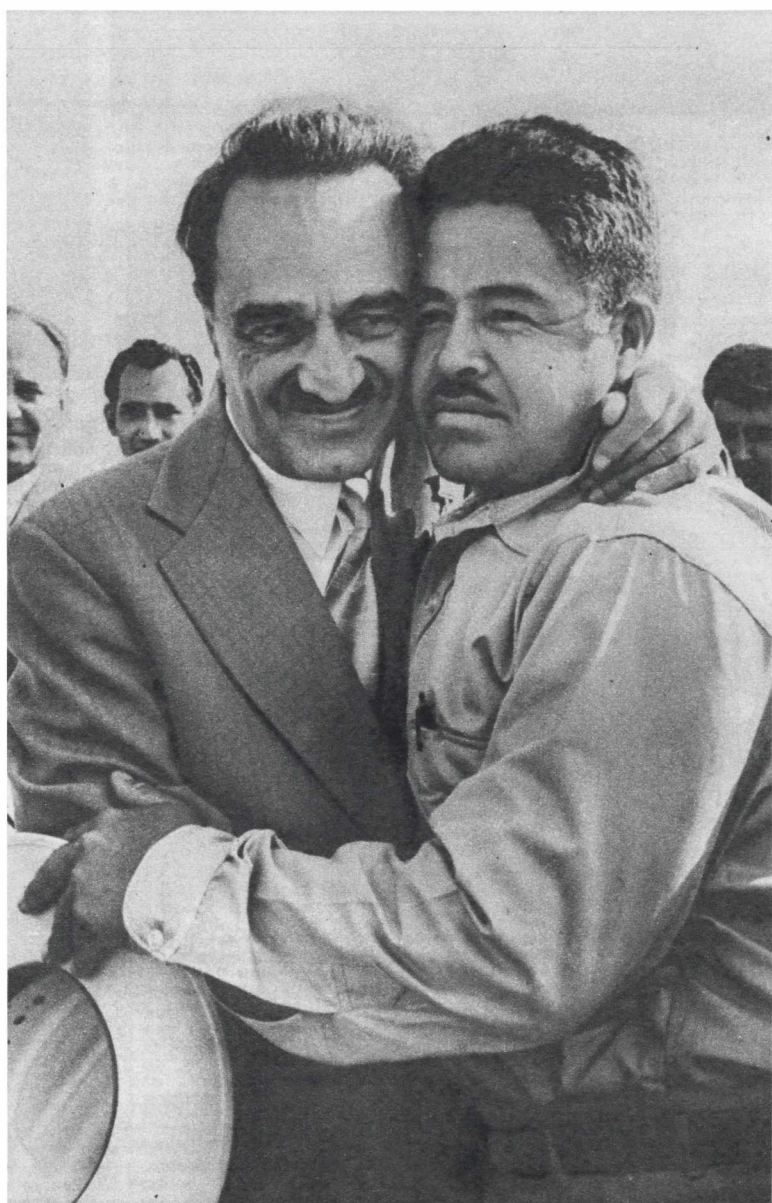
Один из рабочих показывает переводчику А. И. Микояна — А. Матвееву какую-то бумажку. — Правильно? — спрашивает он. — Правильно, — отвечает переводчик.

Тогда рабочий подходит к А. И. Микояну и, старательно вчитываясь в латинские буквы на листе бумаги, произносит по складам:

— До-бро-е утро! Как по-жива-ете?

И хотя уже довольно поздний вечер, никого это не смущает. Правильно! Доброе утро! Доброе утро, советско-мексиканская дружба!

И еще раз останавливают автобус на дороге. На этот раз группа рабочих-текстильщиков из города Толунсинго. У въезда в город между двумя столбами натянут плакат: «Добро пожаловать, Микоян! Желаем пожать вашу руку!».

А. И. Микоян с одним из инженеров нефтеобрабатывающего завода в Поса-Рике.

МЕКСИКАНСКАЯ ДРУЖБА!

Два часа в ночной темноте ждали они автобус, срочно написали этот плакат. И снова в окно к А. И. Микояну тянутся смуглые руки, предлагая крепкое рабочее рукопожатие. Каждый из тех, кто стоит на дороге, произносит несколько слов, которые его просили сказать советскому вице-премьеру рабочие фабрики.

— Передайте привет советскому народу, — говорит один. — Скажите, что мы очень благодарим его за мирную политику.

— Мы текстильщики, — произносит другой, сняв широкополую шляпу. — Мы очень рады приветствовать вас, сеньор Микоян, в этом городе. Завтра многие из нас поедут на советскую выставку в Мехико, чтобы увидеть своими глазами ваши успехи.

Во время поездки по стране А. И. Микояну исполнилось 64 года. В день рождения — 25 ноября — в дом для гостей в Поса-Рике, где остановился А. И. Микоян, пришли народные мексиканские певцы «марьячес», чтобы приветствовать его традиционной «Утренней песней». Жены руководящих работников государственной нефтяной компании «Пемекс» в этот день удалили из кухни профессиональных поваров и сами стряпали праздничный обед. Кто-то из них написал на русском языке меню. На первой странице печатными буквами было выведено: «Гражданин! Поздравляем вас с днем рождения!»

На этом обеде сопровождавший А. И. Микояна в поездке по Мексике главный директор государственной нефтяной компании «Петролеос Мехиканос» (Пемекс) господин Рольдан произнес речь, часть которой я приведу здесь:

— Три дня мы путешествовали вместе. Я обогатился дружбой с замечательным человеком, чья непосредливость, чья техническая подготовка меня захватывают. Я рад этому.

Господин Микоян говорил: «Мне нравится Мексика, потому что здесь не боятся слова «революция».

А нам нравится Советский Союз, где сохраняется и развивается такое замечательное человеческое чувство, как патриотизм.

Однажды наш президент так определил понятие патриотизма. «Быть патриотом, — сказал он, — это уметь любить ту землю, на которой родился, и не отчаиваться, если она не так богата, как другие, а делать все, чтобы землю эту сделать счастливой». Такой патриотизм нам по душе. Наш патриотизм предполагает дружбу с другими государствами, если эти государства понимают нас и не препятствуют осуществлению наших благородных стремлений.

Такой страной является Советский Союз. Пусть господин Микоян никогда не забывает эту поездку по Мексике, совпавшую с его днем рождения.

Да здравствует Советский Союз!

Везде, где бы ни бывал А. И. Микоян, его забрасывали вопросами о Советском Союзе. Спрашивали журналисты, рабочие, инженеры-нефтяники, промышлен-

Руки дружбы.

ники, коммерсанты, профсоюзные деятели.

Пожалуй, все эти вопросы можно разделить на две группы. Первая вызвана огромным интересом к Советскому Союзу и тем, что в Мексике очень мало знают о нас, во всяком случае, мало знают правды. Вторая группа вопросов касалась перспектив развития дружеских отношений между Советским Союзом и Мексикой в экономике, культуре, искусстве, науке и так далее.

В молодом, только два года на-

зад возникшем городе Пемексе, растущем вместе с нефтяной промышленностью Мексики, А. И. Микоян беседовал с профсоюзными деятелями. Они спрашивали о зарплате советских рабочих, об их отдыхе, о роли в управлении страной, о социальном страховании, о том, сколько у нас безработных и как влияет механизация производства на положение рабочих, увеличивает ли она «число безработных» и так далее.

А когда А. И. Микоян дал исчерпывающие ответы на все во-

просы, один из профсоюзников воскликнул, не скрывая искреннего удивления:

— Так, значит, советские рабочие вовсе не такие уж «рабы», как нам говорили?!

Не трудно догадаться, какой ветер заносит в Мексику клевету о Советском Союзе, о жизни его рабочих, стоит только вспомнить, например, скандальную резолюцию о «порабощенных странах», принятую конгрессом США летом этого года.

Сквозь дымовую завесу, которой окутала страны Латинской Америки реакционная печать, очень редко проникает луч правды о Советском Союзе. Но все же проникает, и тогда он озаряет сердца и умы людей.

Вот почему так много приходилось слышать А. И. Микояну вопросов: «Есть ли надежда на усиление и увеличение торговых отношений между Мексикой и СССР?», «Можно ли наладить обмен студентами между нашими странами?», «Нельзя ли обмениваться журналами?», «Что нужно делать, чтобы увеличить число переводов произведений русских и советских писателей на испанский язык?», «Может ли А. И. Микоян прислать в Мексику советскую медицинскую литературу?» и так далее в том же духе.

А на заводах, на фабриках, которые посещал Анастас Иванович, рабочие просили его передать своим советским коллегам горячий привет, сердечные пожелания счастья, и снова звучало слово дружба, дружба и еще раз дружба!

Жители Мехико приветствуют А. И. Микояна.

Мехико — Москва.

МАРСЕЛЬ

в эти дни...

Евг. ПОПОВКИН

Специальный корреспондент
«Огонька»

Было неожиданностью, что в Марселе ложатся спать рано, по-деревенски. Это ведь второй по количеству населения город во Франции, насчитывающий свыше семисот тысяч жителей.

В памяти сохранилась с юношеских лет песенка о том, как «шумит ночной Марсель», и город представлялся в буйном полыхании разноцветных реклам, воображение рисовало толпы бесшабашных матросов, бойких девиц, шумные притоны «Трех бродяг».

Знакомый писатель, узнав, что я собираюсь побывать в Марселе, где он бывал не раз, сказал:

— Марсель уж не тот. Он много пережил...

Октябрьским вечером нынешнего года я с приятелем, живущим в Марселе, поднялся на холм, чтобы полюбоваться городом. Отсюда, где высится храм Нотр-Дам де ля Гард, увенчанный колоссальной позолоченной статуей «Сторожевой Богоматери», видны и старый порт, и знаменитая площадь Кастеллан с фонтаном Кантини, и очень живописный проспект Каннебьер.

Шел только десятый час, а город готовился ко сну. Гасли огни, молчаливо брели в полутемных переулках одинокие пешеходы, парочки влюбленных.

— Ты поймешь этот город, если постараться встать пораньше, — сказал приятель...

Я смотрел на неяркие огни города, знаменитого уже тем, что возник он в шестом веке до нашей эры. Отсюда полтора столетия назад направлялся в Париж батальон Национальной гвардии, который принес во французскую столицу «Марсельезу», ставшую государственным гимном республики. Здесь рождалась Французская компартия...

Приятель был прав, посоветовав встать пораньше. Рано утром, когда потоки людей — докеров, грузчиков, литейщиков — заполнили улочки, прилегающие к взморью, когда юркие газетчики и словоохотливые продавцы снели и напитков высыпали на площади, а энергичные хозяйки брали приступом у набережной рыбацьи лодки, наполненные ночным уловом: рыбой, омарами, креветками, устрицами, — я увидел подлинный, сегодняшний Марсель, город кипучей жизни, город тружеников. Многоотрасльный город со сложными человеческими судьбами, разными убеждениями, различным материальным достатком...

В маленьком, немногочисленном в утренние часы кафе на бульваре

Право мы разговорились с пожилым марсельцем, читавшим газету. Свежие новости, видимо, интересовали его куда больше, чем стаканчик вина, стоявший перед ним нетронутым.

Он оживился, узнав, что мы из советской страны, и, отложив газету, представился:

— Артур Сенжуаньи... Был мыловаром, электромонтером... Работу оставил по старости... Живу на средства сыновей...

Старого рабочего заметно обрадовала неожиданная возможность побеседовать с людьми, которые не так уж часто ему встречались.

Но прежде чем забросать нас вопросами, он с обстоятельными подробностями принялся рассказывать все, что знает и что думает о советских людях, о премьере Хрущеве, о спутниках и лунниках.

— Главное, — довольно заметил Артур Сенжуаньи, — я не только много слышал, но и кое-что видел.

На закрывшейся недавно в Марселе Международной ярмарке он несколько раз заходил в павильон Советской Украины.

— О, это было замечательно! — восклицал наш собеседник. — Я очень люблю машины, а у вас так отлично их делают!

Нам уже рассказали, каким огромным успехом пользовался у французов украинский выставочный павильон в Марселе, мы знали, что его посетило почти полтора миллиона человек и что французские коммерческие деятели договариваются об обмене заказами с СССР.

Сенжуаньи темпераментно продолжал излагать все, что его волновало:

— Нам не нравятся алжирские дела... Мы не хотим адских взрывов в Сахаре... Не я и не мои сыновья мечтаем о «стопроцентной французской атомной бомбе»... Вы, вероятно, не могли видеть, во что превратилась Марсель последняя война... Когда армия генерала Монсаберта освободила его от немцев, вместо порта были развалины. Двести тридцать кораблей лежали на дне... Вы, русские, сами пережили войну, вы знаете, как расчищать руины и строить все заново... А теперь только и слышишь снова: «Ось Бонн — Париж. Бонн — Париж!»

Старик разволновался. Торопливо закурил сигаретку, прихлебнув из стаканчика, он продолжал несколько спокойнее:

— Ваш Хрущев больше всего покорил нас тем, что он смело борется за мир. В Америке ему было трудно, но и мы, французы, кричали ему «браво». Очень, очень правильно, что наш президент пригласил премьера Хрущева!

Мысли, убеждения старого рабочего о контактах, о дружбе

между нашими народами — французским и советским — разделяли, как мы вскоре увидели, многие марсельцы.

С продавщицей фруктов Моникой Детэ мы познакомились, когда попали на авеню Мишле, чтобы посмотреть одну из достопримечательностей Марселя, дом «Город Света», построенный архитектором Корбюзье. Об этом эксцентричном строении сами марсельцы сказали нам с подкупающей непосредственностью:

— Идеального здания будущего, как было задумано, конечно, не получилось. Но посмотреть советуем...

Мы остановились перед домом Корбюзье, чтобы купить бананов, и вдруг продавщица, словоохотливая толстуха в широкополой соломенной шляпе, услышав русскую речь, заговорила скороговоркой, на которую способны, пожалуй, только француженки и итальянки:

— О, лунник! Очень хорошо! Хрущев — Америка очень хороша!.. Пусть будет все хорошо!..

Мы поднялись в одну из квартир восемнадцатизэтажного дома Корбюзье. Ее хозяйка, пожилая, но весьма подвижная и жизнерадостная, неожиданно сообщила:

— А я лишь недавно из Москвы... Туристская поездка... Приятно, что в гостях у меня русские.

Показывая свою квартиру: столовую, детскую, кухню — все предельно миниатюрное, — хозяйка неумолчно рассказывала о том, какое прекрасное впечатление произвели на нее и ее спутниц новые жилые дома в Москве, Кремль, Большой театр, метро, детские ясли, лечебницы...

Говорила она о Москве с большим воодушевлением, и я подумал о том, что это нельзя было объяснить только гостеприимством, присущим французам.

— Нам надо дружить! — подытожила она безапелляционно. — У вас много хорошего, а мы дружить умеем с хорошими людьми. И я видела, что никто из русских не хочет войны, как не хотят ее и у нас.

Когда соседи перестают бывать друг у друга в гостях, — добавила она с подкупающей улыбкой, — это грустно. А теперь стало как-то спокойнее. Макмиллан был в гостях у вас, премьер Хрущев — у президента Эйзенхауэра. Мосье Хрущев придет к нам, и мы хотели бы, чтобы наш президент побывал с ответным визитом в Москве...

Мы ответили, что наш народ встречает радушно всех, кто приезжает в советскую страну с дружескими чувствами.

Наша общительная хозяйка стала рассказывать, ссылаясь на скупые, но выразительные цифры

собственного бюджета, о материальных затруднениях, которые испытывает из-за гонки вооружений большинство французов.

Обходится ее квартирка в пятнадцать тысяч франков. Муж ее, служащий одного из музеев, получает в месяц тридцать пять тысяч. Налог составляет пятую часть заработка.

— Денег остается совсем немного.

Когда наша собеседница предложила спуститься вниз, где расположены магазины продуктов и промышленных товаров, разговор зашел о ценах.

— Мясо я могу давать мужу и ребятишкам к столу один раз в неделю, — сказала женщина. — Даже лангусты, которые так у нас любят, пока еще редкое лакомство. Нет, жизнь очень дорогая! Франки слишком потеряли в весе.

— Зато набирают в весе кое-какие штучки, нужные НАТО, — заметил не без ехидства продавец, внимательно слушавший разговор.

— Наша валюта кажется твердой, если в кармане много франков, — вставила одна из покупательниц. В руках у нее была изящная корзиночка с несколькими картофелинами и головкой капусты. Она добавила: — Для нас был праздник, когда мы услышали о предложениях Хрущева полностью разоружиться...

Как-то наш русский язык привлек внимание стоявшего в толпе высокого, худощавого мужчины в синем берете и пестром шарфе вместо галстука. На плече он держал прелестную девочку.

Непринужденно, словно продолжая давно начатый между нами разговор, он сказал, обращаясь к нам:

— Никто еще не заявлял так внушительно, на весь мир, что надо стремиться прожить без оружейной канонады, без бомбежек... Это мы услышали от бывшего шахтера, главы вашего величайшего государства.

Наш случайный собеседник — его звали Эрнест Конт — пояснил, что он уже год состоит в обществе «Франция — СССР», куда его вовлек закадычный друг, который во время последней войны служил в эскадрилье «Нормандия-Неман».

— Мой друг часто рассказывает о русских ребятах, — добавил Эрнест. — Когда он начинает вспоминать, как советские и французские летчики вместе громили фашистов, его можно слушать до рассвета... Хрущев будет желанным гостем в каждой французской семье...

Уже вернувшись домой, в Москву, я прочитал, что мэр Марселя Гастон Деффер по решению муниципального совета пригласил Никиту Сергеевича посетить Марсель. И я живо представил, какую радость доставит его проезд простым людям города-труженика.

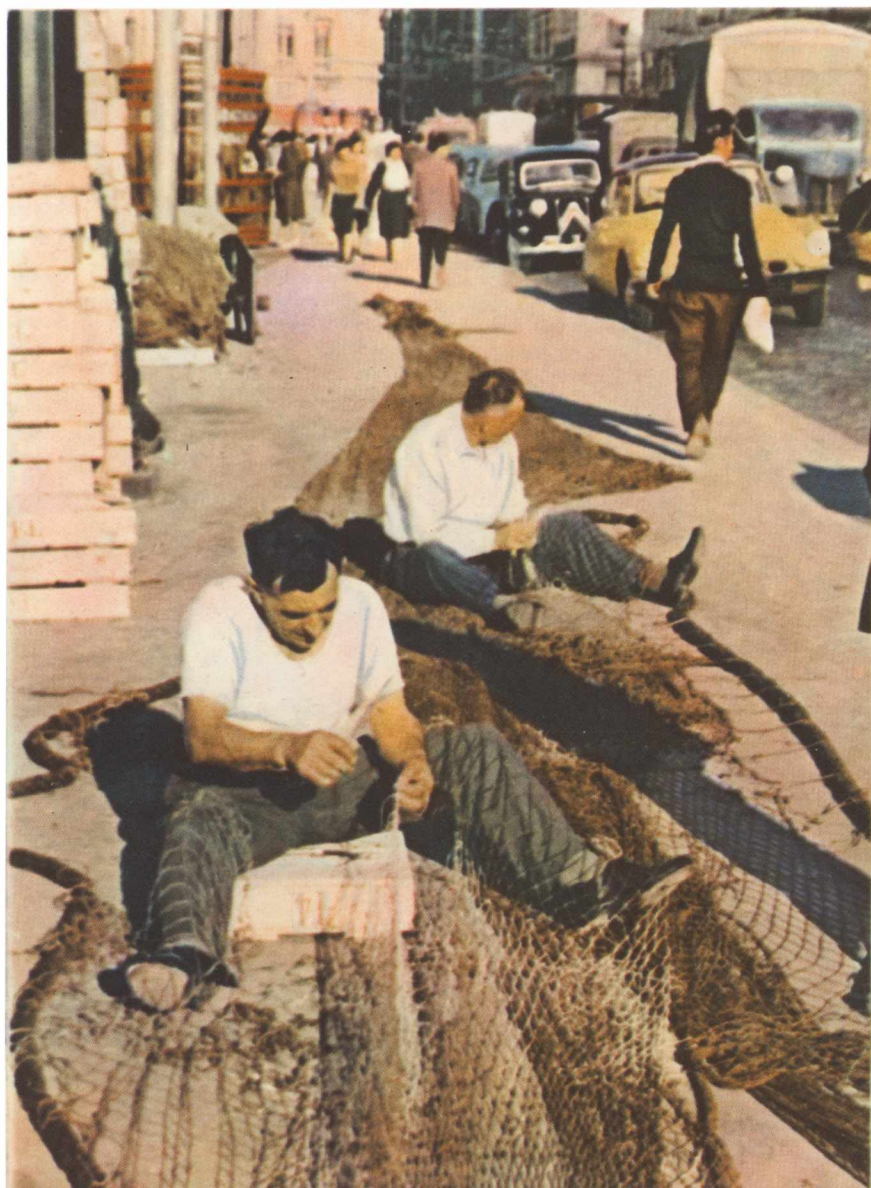

Марсель. Старый порт.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Здесь утоляют жажду.

Рыбаки готовятся к выходу в море.

Главная артерия Марселя — Каннебьер.

Раздумье матери.

Продавщица воздушных шаров.

Весть о «луннике» важнее стаканчика пива.

Стрелять только в облака!

Ия МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

«Оружие» найдено!

Винограда сейчас в солнечной Алазанской долине десятки тысяч гектаров — ценного, дающего лучшие сорта знаменитых кахетинских вин. Вырастить его и сделать вино не просто. Круглый год занят кахетинец на виноградниках.

Но не всегда небо безоблачно, даже в таком благодатном крае. Облака все же появляются. Маленькие, белые, они рождаются над теплыми склонами. Постепенно очертания их становятся более грозными, они разбухают, виснут, тяжелые, над хребтом, миг — и с неба падают пригоршни твердых, холодных ядер. Бьет град.

Через несколько минут все смято, втоптанно в грязь. Изранены тонкие лозы, сухи глиняные кувшины — кевври, приготовленные для веселого вина. Простаивают государственные и колхозные винодельни. Ничего не попишешь: стихия!..

Ученые и раньше стремились помочь виноградарю Кахетии. Одни изучали процессы, ведущие к возникновению губительного града, другие определяли границы распространения градовых явлений, составляли карты. Кропотливый труд их не был бесполезен.

Несколько лет тому назад здесь появилась экспедиция Института геофизики Академии наук Грузинской ССР. Вместе с грузинскими учеными работали московские коллеги, Эльбрусская экспедиция Академии наук СССР, также занимающаяся проблемами градообразования.

Было установлено, что градовые облака «привязываются» к горным хребтам, здесь «созревают» и нацеливаются на долину. Ни в коем случае нельзя пустить их туда, надо заставить их «разрядиться» тут же, над горами.

Известно было также, что луч-

ше всего действует на процесс разрушения облака йодистое серебро. Введение частиц йодистого серебра в переохлажденную часть мощных кучевых облаков приводит к образованию в них кристаллов льда. Быстро вырастая до снежинок, они попадают в теплые слои воздуха и превращаются в дождевые капли.

Как будто просто. Но как узнать высоту, на которой происходят эти процессы в данном облаке? Как внести вещество вовремя и в нужный район?

Жители Алазанской долины с любопытством стали наблюдать, как над Гомборским перевалом кружатся самолеты, выпуская в облака серебристую пыль. Однако на высокие градовые облака самолету трудно было взобраться. Тогда началось другое: верхушка горы принималась неимоверно дымить. Громадные клубы, насыщенные йодистым серебром, устремлялись вверх, но частенько упрямо поворачивали и стелились по долине. Наконец, в облако запускали шары с контейнерами. Контейнерам надлежало в заданном месте автоматически открыться и высыпать вещество. Шары относил ветром.

Родилась мысль о применении ракеты. Настал момент, когда алазанские «охотники за облаками» получили такую отечественную противорадовую ракету. Ряд научно-исследовательских учреждений далеко от Алазани трудился над тем, как защитить ее от стихийных бед. Всю эту деятельность координировала Противорадовая комиссия Государственного научно-технического комитета Совета Министров Грузинской республики.

Много узнали ученые, и все-таки еще не все тайны стихии известны, борьба с градом находится пока только в стадии научных исследований...

Новые пророки на вершинах

На Алазани существует штаб противорадовой экспедиции со своей дальней и ближней развед-

Запуск противорадовой ракеты.

Определяется высота градовых облаков.

кой, чтобы быть готовыми всегда к приходу «неприятельских сил».

Штаб расположился в самом центре долины, возле большого, утопающего в виноградниках кахетинского села Руиспири. Открытая площадка, приборы, аппаратура, широкий вид на Главный Кавказский хребет и цепи примыкающих к нему Циви-Гомборских гор.

Сигнал к началу опыта — три красные ракеты.

Люди живут здесь с ранней весны до поздней осени. Живут еще в бараках-временках. Но мы видели тут сложенные в штабеля будущие дома. Они встанут весной и заложат основу постоянного научного городка, который можно было бы назвать Градоградом.

А почему бы и нет? Уже сейчас, помимо Грузинского института геофизики, в Руиспири представлены Центральная аэрологическая обсерватория, Главная геофизическая обсерватория, Тбилисский научно-исследовательский гидрометеорологический институт и Управление гидрометслужбы республики. А там и еще прибавит в полку борцов с градом, который беспокоит — увы! — не одну только Алазань.

...Мы в лагере Вашловани. Солнце еще светит, а фанерная хижина, служащая кровом для радиста и стрелков, уже начинает дрожать от ветра. Кажется, нам удастся увидеть, как люди расстреливают облака.

— Внимание!

Орудие направлено в градовую тучу, нависшую слева над холмом. Раздается выстрел, и через несколько секунд ракета, поднявшись на большую высоту, скрывается в синей толще из капель, льдинок и водяных паров.

Что там сейчас происходит, знает один радиолокатор. Пока лишь ему дано, и то неглубоко, проникать в тайны холодных внутриоблачных страстей, вызванных появлением непрошеной гостьи. А человеческий глаз может только засвидетельствовать угасание облака, так и не успевшего «расцвести».

Над Алазанью снова сияет небо...

Стрелки и наблюдатели возвращаются в свой лагерь. И тут, за обедом, выясняется любопытная деталь.

— Откуда у вас такой свежий

деревенский сыр? — спрашиваем мы.

— Колхозники приносят в дар. Отказываться нельзя. Обижаются. Это они благодарят нас за то, что стараемся избавить их от града...

Когда-то крестьяне ходили на вершины к отшельникам-монахам, которые безуспешно заклинали Илью-пророка смилостивиться и не посылать града. Но вот появились в горах новые «пророки», и

есть уже первая «колесница», первый транспорт в облака.

Советская противоградовая ракета — это лишь начало большого наступления ученых на стихию.

Думая об этом, видишь не одну долину, а всю землю, весь земной шар и всяческие ракеты, которые будут стрелять только в облака.

На нашей планете хорошая погода будет делаться наверняка!

После выступления «ОГОНЬКА»

«КОПЕЕЧНОЕ ДЕЛО»

Так назывался фельетон Руд. Бершадского, опубликованный в № 39 «Огонька». В фельетоне приводился ряд случаев обмера, обвеса, обсчета покупателей в торговой сети Москвы.

Как сообщают редакции директора соответствующих управлений торговли, все факты, приведенные в фельетоне, подтвердились и на торговых работников, тем или иным способом залезавших в карман потребителя, наложены взыскания.

Десятки читателей «Огонька» приветствуют выступление журнала и сообщают аналогичные случаи обмера, обвеса, обсчета покупателей. Сигналы читателей переданы в соответствующие организации для проверки и принятия должных мер.

Ряд читателей предлагает новые способы наказания виновных. В. Р. Шевчик из Магаданской области пишет: «Нужно предоставить права работникам ОБХСС по каждому случаю установленного незначительного обмера, обсчета и обвеса покупателей (если это недостаточно для предания суду или увольнения с работы) налагать штраф до 300 рублей. Этим самым поднимется ответственность продавцов».

Рабочий завода «Ташсельмаш» В. П. Иванов предлагает шире привлекать в качестве общественных контролеров торговли пенсионеров, а также отстранять от работы в торговой сети на определенный срок или увольнять торговых работников, уличенных в обмане.

Читатель Е. А. Пенарский из города Бабушкина предлагает «под строжайшей ответственностью завмага или его заместителя обеспечивать кассы разменной монетой». Е. А. Пенарский выдвигает и еще одно предложение: «Поручить научно-исследовательскому институту Министерства торговли сконструировать весы-автомат для контрольного взвешивания продуктов и широко внедрить их в систему розничной торговли».

Льрика

Александр ПРОКОФЬЕВ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

1

Весна моя! Ты вся открыта взору,
Тебя, твой облик в сердце сберегу!
Где б я ни шел в твоих цветных просторах,
Не думать о тебе я не могу!

И сколько б дум я здесь ни передумал,
И сколько б ни стоял перед мечтой,
Я полонен твоим зеленым шумом,
Твоею статью, русской красотой.

2

Звезда моя! Иду к тебе бесслѣзно:
Ты высушила слезы навсегда.
Как хорошо, что есть д н е в н ы е звезды!
Одна из этих звезд — моя звезда!

Ее огонь горит любой порою,
Он озаряет путь не нам одним.
Ее огонь зажжен землей героев,
И он в душе моей неугасим.

3

Любовь моя! В чем признаюсь я ныне,
Давно горело в сердце у меня.
Любовь моя! Души моей святыня,
Всего меня навеки полоня,

Увидела ли ты, какое чудо
В моей груди свершилось этим днем?
А я о нем рассказываю всюду,
Наверно, ты услышала о нем.

4

Оно — что сердца стук, оно — дыханье,
Оно пылает пламенем в крови,
Оно владеет всем моим признаньем
Негаснущей, немеркнувшей любви,

Такой необоримой и всевластной,
Такой, что не найти ее милей,
К тебе, великой, и к тебе, прекрасной,
К тебе, любви и радости моей!

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Мои друзья летели в бурках
Зимою в огненной пыли,
И сивки — вещие каурки
Едва касались земли.

Мои друзья в гнилых болотах
Встречали грудью ярый шквал,
И даже спирт луженых глоток
Моих друзей не обжигал.

Мои друзья легли на сопках,
В долинах, что горят в цвету;
Моих друзей сжигали в топках.
Но разве можно сжечь Мечту?

Мои друзья в бои летели
И, хоть у неба на краю,
«Вставай, проклятьем...» громко
пели,
Как песню первую свою.

Она могуществом напева
Срывала крышки у гробов,
И с ней вставал с великим
гневом
«Весь мир голодных и рабов»,

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Кого душил с рожденья голод,
Кто под железной был пятой.
И поднимался серп и молот,
Как символ песни той
святой!

И с каждым днем вольней
и шире
Она раскинула крыла,
И нет, пожалуй, славы в мире,
Чтоб ей в подножье встать
могла!

ПОЭЗИЯ

Мать мне песню пела в поле дальнем,
Я потом слышал ее не раз.
А латышка сыну пела дайну
В тот же день и в тот же самый час.

И былинка легкая проснулась,
Заиграла речка, стихнул зной;
Это их Поэзия коснулась
Властью, ей присущей лишь одной.

Матерей коснулось краем счастье,
Песенки допели до конца.
Нет сильней и нет прекрасней власти,
Чем затронуть души и сердца!

МНЕ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ...

Мне ничего нельзя забыть:
Я не сыночек маменькин.
Так как же мне с тобою быть,
Такой большой и маленькой?

С твоим весельем и тоской,
С твоей судьбой завидною?
С такою гордою, с такой...
С такою беззащитною?

С тобою в поле и в лугу
На жизнь свою не сетую,
Я без тебя жить не могу
И людям не советую!

И ты диктуешь мне: — Пиши!
Ведь что-нибудь останется.
Ты просто крик моей души,
Надежда и пристанище!

Ты просто песня для всего,
Что в мире растревожено,
Ты просто сердце!
А его
Второго не положено!

И ты ко мне всегда долей,
Не тешь меня забавами.
Ты просто свет любви моей,
Любовь моя,
та самая!

Бегут и катятся года,
Они свое отрезали...
И только в том моя беда,
Что я влюблен в Поэзию!

ДЕД

Дед мой Прокофий
Был ростом мал,
Мал, да удал,
Да фамилию дал!

Дал на деревню,
На весь уезд,
Дал для сынов
И еще для невест;

Дал, как поставил
Печать с гербом!
А что на печати?
Да дед с горбом!

А где о нем вести?
Вдали, вдали!
А где его песни?
Да с ним легли!

А где его слезы?
В морской волне.
А где его думы?
По всей стране!

А где его доля?
В руках бойцов.
А где его сердце?
В земле отцов!

★ ★ ★

...А откуда на Ладого украинская мова,
Задушевное, мягкое и певучее слово?
Украинская мова?

Едва ли, едва ли!..
Не поверите мне, так поверите Далю!

Впрочем, с давнего времени начинается
речь.

Как-то царь разорил Запорожскую Сечь
И сослал двадцать тысяч украинских сынов
Рыть Петровский канал.

Мало видели снов
Запорожские хлопцы о своей Украине,
Засыпая в болотах, на камне, на глине,
На холодном ветру замерзая,
вмерзая

В темный камень-валун
иль в граниты вгрызаясь,
Чтоб легла на костях возле моря дорога,
По болотам, забытым и чертом и богом!

...Не всегда небо в тучах — бывают просветы.
Не всегда же зима — наступает и лето.
И под ладожским ветром, а может,

балтийским,
Не дремало родное Запорожское вийско!
Захмелев от простора, от радости плача,
Обнимало в рыбацких селеньях рыбацек.
Не встречали отпора запорожцы, пожалуй,
И в уста целовали моих ладожанок,
И дарили им песен заветное слово,
Вместе с песнями всю украинскую мову...

★ ★ ★

Нет, я еще не все сказал. Куда там!
Уже давно покончено с войной,
Но все ж велик мой долг перед солдатом,
Что грудью заслонил свой край родной.

Когда земля тряслась в кромешном гуле,
Узнал солдат, что и вода горит,
А в грудь его навилет били пули,
Кровь жгла снега, да что снега — гранит!

Солдат стоял, где сталь изнемогала,
Солдат лежал, где плавилась броня.
Солдат шагнул, где смерть располагала
Еще большим количеством огня.

Где он прошел, земля слывет железной;
Где он стоял, разило солнце тьму.
Он шел, горел, тонул, стоял над бездной —
И равных в славе не было ему!

И равных в силе не было, пожалуй!
От взрывов бомб, фугасов и гранат
Земля очей в ту пору не смежала,
Она-то знала, чем силен солдат!

Мы испытали всё, и полной мерой.
Не позабыв, не сбросив ничего,
Он был силен несокрушимой верой
В бессмертие народа своего!

Где он стоял, Свобода ликовала;
Где он ходил, разбив ее тюрьму,
Свобода, словно сноп огня, вставала...
...И равных в силе не было ему!

И равных сердцем не было, пожалуй!
Оно такой поход перемогло,
Оно такие вихри отражало,
Такую, скажем, ярость пережгло,

Что камень раскололся б от нагрева!
Оно не уставало до конца,
Оно вело наполненные гневом
Святую мечь и мужество бойца!

Позаросла пыреем и осотом
Земля с войны.
Не все пришли домой.
И тишину на Пулковских высотах
Хранит давно великий город мой.

Там спят солдаты, павшие в кровавой
Битве,
легшие в строю;
Их не забудут Питера заставы:
Они за них здесь легли в бою,

Они за них тогда пошли под пули,
Вгрызались в землю и в гранит седой,
Они за них здесь вечным сном заснули
В походных шлемах с красною звездой!..

ПЕСНЯ НАЧИНАЛАСЬ, КАК ВСЕГДА...

Песня начиналась, как всегда:
Загоралась первая звезда...
Раскрываю я свою тетрадь,
А в тетради только тишь да гладь!
Спят мои страницы первым сном,
Спит дружок мой — тополь под окном,
И заснула иволга в лесу,
И трава не сбросила росу...
Песня начиналась, как всегда:
Слово разгоралось, как звезда!
Застучало в сердце: — Пусти, пусти!
Дай мне поскорее цвести, цвести!
Слово говорит мне: — Не медли, брат,
Дай мне поскорее верхний ряд,
Дай мне поскорее верный лад,
Ставь хоть новобранцем в строй баллад!
А за ним другие мчат слова,
Потруднее тем лишь, кто сперва,
Там, глядишь, и зорька занялась.
Песня начиналась.
Началась.

★ ★ ★

Ну, вот валун на валуне,
Сосна на валуне.
И по душе такое мне
На финской стороне.

Да и гранит, да и гранит
Лесам таким опора.
Но он безмолвие хранит,
А я жду разговора!

Дороженька неблизкая
Летит порой рассветной...
А вон тропинка лыжная
В лоскутках разноцветных.

Указано, расцвечено —
Не заблудится кроха.
И то, что мной подмечено,
Ну, ей-же-ей, неплохо!

Но и у нас такая есть
Суровая краса.
Как будто знак мне или весть
Дают о ней леса.

У нас на Ладоге гранит
Совсем не плох на вид,
А валуны, а валуны
Седые от волны.

Она заснуть камням не даст,
Она их так стремглав обдаст,
Что не вздохнуть, не охнуть,
В июле не обсохнуть!
На них глядят леса, боры,
И прочее, и прочее...
Как бильiardные шары,
Они волной обточены!..

...— Ну,— скажет критик,—
Друг ты мой,
Опять твои окрестности!

А я люблю ходить домой
Из заграничной местности!

НОВГОРОДУ

Тыща сто голосов, как года, поднялись,
И ударило в небо веселье:
Огнечкрылые птицы повсюду взвились
И зареяли ярко, весенне

По-над русской рекою, над новым
предместьем,
По-над местом, где правило Вече.
И слетались туда величальные вести,
А грядущему веку навстречу

Вышли сразу одиннадцать грозных веков,
Те, что здесь, возле Волхова, спали,
И как будто одиннадцать тяжких клинков,
Засверкав русской сталью, упали!..

★ ★ ★

Не знаю, что я в памяти оставляю
Моих друзей в моем родном краю.
Я только то и делаю, что славлю
Самозабвенно Родину свою.

Я знаю: сердце дальше глаз увидит,
Оно, как говорят, без берегов!
И что моя Отчизна ненавидит,
Я тоже ненавижу, как врагов!

Она простая? Подлинно простая!
А какова собой?

Мои друзья,
Я никогда веснушек не считаю,
И в этом тоже заповедь моя!

Страна моя бесчисленно раз прекрасна,
И никому ее не превозмочь!
Согласны с этой истиной, согласны?
Кто не согласен, пусть уходит прочь!

Его душа — гнилушка или камень!
А мы, коль говорить наедине,
Уже стоим с грядущими веками,
С величием грядущим наравне!

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЕ ОЗЕРА

Они участвуют и действуют
В завоевании сердец.
Кто их назвал
Красногвардейскими,
Тот, безусловно, молодец!

Они шумят, мой слух лаская,
И вьется здесь, не широка,
Гвардейской лентой, луговая,
Соединяя их, река.

Они гремят грозой отпора,
Героев славя имена,
Красногвардейские озера,
Красногвардейская волна!

ЛЮБА

Ох, черны глаза, черны!
...Не вернулся муж с войны,
Как заснул, так не проснулся
Где-то около Двины!

Возле сумрачной Двины,
Где воронка на воронке...
Шла оттуда похоронка,
С той заречной стороны.

И одна осталась Люба.
Люба, Люба! Стать легка.
Нецелованные губы,
Как два алые цветка!

Ох, черны глаза, черны!
Две косы, как две волны,
Синей схваченные лентой,
На затылке сведены.

Выйдет Люба на лужок,
На крутой на бережок:
— Где же, где же милый
ходит,
Тот, что сердце бы зажег?

Жил рыбак на том лугу,
Сеть вязал и гнул дугу.
Неужели он не видел
Никого на берегу!..

А У НАС ТУМАНЫ ВЬЮТСЯ

А у нас туманы вьются
Над водой и летом,
И отнюдь не голубые —
Белесого цвета.

И густые: видно, тут
Стан их иль пристанище —
Бросишь палку, и она
Там стоять останется!

До того они густы,
Хоть белы на них холсты!

Или черпай ведрами,
Как живую воду!..
Будет нынче ведро ли,
Или непогода,
Не видать из-за тумана.
Он поднялся очень рано,
Раньше дольного лужка
И пастушьего рожка,
Раньше заводи речной,
Раньше солнца...
Он ночной!

ДЕЛУ НЕТУ ПРЕДЕЛА!

Делу нету предела!
Дело, отдых гоня,
Хорошо завертело,
Хорошо, что меня!

И отпала забота —
Встала твердо строка.
Если любишь работу,
То работа легка.

Дай ей ход, чтоб летела,
Дай побольше огня...
Я люблю, чтобы дело
Закачало меня.

Чтобы песня нередко
Бой, как надо, вела
Иль весеннею веткой
На страницу легла!

Чтоб играли зарницы
Возле самой воды,
Где ночуют синицы,
Соловьи и дрозды;

Где, промчав над водою
На земную ладонь,
С золотою уздою
Красный выбежал конь!

ИДУ К СТОЛУ, ЧТО К ВЕРСТАКУ

Иду к столу, что к верстаку,
И тешусь думой смелою,
Что обточу на нем строку,
Ее зачином сделаю.

А что?
Зачин всего важней!
Давай к звену звено вести,
Да не рывками, а ровней,
По совести, по совести!

А если взять другой резец,
По-новому заточенный,
Да отнести строку в конец,
Пред самым многоточием?..

А если мысль одну развить —
Она, как стружка, крутится, —
Ту

строчку
лесенкой
разбить,
Почти
строфа
получится?

Ну, а зачем строку ломать
Свою или народную?
К чему мне это принимать?
Чтоб сделать строчку модною?

Какой в конце концов ответ?
Строка какою выльется?
Да нет ее на свете, нет,
Она еще в чернильнице!

ЕЩЕ О РАБОТЕ

А работать надо больше, больше,
Будем жить тогда подольше!

Я поэтому спешу
Сделать по-умелому.
Я об этом и пишу
Черным по белому!

Я об этом говорю
Красною строкою.
Я все это повторю,
Сердце беспокоя.

А зачем он мне, покой,
Нудная зевота,
А к чему он мне такой,
Если есть работа!

Пролегла дорога
На тыщи верст,
А работы много,
Аж до звезд!

Упрекают критики всерьез
В том, что много мной посажено берез,
И не только по цветным моим лугам,
А по песням, по частушкам и стихам.

— Ну и что ж, — я отвечаю, — ну и что ж!
Ведь красивы так, что глаз не отведешь!
Ведь в России где-то часом родился,
Ведь в России побелились, завилась!
И проходят то суглинком, то песком,
А на Север, а на Крайний лишь ползком!
Перед ними только камень, только лед,
Мертвый холод подниматься не дает,
А березка белой смерти вопреки
Проползает, хоть на шаг, из-за реки!

Его крылом задела слава,
Когда взвилась огнем вода.
Когда у самой переправы
Он обнял землю навсегда.

Он смертью как бы вызов свету
Последний, грозный бросить
смог:
Попробуй вырви землю эту
Или хотя бы этот клоч!

Ведь он такой же за яругой,
Он испокон веков нам свой.
Вспаши его войной, как плугом,
А он останется живой!

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Не знаю, что мне помешало,
Какой туман меня обнес!
Опять денек промчался шало,
А как-то жаль его всерьез!

Печаль, вскипая, сердце гложет.
Кого ж глотать, как не его!
Ведь что-то делал?

Быть не может,
Чтобы не делал ничего!

Так где они, дела? Какие?
Давай хоть маленький парад!
Письмо одно отправил в Киев.
Дружку.
Ну, что ж, неплохо, брат!

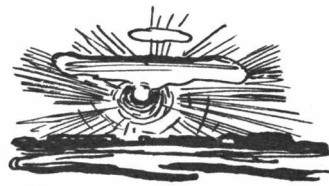
Ответ замедлен мой,
кручинюсь.
Все недосуг да недосуг!
Писать мы письма разучились —
И я, и он, и ты, мой друг...

А что еще ты делал? Вспомни
Да и поведай без прикрас.
Читал какой-то однотомник.
Ну?
Ничего, горазд, горазд!

Там строчки бедные рыдали.
Захлопнул вскоре этот том.
Потом стишки читал в журнале
С таким рефреном:
«Что потом?»

...А что потом?
Да надо ль снова
Опять кричать про ремесло?
Да неужели наше слово
Заморской пылью занесло?

Иль в дни великого Горенья
И вдохновенного труда
«Я помню чудное мгновенье»
Мы не читали никогда?!

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

Глянь на меня,
Все во мне полоня,
Глянь на меня,
Никого не виня!

А кого винить-то?
День спешит,
Золотою нитью
Он прошит.

Ты меня пожарче,
День, задень!
Гори, гори ярче,
Красный день!

Ты меня, как шквалом,
Кинь в края...
Гори, гори ало,
Кровь моя!

У ЮНОСТИ В ГОСТЯХ

...Солнце вновь на пороге
Золотит помело.
По знакомой дорожке
Я приехал в село.

Вон плетни, палисады,
Вон остаток плетня...
Вон речная прохлада
Поднялась на меня;

Вон от радости пляшет
Целый взвод тополей;
Вон мне озеро машет
Белой гривой своей!

Вон... Вот доля так доля —
Кроной дуб закивал!
— Что, доволен?

— Доволен!
Лучшей встречи не ждал.

Я к вам в гости приехал,
Дорогие края...
Отзовись мне хоть эхом,
Юность — зорька моя!

Отзовись! Ты и ныне,
Как всегда, дорога.
Покажи мне родные
Заливные луга.

От утра до заката
Я не то что в лугу —
Без такой провожатой
Я ходить не могу!

Пусть отстанут тревоги!
Лишь с тобою одной
Я пройду по дорожке,
По тропинке цветной.

Помнишь, мчались в ночное,
Лишь за гриву держась?
Травы пахнули зноем,
Тени бились, кружась.

Помнишь сладкую дрему,
Полусон наших нив,
Вьюгу белых черемух,
Вишни алый налив?

Помнишь? Ну, хоть отчасти
Подтверди, подскажи!
Помнишь, шло мое счастье
С васильками во ржи?

Если ты позабыла,
Все равно вспомню я.
Где так долго ходила,
Юность — зорька моя!..

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

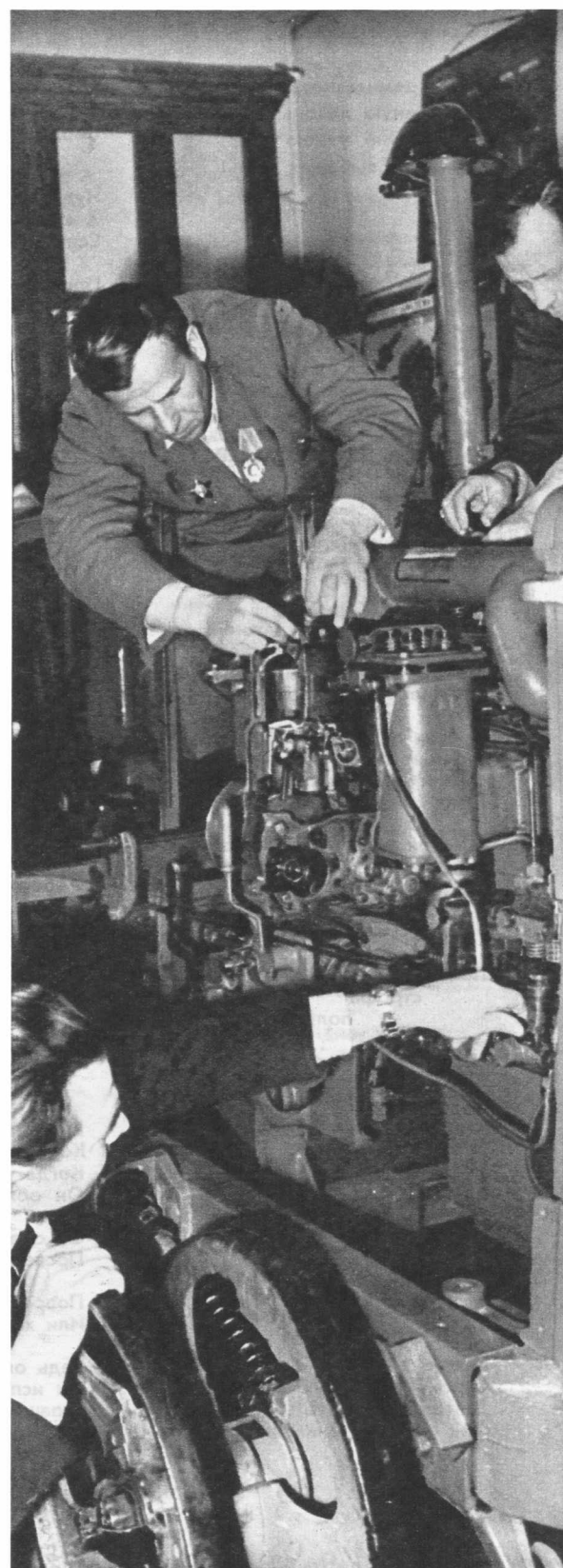
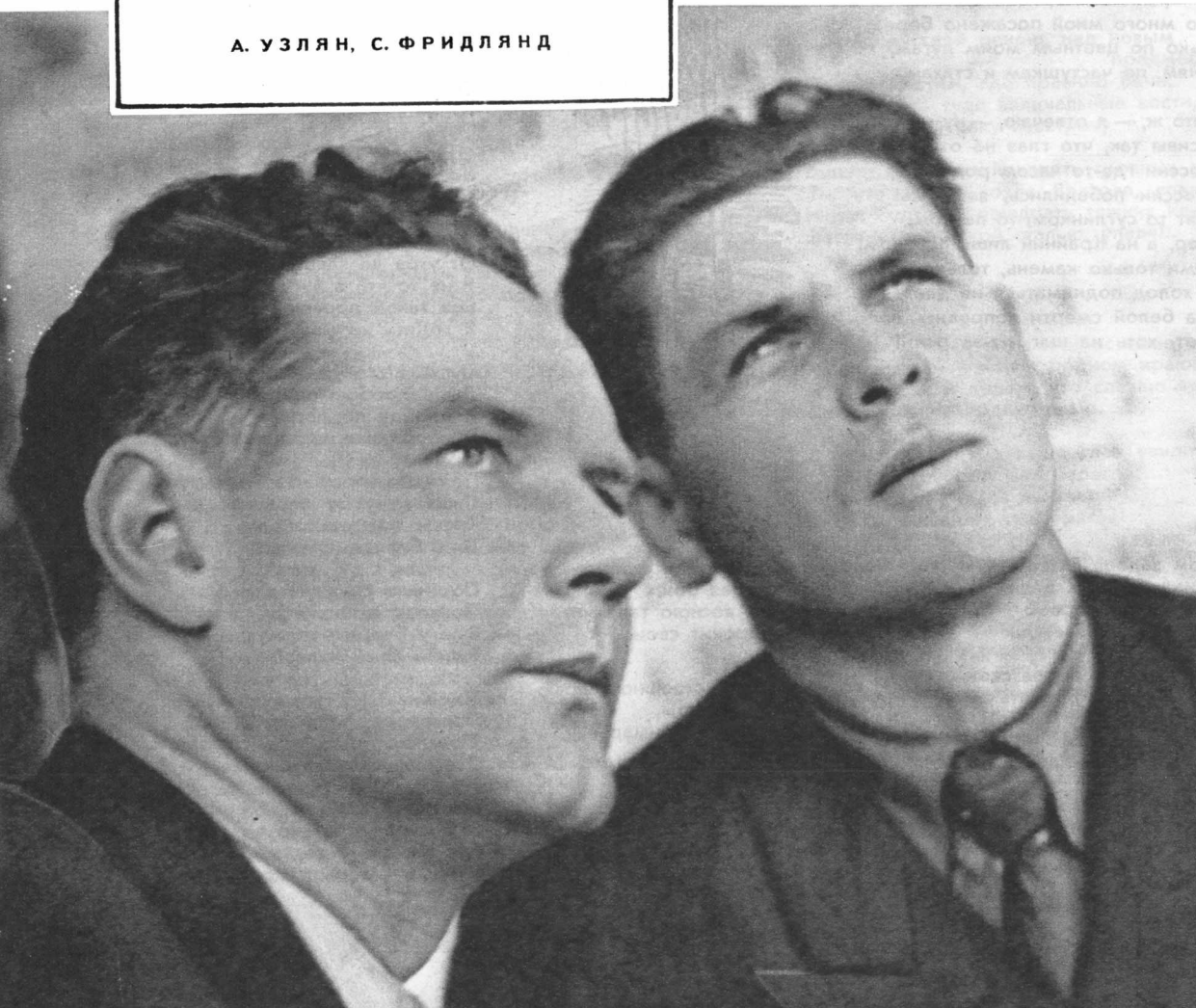
В ЛАБОРАТОРИЯХ, В КАБИНЕТАХ

А. УЗЛЯН, С. ФРИДЛАНД

Учиться никогда не поздно. Вместе с шумливой студенческой молодежью Тимирязевки спешат в аудиторию Академии сельскохозяйственных наук взрослые, степенные люди. Это директора и главные агрономы крупных фабрик зерна, мяса, овощей. Съехались сюда с запада, востока, севера и юга Российской Федерации.

Дни насыщены до предела. Ученые знакомят с последними достижениями отечественной и зарубежной сельскохозяйственной науки. Инженеры-конструкторы демонстрируют современные типы машин. Полеводы, животноводы, механизаторы передовых совхозов Подмоскovie делятся богатым опытом. Все интересно, все нужно для дела. Директоры совхозов из Ивановской и Белгородской областей Л. Н. Киселев и С. А. Левченко не устают знакомиться с экспонатами тракторной лаборатории.

Все кафедры с их кабинетами и лабораториями старейшего в стране сельскохозяйственного вуза широко открыты перед слушателями курсов. Директора пензенского совхоза «Евлашевский» Ю. Б. Денисова и главного агронома совхоза «Хотьковский» с Орловщины А. С. Георгиевского заинтересовала схема новой конструкции свинарника.

Такие двухмесячные занятия для практиков сельского хозяйства были и раньше. Но в этом году взрослые ученики особенно внимательны. Вся программа нынешнего академического курса тесно связана с кругом вопросов, стоящих в повестке дня предстоящего Пленума ЦК КПСС.

Сосредоточенно слушает лекцию директор совхоза «Горьковский» И. А. Паничев.

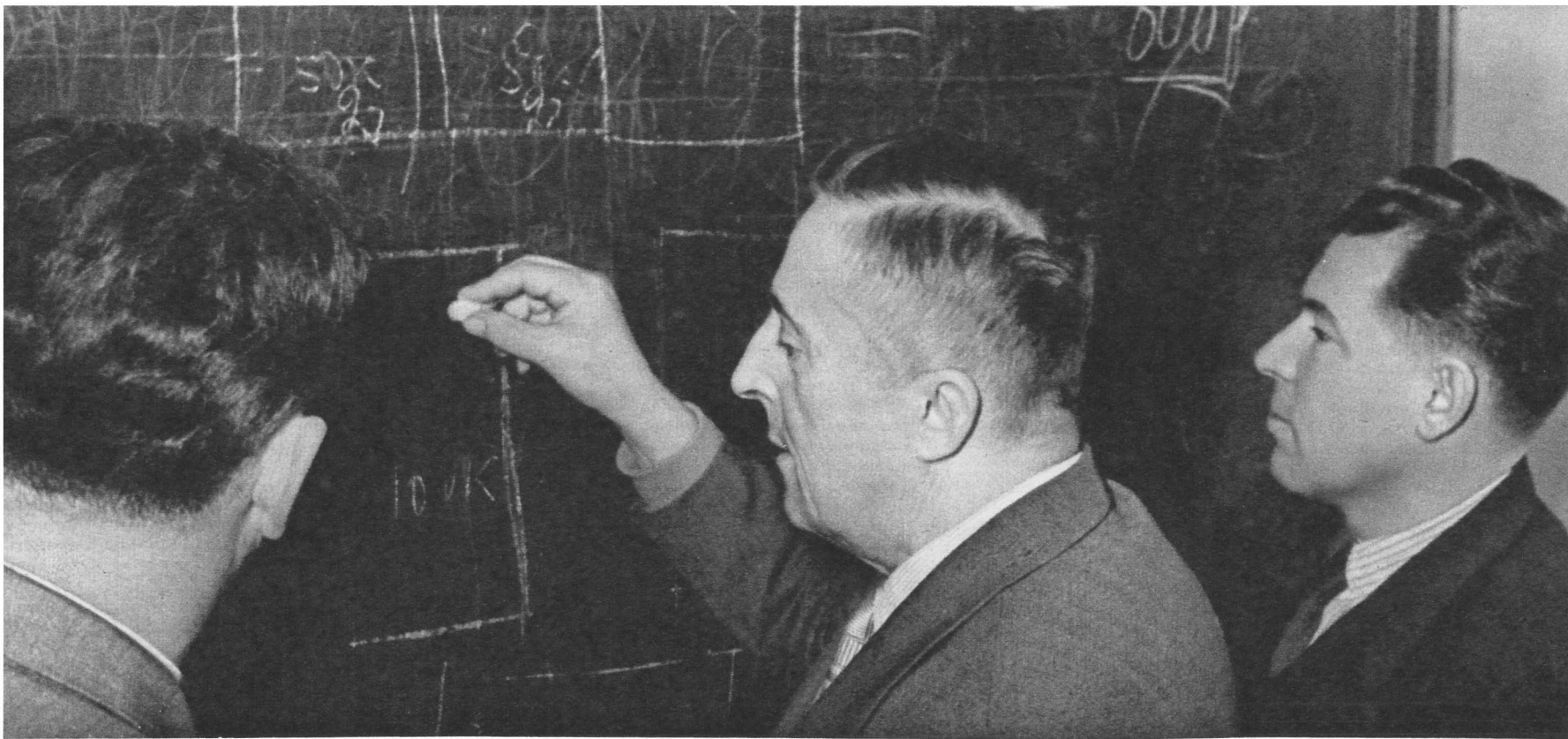
— Я, да и все мои товарищи с большим нетерпением ожидаем сообщений о ходе Пленума ЦК КПСС,— сказал нам Константин Александрович Никитин, главный агроном Егорлынского зерносовхоза Ростовской области.

Мы ожидаем, что решения Пленума еще больше приблизят науку к практике. Большие надежды мы возлагаем на резкое усиление механизации производства. Нужно добиться того, чтобы все, начиная от обработки почвы до уборки и погрузки урожая, было механизировано. Ведь до сих пор такие работы, как внесение удобрений, выемка силосной массы из траншей, обработка зерна на токах, многие процессы в животноводстве и садоводстве выполняются вручную. В особенности отстает так называемая малая механизация. Вот, например, уборка навоза на скотных дворах. Вилами да лопатой! Ничего другого нет. Неужели нельзя сконструировать транспортеры — простые, дешевые, удобные?

В этом году мы увеличили производство мяса и молока чуть ли не вдвое, а вовремя сдать эту продукцию некуда. Не справляются мясокомбинаты, птицекомбинаты, молокозаводы.

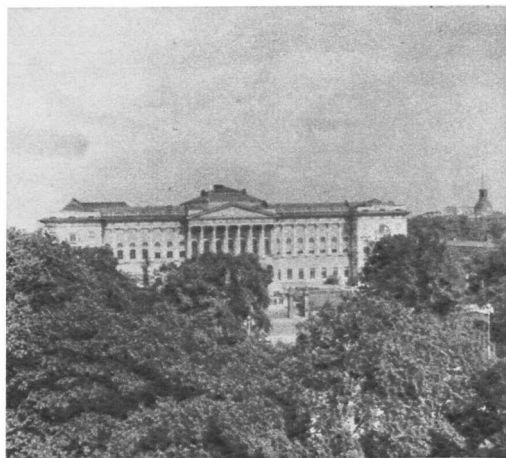

Огромных успехов достигло в последние годы наше сельское хозяйство. Но сколько еще резервов!

Действительный член Академии сельскохозяйственных наук С. Г. Колеснев уже закончил свою лекцию, посвященную новейшим методам организации совхозного производства. Но пытливые слушатели задают все новые вопросы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

Здание Русского музея находится в самом центре Ленинграда. Это великолепная постройка в строгом классическом стиле, сооруженная в 1819—1825 годах архитектором Карлом Росси. Многочисленные творения Росси образуют один из самых значительных элементов стиля города. Недаром одна из улиц в Ленинграде названа именем великого зодчего.

Русский музей был открыт в 1898 году. Он составился из раздела русской живописи Эрмитажа и некоторых дворцовых собраний. Коллекция русской живописи, собранная в Эрмитаже, представляла по преимуществу академическое искусство, правда, в наиболее совершенных его образцах. Еще до Великой Октябрьской революции лицо музея менялось. Но в течение революционных десятилетий он преобразился. Почти заново был создан отдел древнерусского искусства, в состав музея вошло значительное число новых работ, в частности вся знаменитая серия портретов «смольнянок» Д. Г. Левицкого. В настоящее время музей обладает лучшей коллекцией русских портретов XVIII и первой половины XIX века, начиная с художника петровских времен И. Никитина и до Карла Брюллова. Портретная живопись представлена здесь работами в такой полноте, как ни в одном другом нашем музее, даже в Третьяковской галерее. Столь же богато и выразительно показано академическое искусство. И не только характер тематики академической живописи, но и ее основные принципы становятся понятными благодаря собраниям Русского музея.

Петербургская академия художеств была основана в 1757 году. Первоначально преподавателями в ней были иностранные художники. Как и все многочисленные академии мира, Петербургская академия прививала своим ученикам твердое знание анатомии человеческого тела, чувство пропорций и гармонии. Античные статуи и позднее живопись, основанная на античных образцах, изображали не только людей, наделенных совершенной физической красотой, но и героев, ставящих перед собою высокие цели в исторические моменты, переживаемые родиной, народом. Вот почему историческая живопись и исторические сюжеты в скульптуре пользовались всеобщим уважением, а звание исторического живописца было наиболее почетным. Так же как и в античном искусстве, в искусстве, культивируемом академией, человек был на первом плане. И худож-

ник должен был обладать не только умением хорошо рисовать, но и передавать в своей живописи, рисунках или статуях сильные и возвышенные человеческие чувства, воплощая не только идеальную красоту, но и красоту человеческих поступков и чувств, изображая подвиги героев истории как высокие примеры, достойные подражания.

Русские живописцы и скульпторы XVIII века занимаются не одними классическими сюжетами, но и русской историей. Так, А. П. Лосенко (1737—1773) наряду с «Прощанием Гектора с Андромахой» пишет и «Владимира и Рогнеду». Драматический сюжет этой картины был почерпнут из русской истории. В сюжетах, взятых из древней мифологии и истории, также красной нитью проходит чувство любви к человеку.

События 1812 года, вызвавшие всенародный подъем патриотических чувств, нашли свое отражение и в живописи и в скульптуре. Еще задолго до войны художник О. А. Кипренский (1782—1836) создал замечательную картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле». Ослабевший от тяжелых ран, Дмитрий отдыхает, окруженный своими дружинниками. Художник заставляет зрителя проникнуться глубоким уважением перед ратным подвигом Дмитрия.

Позднее Кипренский занимался исключительно портретной живописью. Вторую половину своей жизни он провел в Италии, лишь на короткое время приехав в Россию. Возвратившись в Рим, он написал там портрет знаменитого датского скульптора Б. Торвальдсена, свидетельствующий о высоком живописном мастерстве художника и о его способности верно понять свою модель. Торвальдсен пользовался репутацией авторитетного и благожелательного помощника молодых художников и скульпторов. Добрая улыбка освещает его лицо.

Историческая живопись получила сильнейшую поддержку благодаря яркому таланту Карла Брюллова (1799—1852).

Посланный в Италию для усовершенствования в живописи, Брюллов написал там «Последний день Помпеи». В 1834 году картина была привезена в Россию, где ее восторженно встретили. Пушкин отозвался на нее стихотворными строками, Гоголь написал проникновенный ее разбор. Картина и сейчас поражает мощным изображением катастрофы. Жители стремятся покинуть гибнущий город, но в эти трагические минуты не многие думают о себе: люди стараются спасти других, помогают старикам и укрывают детей. Все эти сцены художник недаром вынес на первый план картины как главное ее содержание.

После смерти Брюллова академическое искусство переживает медленный, но неуклонный упадок. Независимая от академии школа Венецианова нанесла академии первый удар; А. Г. Венецианов (1780—1847) проповедовал обращение к действительности, к русской природе, к жизни народа, он учил писать с натуры, правдиво передавать человека с его характером, типичными чертами национальности и возраста. Его школу прошел С. К. Зарянка (1818—1870), доведший до предела мастерство в передаче физических черт человека. Портрет скульптора Ф. П. Толстого является лучшим из портретов, написанных Зарянкой. Следует заметить, что учеником Зарянки в Московском училище живописи и ваяния был В. Г. Перов (1833—1882), один из основоположников передвижничества. Демократическое искусство передвижников ставило своей зада-

чей изобразить быт простых людей, их горе и радости, их чувства и думы.

Одним из выдающихся художников этого направления был Н. А. Ярошенко (1846—1898). Картина «Спор старого поколения с молодым» сильно отличается от обычных сюжетов Ярошенко, почти всегда несложных, чаще всего однофигурных. Художник передал острую напряженность спора и дал совершенно законченную характеристику каждому персонажу.

Наряду с жанровой живописью в XIX веке развивался и портрет. Выше говорилось о трезвой, реалистической живописи Зарянки. Брюллов, кроме исторической живописи, постоянно писал портреты, внося в них очарование поэзии, с удивительной силой передавая не только лица, но фигуры и особенно руки, так, например, в портрете поэта А. К. Толстого.

Но в творчестве художников-передвижников портрет претерпел значительные изменения. На первый план выступила психологическая характеристика модели. Она стала главным содержанием портрета, подчиняя себе все остальное. Таково было творчество И. Н. Крамского (1837—1887) и его великого ученика И. Е. Репина (1844—1930). Репин стремился охватить всего человека, используя и его физическое сложение и привычные жесты для полноты характеристики. Вот замечательный портрет композитора Н. А. Римского-Корсакова, который изображен внимательно слушающим музыку. Этой теме подчинено все в портрете: и поза композитора, и наклон его головы, и рассеянное выражение глаз. Поразительная точность, с которой художник выразил тему. Внимательная лепка уха композитора и живой рисунок его рук придают портрету большую пластическую силу и жизненность.

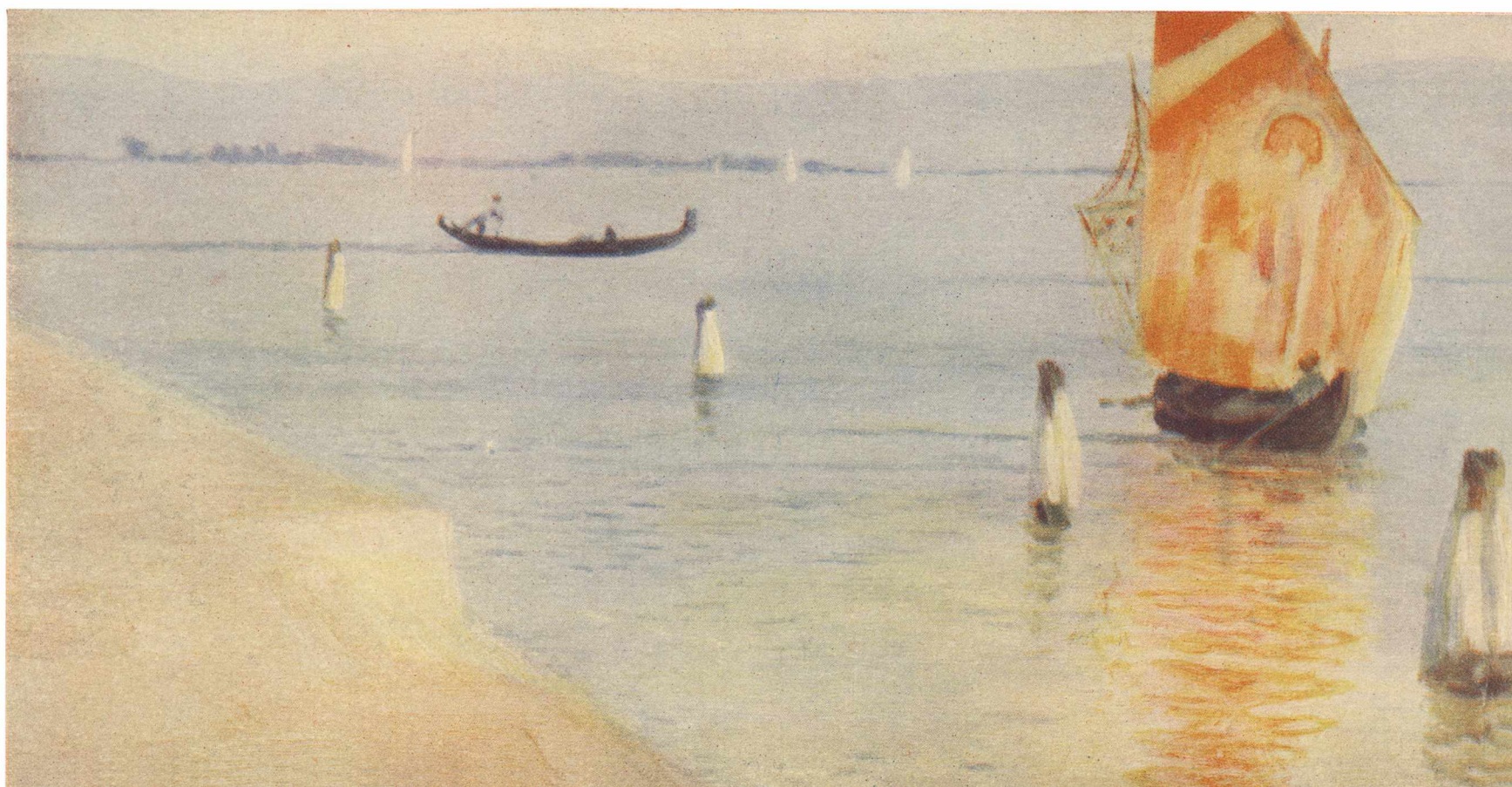
Пейзаж в течение XIX века пережил огромную эволюцию. Сильвестра Щедрина (1791—1830), который почти всю свою творческую жизнь провел среди природы Италии, следует считать основоположником того метода изображения природы, который спустя сорок или пятьдесят лет дал свои замечательные плоды. Последователем Щедрина, бесконечно усилившим струю романтизма, был И. К. Айвазовский (1817—1900), сумевший с недосыгаемым совершенством передать бурную стихию моря. Картина «Волна» — одна из самых сильных в творчестве Айвазовского. В отличие от «Волны» умиротворенным покоем веет от картины В. Д. Поленова (1844—1927) «Лагуна», которая очаровывает богатой гармонией колорита. В 60-х годах XIX века начинается развитие демократического пейзажа. Художники открыли красоту родной природы. Особенно значительна была деятельность И. И. Шишкина (1832—1898). А. М. Васнецов (1856—1933) — его земляк — изображал дикую, не тронутую человеком природу Севера. Деревья растут, насеяют землю и умиряют, валяются, подкошенные старостью. Тихо струятся реки, по небу плывут облака. Васнецову удалось передать своеобразную красоту и первобытную силу родной природы.

Столь же скромны и реалистически конкретны и пейзаж К. Я. Крыжицкого (1858—1911) «Проясняется».

Живопись передвижников, чем бы они ни занимались — жанровыми темами, портретом и даже пейзажем, — полна понимания глубоких основ жизни, утверждения красоты русской природы.

И. МАШКОВЦЕВ

Н. А. Ярошенко [1846—1898].
СПОР СТАРОГО ПОКОЛЕНИЯ
С МОЛОДЫМ. 1881.

А. М. Васнецов [1856—1933].
СЕВЕРНЫЙ КРАЙ. 1898.

В. Д. Поленов [1844—1927].
ЛАГУНА МУРАНО.

К. П. Брюллов [1799—1852].
ПОЭТ А. К. ТОЛСТОЙ
В МОЛОДОСТИ. 1836.

К. Я. Крыжицкий [1858—1911]. ПРОЯСНЯЕТСЯ. 1893.

Чета Великих Альберти

Рассказ

Альберт МАЛЫЦ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Было семь часов, через час начиналось представление, и Мэй Альберти, жена и ассистентка Великого Альберти, сидела на складном стуле подле фургончика — своей артистической уборной. Был чудесный теплый вечер, пахло землей и цветами, каких много в лугах Индианы. Поглядывая время от времени на великолепный закат, Мэй вязала шарф из лиловой шерсти с мирным видом домашней хозяйки, расположившейся у себя во дворике. И все же сразу было видно, что это не домашняя хозяйка. О том свидетельствовали и грим, наложенный слишком резко, с учетом мощного света цирковых прожекторов, и алый халат, кричащий и дорогой, да и сама внешность Мэй, чересчур красивая для обыкновенной женщины. Как многие актрисы, Мэй выглядела моложе своих тридцати девяти лет. Она была пленительно хороша: черные как смоль волосы, темные глаза, очень белая кожа и прелестный чувственный рот.

Поблизости трудилась бригада рабочих, забрызганных грязью. С обеда до вечера, почти не переставая, лил дождь, и территория цирка, изрытая тракторами и фургонами, истоптанная слонами, перетаскивавшими тяжести, превратилась в сплошное месиво с громадными лужами. Несколько человек выстлали соломой дорожку от артистического входа главного шاپито к тенту, под которым гримировались рядовые артисты; другая группа углубляла узкую дренажную канавку, опоясывавшую цирк. Мэй старалась пропускать мимо ушей их грубые, циничные реплики, не замечать оценивающих взглядов. К этому она уже давно привыкла, мысли ее были заняты другим.

В главном шاپито еще господствовала тишина, но малые аттракционы и зверинец уже были открыты для публики. Медные звуки оркестра, выкрики лоточников и настойчивые приглашения зазывал, усиленные микрофонами, сливались для Мэй в знакомое, ласкающее слух пошурри. Она выросла в этой обстановке, и все на цирковых задворках казалось ей привычным и милым: вот палатка-кухня, вот костюмерная, за ними — фургончики — уборные «звезд», ремонтная палатка, где слесарь припаивал сломанную ось, «дежурка», где околичивались служители, урвав минутку, чтоб сыграть в кости и хлебнуть виски по пятьдесят центов за стопку. А дальше выстроились ряды грузовиков, автоприцепов и «пикапов», на которые через несколько часов, как только окончится представление, навалит брезент, распорки, столбы, канаты и всю бутафорию, превращавшую пустынное поле в страну волшебств.

Мэй погрузилась в воспоминания. Для этого ей не требовалось, как, может быть, другим женщинам, ни веранды, ни кресла-качалки. Будто живого, видела она перед собой сынишку Грегга: совсем еще малыш, он лепит куличи из песка на задворках передвижного цирка, и земля вот так же смочена дождем, и вечер такой же теплый, весенний... Ветерок

треплет густые кудри ребенка, круглая рожица сияет. «Ой, гляди, — вдруг вскрикивает Грегг, — что это полосатое на небе?» «Радуга», — поясняет она. И на нее сыплется тысяча вопросов сразу: «А как она попала на небо? А далеко она отсюда? А если б я пальнул в нее из противотанкового ружья, сумел бы я ее сбить?» Этот вечер врезался ей в память. Тогда она и решила записывать все забавные словечки Грегга. И делала это до тех пор, пока мальчику не исполнилось десять лет; теперь скромная школьная тетрадка стала для нее самой большой драгоценностью. После смерти Грегга она целый год не могла раскрыть ее. А в последнее время научилась находить утешение в воспоминаниях о своем сыне в самую беззаботную пору его жизни.

Раздумье Мэй нарушили двое служителей, проходившие мимо с тюками соломы на плечах.

— Эй, сестрица, — сказал один из них, — вот это чудело собирается пригласить вас сегодня на танцы в какое-нибудь шикарное заведение. Что вы скажете?

— С удовольствием, милочка! — Мэй улыбнулась. — Только с одним условием: пусть сначала побреется и вымоется.

— Черта с два! — загготал второй. — Даже если б и оказалось шикарное заведение в этой дыре, вымыться-то уж наверняка негде! Надо быть психом, чтоб работать в цирке!

— Важность великая! — оглянувшись, крикнул первый. — Я так вот до октября не собираюсь мыться!

Мэй улыбнулась. Она взглянула на ручные часики, глубоко вдохнула ароматный воздух и поклонилась: к ней приближался директор.

— Вечер-то какой чудесный, правда, Форел?

— Для влюбленных, может быть, и чудесный, а для нас, холостяков-одиночек, просто невыносимый.

— Взяли бы да и женились, что ж вы?

— Пробовал уже четыре раза.

Мэй усмехнулась. Зачем она сюда пожаловала: пофлиртовать или по делу? Форел был лысый сухощавый мужчина средних лет с красивым, но всегда жестким, недовольным лицом. В его синих глазах Мэй заметила похотливый огонек, знакомый ей с пятнадцати лет, но подумала с надеждой, что, быть может, он воздержится от выражения своих мыслей. Они познакомились во время репетиций всего три недели тому назад. Мэй видела его только мельком, но успела проникнуться к нему большим уважением и не хотела бы с ним ссориться. В свое время Форел считался одним из лучших гимнастов в мире, но, упав однажды с трапеции, на этом закончил свою карьеру.

— Ну, как делишки, Мэй?

— Великолепно! Видите, готовлюсь уже к зиме! — Мэй кокетливо кивнула на рукоделье. — Единственное занятие, напоминающее о семейном очаге, когда у тебя дом на колесах! — Она помолчала, потом спросила: — Вы к нам по делу?

— Да, надо переговорить с вашим стариком.

— Он где-то там, среди публики. Удивительный человек!.. Мог бы, кажется, привыкнуть за столько лет, а для него по-прежнему самое большое удовольствие — аншлаги.

— Я подожду. Тем временем полюбуюсь вами.

Мэй глянула на него и занялась вязанием. — Что вы, я ведь старушка — шестнадцать лет мужняя жена, шутка ли!

— И в самом деле страшно! Разрешите задать вам нескромный вопрос?

— Пожалуйста.

— Вспоминаю я все свои четыре брака и думаю: скучища, поди, смертная прожить вот так шестнадцать лет, правда ведь?

Мэй отложила работу и сказала твердо, стараясь все же смягчить резкость:

— Друг мой, нам предстоит работать вместе полгода, а потому постараемся внести ясность в амурный вопрос: я влюблена в своего мужа.

Форел засмеялся, отнюдь, однако, не смущенный.

— Ладно, Мэй. Надеюсь, Руди умеет это ценить!

— И я умею! — со смехом заверила она и простодушно добавила: — Конечно, я не отроду такая умница. Было время, когда я только и мечтала, как бы покорить побольше сердец.

— Заполонили, небось, предостаточно!

Она пожала плечами и ответила негромко:

— Бывает, знаете, что и сам себе не рад! Форел с любопытством посмотрел на нее, но Мэй умолкла. Не хотелось рассказывать, сколько неприятностей доставила ей в прошлом собственная красота. Мужчины прямо не давали ей проходить. Ослепленная успехом, она превращалась в холодную кокетку. Один роман сменялся другим, не давая ощущения счастья. Потом скороспелое, легкомысленное замужество и развод. Этот брак открыл ей печальную истину: женщина, опьяненная своей красотой, теряет способность видеть и себя и окружающих.

— Привет, красавица, как себя чувствуешь, душенька?

— Отлично, дорогой! А ты? — ответила Мэй.

— Лучше всех!

Форел обернулся. Мимо ковылял на кривых ножках пожилой клоун-лилипут.

— С вас прибавочка, Форел! — крикнул уродец сплывшим голосом. — Сегодня на дневном я так подал пьяницу, что двое ребятишек и взрослый идиот чуть не сдохли со смеху! Ах, красавица!

Форел взглянул на часы.

— Куда это Руди пропал?

— Может, вы мне изложите суть дела?

— Ну что ж, — сказал он, помявшись. — Пожалуй, это даже легче.

Мэй насторожилась.

— Что такое?

— Мэй, вы актриса. И не мне вам рассказывать, что номер Руди перестал удаваться.

Мэй вспыхнула. Что-то дрогнуло и неприятно заняло у нее внутри.

— Не говорите глупостей! — раздраженно заговорила она. — Он еще не в форме, я знаю, но не забывайте, что всю первую неделю он проболел гриппом и не мог репетировать. А погода-то какая, полюбуйте! Хуже трудно выдумать! Проволока влажная, воздух сырой, видимость скверная. А что может быть опаснее для канатоходца?

Форел ответил не сразу.

— Оставьте, Мэй, — сказал он как можно мягче. — Правда, Руди болел несколько дней. Но врач нашел у него обычную простуду. А погода нынче такая же, как всегда в это время года.

— И он такой же, как всегда! — запальчиво крикнула Мэй. — Может быть, ему не совсем удастся переднее сальто, но мы ведь работаем всего лишь неделю! Он справится.

Форел покачал головой. «Чем ему удалось заслужить преданность такой красавицы?» — подумал он не без зависти.

— Вы ослеплены, Мэй. Руди не похож на того мастера, которого я видел в «Гардене» пять лет назад. Огня не хватает, былого блеска. Он работает неровно, всячески старается упростить свой номер. Сдал ваш Руди, вот в чем дело! Я заметил на первых же репетициях, но решил не торопиться с выводами. А теперь я в этом убежден. Совсем не тот коронный номер, на который я рассчитывал. Мы подписали с ним контракт на основе былой славы Великого Альберти.

Он замолчал. Лицо Мэй пылало от обиды, темные глаза сверкали. И все время что-то противно дрожало внутри. Можно возненавидеть Форела за резкость, но не считать с ним нельзя: мало кто понимал в цирковом искусстве больше, чем он.

— Сколько Руди лет? Пятьдесят пять? — спросил Форел.

— Сорок семь исполнилось в прошлом месяце.

— Полноте, крошка, я ведь не репортер! — Зачем мне лгать? И дело же не в возрасте, а в умении.

Форел с минуту разглядывал ее.

— Никто не вечен, Мэй, возраст тоже играет роль. Мне сорок пять. А когда я мальчуганом вступил в труппу воздушных гимнастов, Руди выполнял номер на качелях. Он был гораздо старше меня и только пробовал на досуге тренироваться на проволоке.

— Странно! — растерянно протянула Мэй. — Уж кому-кому, а мне должно быть известно, сколько ему лет!

— Ну ладно...

— Нет, вы посмотрите на его фигуру! — горячилась Мэй. — Двадцатилетний юноша! Он тренируется непрерывно. Даже после сезона каждое утро пробегает положенные пять миль.

Форел кивнул.

— Это и помогло ему продержаться так долго. Руди — подлинный художник. Кто из нас, профессионалов, не снимет шапки перед Альберти!

Мэй сцепила пальцы, чтоб удержать дрожь.

— Ближе к делу. Что вы хотите? — отрывисто спросила она.

— Прежде всего, чтоб он отказался от переднего сальто.

Как ни приготовилась Мэй к такому ответу, все же ее пронизала боль.

— Но это тот самый трюк, который прославил Руди!.. Венец его номера, всегда так было!

— Мало ли что было! — В голосе Форела послышались резкие ноты. — Прыжок никак не удавался ему на репетициях, начинал по пять раз. За эти шесть дней мы уже дали двенадцать представлений, а сколько раз он сделал переднее сальто? Только пять. А сегодня что получилось на дневном? Мало того, что он промахнулся, он так долго примерялся, что публика стала зевать, потеряв всякий интерес. Это никуда не годится. Минуту, не меньше, он балансировал на проволоке и все же промахнулся!.. Потом тянул еще минуту, и опять промах!.. Трижды пытался — и безуспешно. Это недопустимо!

— Он пришел сюда сам не свой, смертельно бледный, — удрученно прошептала Мэй. — Вы не представляете, как его это потрясло!

— Почему не представляю? Когда доктора категорически запретили мне работу на трапеции, вы думаете, я лучше выглядел?

Мэй не ответила. Спорить было бесполезно. Руди в самом деле работал теперь не гладко. Не вполне артистически. Но, как и сам Руди, Мэй надеялась, что это временно, что он не обрел еще форму. Страшно было даже подумывать, что Руди сдал и навсегда утратил былой блеск.

— Слушайте, — опять заговорил Форел. — Руди — ваш муж, и вам не лишне кое о чем подумать. Переднее сальто на туго натянутой проволоке — не только дьявольски трудная штука, но и очень опасная. Кто еще из известных нам акробатов, кроме Руди, дерзнет проделывать его, не говоря уж о совершенстве? А в таком возрасте малейшая оплошность при исполнении грозит катастрофой!

Форел был прав, Мэй это знала, и ее задор вдруг угас.

— У меня давно уже душа не на месте, — с тихой признательностью она тихо сказала. — Два года назад с ним едва не случилась беда в Торонто. Какой-то болван ослепил его прожектором. Руди не удержался на тресе и полетел в оркестр. Ушибся он, к счастью, несерьезно, но мог ведь сломать спину. Я так закричала с перепугу, что до сих пор слышу свой крик.

Мэй загляделась на темно-фиолетовую полосу в закатном небе, где угасал последний луч. «Как Руди гордится своим искусством!» — подумала она, и вдруг сердце ее болезненно сжалось при мысли, что несчастный случай подстерегает их.

— Хорошо, я передам Руди ваше предложение снять переднее сальто. Пожалуй, я даже буду

рада. Черт с ним, публике и заднее сальто нравится. Разве она понимает, что трудно, а что легко?

В это мгновение вспыхнули развешанные вокруг прожекторы, и Форел посмотрел на свои часы. В главном шапито грянула музыка. Сейчас начнется парад участников; в отдалении уже выстроились в шеренгу слоны.

— Это еще не все! — брюзгливо проговорил Форел. — У нас неплохая программа, но в кассе пока что пустовато. Забывает телевидение, оно уже не одну труппу сгубило. Разумеется, мы предвидели это и все же не теряли надежды, что фермеры поддержат хороший цирк. Но мы прогорим, как бог свят, если не сумеем им угодить!

— К чему вы мне говорите об этом?

— А к тому, что с субботы, как только начнем гастроли в Лафайетте, я намерен изменить порядок. Вводится новый аттракцион — эквилибристы на трапедии. Он непомерно дорог, но придется пойти на это. Он будет предпоследним в программе, а потом сразу пушка. Первое же отделение будет кончаться Шнейдерсами.

Мэй недоуменно уставилась на него.

— Но ведь гвоздь первого отделения — номер Руди? Куда вы его перенесете?

Форел ответил негромко, но весьма решительно:

— Во второе отделение. На центральный манеж — между мотоциклистом и жонглерами. А оркестр будет играть для Руди, так что он не собьется.

Мэй была ошеломлена. Восемнадцать лет подряд номер Руди неизменно выделялся на афишах красной строкой, и вдруг его заставят выступать вместе с жонглерами и мотоциклистом!

— Придется также срезать ему плату на со-

рок процентов, — добавил Форел. — Мне очень жаль, Мэй, но цирк не может платить по высшей ставке, если артист этого не стоит.

— Вы лишились рассудка, если полагаете, что Руди согласится на такие условия! — возмущенно воскликнула Мэй. — Он уйдет от вас. Вы чушь городите!

— Без дерзостей, детка! — последовал холодный ответ. — Я их не заслужил и не желаю слушать. Дирекция ни в чем не провинилась перед Руди, виноват он сам, потому что не сумел показать себя. В нашем деле нечего ждать поблажек.

— Простите меня! — с трудом пробормотала Мэй. — Ваши слова справедливы. Просто меня это огорчило.

— Ладно, детка, я не в обиде... Я допускаю, что Руди может заговорить об уходе. И нельзя осудить его за это. После такой славы кому охота терять положение!

Мэй молчала, отвернувшись.

— Так или иначе, даю вам срок до субботы.

Мэй была далека от желания откровенничать с директором, но у нее невольно вырвалось:

— Господи, куда нам уезжать? Разве мы можем себе это позволить?

Полуироническая-полупечальная улыбка мелькнула на губах Форела. Он спросил участливо:

— У вас были такие солидные заработки в течение стольких лет. Неужели вам не удалось обеспечить себя?

— Нет, уверяю вас! Бедный Руди, для него это будет, как удар грома в ясном небе. Я знаю, он не согласится!

«Будьте снисходительны!» — сквозила мольба в ее глазах, голосе, во всем ее несчастном облике.

— Оба вы, как я вижу, витаете в эмпиреях, — сказал Форел, почувствовав вдруг некоторую жалость. — Разве вам не приходило в голову, что Руди с годами потеряет легкость? Юрист или, скажем, врач его возраста находится еще в полном расцвете сил, но акробат — совсем другое дело! Для него это уже начало конца.

Мэй молчала. На глазах ее блеснули слезы. Она пала духом, потеряла способность сообщать.

Из шапито донесся взрыв хохота — значит, клоуны уже начали забавлять рассаживающихся зрителей. Хобот к хвосту, цепочкой двинулись к артистическому входу слоны. Из гримировочной стали выбегать артисты, спеша присоединиться к парадному шествию труппы.

— Через пять минут начало, мне пора занять свое место. — Форел поглядел на нее и добавил: — Можете пропустить сегодня парад. Мне самому жаль, детка, честное слово! — Он подошел к ней, потрепал дружески по плечу и зашагал по соломенной дорожке к шапито.

Несколько секунд Мэй сидела неподвижно, стараясь удержать слезы. Потом поднялась. Прижимая одной рукой вязанье, другой она машинально взяла стул и по лесенке взобралась в фургон Альберти. Поставила стул на место, рукоделие бросила в корзинку. «Весь грим слиняет, если не перестану плакать». Подумав так, закрыла лицо руками и разрыдалась. «Дай ему камнем по голове!» — вот чего, по существу, требует от нее Форел! Великого Альберти разжалуют из солистов, и об этом через месяц станет известно всюду, даже в Европе! Нет, Руди откажется несомненно! Он уйдет! А дальше что? Честно говоря, зарез. Они рассчитывали на полный се-

зон. Сейчас конец апреля, даже за границы их никуда не пригласят: поздно. Все уже распределено и занято. Остается только выпрашивать у импрессарио разовые гастроли: на сельских ярмарках, на телевидении. Регулярный заработок они потеряют, а сбережений нет почти никаких!

Мэй повалилась на стул. Бумажной салфеткой вытерла глаза и лицо, высморкалась. «Возьми себя в руки!» Но тут же новая мысль больно кольнула сердце и опять вызвала слезы. Она посмотрела на себя с мужем глазами стороннего наблюдателя. Как они сорили деньгами! Слово дети, словно двое несмышленишек! Многие из их знакомых, самые заурядные артисты, оказались в гораздо лучше положении. Зарабатывая куда меньше Руди, они ютились в перерывах между гастролями в скромных пансионах во Флориде или в купленных для этой цели прицепах к легковой машине, а наиболее удачливые приобретали домик, который впоследствии становился их собственностью. Но чета Альберти признавала только первоклассные отели, а в Европу отправлялась не иначе, как в первом классе. Досаднее всего, что после каждого сезона у них оставались деньги, и Руди не прочь был похвастать материальной независимостью. Даже при всем своем расточительстве они могли бы сберечь кое-что, если бы не страсть Руди субсидировать разные «верные способы разбогатеть». Точно злой рок сталкивал его везде и всюду с изобретателями. Первое время Мэй только посмеивалась, но вскоре это перестало быть смешным. Немало тысяч вложил Руди в машину, обещавшую переворот в переплетном деле... Увы, ни одна фирма не пожелала купить ее! Затем в гениальную машину, обеспечивающую переворот в очистке и упаковке орехов. Все обязательно сулило переворот в той или иной области, а кончалось неизменно тем, что истощало кошелек Альберти. Вечное перо... Супинаторы для ботинок из пластмассы... Во что только не вкладывал Руди свои доллары за эти шестнадцать лет, всего и не припомнишь! Впрочем, не менее трудно перечислить все нелепейшие шляпки, купленные ею, все невероятные дорогие — по тридцать долларов за пару — туфли, все платья, в которые она облачалась единственным раз, а потом дарила сестре, подругам, сослуживцам... Тоже не может похвастаться умением экономить — где ей, этой куклой с дюжиной атласных халатов! Руди много промотал, увлекаясь то тем, то другим изобретением, это верно, но и она не без вины. Пыталась ли она хоть однажды образумить его, предостеречь, чем это может кончиться? Надо признаться: оба любили пускать пыль в глаза, сорили направо и налево в роскошных гостиницах. Недаром их называли: чета Великих Альберти!

Зато и очутились на мели, не смогут продержаться даже до будущего сезона! И Руди еще не знает главного: ей предстоит разорительно дорогая операция, как только закроется цирк. Безумие уволиться сейчас отсюда! К концу года чета Великих Альберти превратится в заурядную пару нищих циркачей, кланчащих в долг у родственников и знакомых. Как это ни гадко, она должна убедить Руди остаться. Слишком долго они по-детски наивно пренебрегали деньгами! Волей-неволей пора повзрослеть!

Мэй рыдала, упрекая себя и Руди за легкомысленное отношение к жизни, с ужасом представляя себе, как будет уязвлен муж решением Форела. Другие артисты готовы играть по два спектакля в день, чтобы заработать доллар, но Руди — художник, каждое его выступление подобно выступлению музыканта; на манеже он, словно скрипач, должен чувствовать, что к нему прикованы взгляды всех. Мэй радовали аплодисменты — не больше, а для Руди они были необходимы, как воздух, он жить не мог без них; хлопки зрителей поддерживали в нем уверенность, что он тонкий мастер, артист. Печальные последствия потери этого звания не замедлят сказаться на контрактах, и они совсем съедут в калошу, когда станет известно, что Альберти больше не солист. Но самое страшное — самочувствие Руди. Куда бы он ни попал в дальнейшем, сколько бы ни платили ему и как бы тепло ни принимала его публика, все будет отравлено для Руди сознанием, что он не виртуоз!

«Но почему Руди не заглянул перед парадом? — то и дело беспокойно спрашивала себя Мэй. — Никто из труппы не имеет права отсутствовать, а представление уже началось!»

Снаружи слышались шаги. Мэй торопливо напудрилась. Свет она предпочла не зажигать.

— Ты здесь, Мэй?

— Да, милый.

Он медленно поднялся по ступенькам, а не взбежал, как обычно.

— Ты, наверно, беспокоилась, извини, — сказал он. — Я решил пропустить церемонию. Ну его к черту, Форела!

Свет прожекторов не достигал сюда, и в фургоне, даже при распахнутой двери, было темно. Мэй не видела выражения лица мужа, но по голосу догадалась, что он в дурном настроении.

— Что с тобой, милый? — спросила она тревожно. — Ты чем-то расстроен?

— Да. — Он помолчал, прерывисто дыша. — Я заходил в зверинец посмотреть на новую обезьянку. Мимо меня прошла молодая пара. Юноша в профиль был до того похож на нашего Грега, что я подумал: не галлюцинация ли? — Руди опять сделал паузу, и Мэй физически, как нечто весомое, ощутила тяжесть, гнетущую его душу. — Грег жив, подумал я, а смерть его лишь страшный сон. Вот он передо мной... Еще секунда, и я кинулся бы обнимать его. — Руди шумно вздохнул. — Но юноша вдруг повернулся ко мне лицом. У меня так закружилась голова, что я чуть не упал. Я выскочил на воздух, но и там всюду видел молодежь, и мне стало так горько, так тяжело, как в ту ночь, когда мы лишились его. Будто вчера все произошло.

Руди стоял неподвижно на пороге. Мэй приблизилась к нему, обняла и прижалась щекой к лицу.

— Я и в детстве не был плаксой, не способен к слезам, — задумчиво сказал Руди. — Но было бы большим облегчением выплакаться в такой день, как сегодня.

— Да! — живо откликнулась Мэй. — Я чувствую, когда плачу, будто внутри у меня размягчается какой-то жгучий ком. — Она поцеловала мужа. — Руди, милый, скорбь моя по Грегу никогда не пройдет, но теперь она все же не так остра, как три года назад.

— А у меня все та же. Мне не легче сегодня, чем тогда.

— Так нельзя, Руди. Грега больше нет, с этим необходимо примириться. — И, вспомнив об ультиматуме Форела, добавила более сухо: — Приходится же мириться и с болезнями и со старостью. Какая польза, например, жаловаться, что мы стареем с каждым годом?

— Ты права, конечно, но Грег только-только еще вступал в жизнь. О господи, и надо же было мне купить этот проклятый мотоцикл! Мэй еще теснее прикинула к нему.

— Не казни себя, Руди! Он мог умереть от полиомиелита, мог попасть в авиационную катастрофу. Да и я ведь тоже дала согласие на покупку. Значит, не один ты виноват.

— Какой мы с ним готовили номер! — с тоской вспоминал Руди. — Через каких-нибудь полгода мы показали бы цирковому миру, что за чудеса можно творить на проволоке!

— Я знаю, милый. Тебе это особенно горько. Вы так долго обдумывали, тренировались. Рухнувшие надежды... Я все понимаю.

Взявшись за спинку, Руди придвинул к себе стул и сел. Мэй прижала голову мужа к груди и ласково поглаживала по волосам. Она понимала и другую причину его печали: Грег был ее ребенком от первого, неудачного замужества, в браке же с ним она, увы, не имела детей. Но этой темой они никогда не касались.

Из главного шапито донесся взрыв смеха. Судя по музыке, слоны закончили представление, публику развлекали клоуны, дальше следовал номер «Железной Челюсти». Руди сказал:

— Спасибо, мне легче. Начну разминку.

Мэй вдруг решила, что о главном требовании Форела расскажет потом, после представления, а сейчас сообщит лишь о самом необходимом. И она проговорила, запинаясь:

— Должна тебя огорчить, мой любимый...

Он поднял голову.

— Форел хочет, чтоб ты отказался от переднего сальто. Уже сегодня.

Руди разразился презрительным смехом. Такой реакции Мэй не ожидала. Он вскочил и дернул за шнур. Зажглась верхняя лампочка.

— Ловкий какой! Ай да Форел! — воскликнул он и вдруг осекся, заметив размазанный грим на лице жены. Схватил ее за руки, заглянул в глаза. — Ты плакала! Спряталась в уголок и успела уже погоревать обо мне, признайся, да?

— Да.

— Бедная моя детка! Чего ты расстроилась?

— А ты разве нет?

Он засмеялся:

— Да нет же, ей-богу! Интересно, право, как меняется у людей психология: Форел стал директором — и сразу же забыл о муках исполнителя. — Руди отошел в сторону, сцепил руки на затылке и принялся медленно вращать туловище. — Форел уже не думает о том, каких нечеловеческих усилий стоит акробату каждое выступление. Глядя на твою работу, когда ты в форме, публика полагает, что это тебе ровным счетом ничего не стоит, ей и невдомек, что ты дьявольски мучаешься, напрягаясь из последних сил. В последнее время у меня не выходило переднее сальто, я не отрицаю, а волнение еще больше портило дело. Но я наконец вскрыл причину. — Руди прервал упражнение, и хмурое лицо его озарилось улыбкой.

Заметив эту перемену, Мэй затрепетала от радости: сейчас Руди все объяснит и докажет, что его неудачи — простая случайность.

— Я допускал две ошибки, — бодро продолжал Руди, возобновляя гимнастику. — Казалось бы, ляпсусы исключены при моем опыте, однако, видишь, со всяким случается. Я это понял сегодня на дневном, когда промазал. Во-первых, я слишком долго раскачиваюсь. Поэтому теряю легкость, а отчасти и высоту для прыжка. Сегодня, чтоб этого избежать, я прыгну сразу. Во-вторых, я не слежу. Собственно, это главное.

— Не следишь? Когда ты в воздухе? — Мэй вся обратилась в слух.

— Представь себе! В этом секрет моего успеха в прошлом, а я им стал пренебрегать.

— Почему так, Руди?

— С тем же вопросом я и к себе обратился сегодня. — Руди усмехнулся. — Не полностью, конечно, пренебрегал, это невозможно. Но был недостаточно сосредоточен. Итак, перестань тревожиться, голубка. Сегодня Форелу уж не удастся подкопаться под меня.

Он начал другое упражнение: быстрое приседание, — и разговор окончился. Мэй подошла к туалетному столику и занялась своим лицом. Ее взволновал рассказ Руди. Все это похоже на правду. Переднее сальто гораздо труднее, чем заднее: акробат не видит, куда прыгает, он должен ступить на проволоку раньше, чем повернет голову. Осуществить это невообразимо трудно: нельзя ошибиться ни на йоту, все должно быть рассчитано с математической точностью. Когда-то Руди объяснил ей, как это делается. Он так фиксирует взгляд, что безошибочно знает точку, куда придет. Для Мэй такая точность казалась непостижимой: прыжок-то длится не более секунды! Но ведь это Руди! Недаром же он зовется Великим Альберти! Возможно, что именно в рассеянности причина его теперешней неудачи...

— Все-таки надо предупредить Форела, раз ты собираешься делать переднее сальто, — посоветовала Мэй.

Руди кивнул. Он кончил упражнения и начал расстегивать сорочку.

Еще не вполне убежденная его доводами, Мэй сказала:

— Форел говорил не только об этом. Он считает, что номер вообще стал хуже.

Руди, собиравшийся повесить сорочку, обернулся так стремительно, что Мэй испугалась. Его темные глаза вспыхнули, лицо исказилось от гнева.

— Форел дурак! Нашла тоже авторитет! Для меня что он, что мальчишка, который чистит за слонами, — одно и то же. В чем, скажи, цирковая слава Форела? В том, что он делал «тройное». Два года делал, а потом? Сбил с такта и полетел кувырком в сетку, словно новичок, — помнишь, он сам рассказывал? Какое же он имеет право критиковать Альберти?

Мэй услышала то, чего опасалась, и горло

ей сжала спазма. Руди всегда умел беспристрастно относиться к товарищам по профессии; оба они знали, что Форел в свое время был великолепен. Столь резкий и несправедливый отзыв свидетельствует о многом... Да, он напуган неудачами. Ей захотелось обнять его, приласкать, заверить, что он прекрасен, лучше всех и должен быть совершенно спокоен. Но вместе с тем его неожиданная вспышка гнева оживила в ней надежду, что Форел неправ: Руди еще покажет себя во всем блеске и останется солистом.

— Руди! — воскликнула она. — У меня такое предчувствие, что сегодня ты будешь иметь грандиозный успех!

— У меня тоже. — Он осклабился и принял свободную позу. — Пора собираться! Приведи себя в порядок, детка, на тебя страшно смотреть.

Мэй снова повернулась к зеркалу, но и сейчас не увидела своего отражения. Если Руди потерял уверенность в себе, техника его не спасет! Работа на проволоке требовала прежде всего полного самообладания. Мэй тревожно следила в зеркале за мужем, догадываясь, что он напрягает всю свою волю. Руди не был красив, но Мэй любила его мужественное худощавое лицо, туго обтянутое смуглой кожей, крупный рот с глубокими складками вдоль щек. Взгляд Руди бывал страшен в момент напряженной работы на проволоке, но становился необычайно нежным, когда, наклонившись, он целовал ее. Вспоминая о нем, Мэй видела его только таким.

«Как я люблю его, как я счастлива!» — думала Мэй, машинально растирая крем на щеках и продолжая наблюдать за мужем. Вот он стал натягивать трико. Мэй всегда питала особое почтение к его телу. Такое же, какое питает, по всей вероятности, жена скрипача к волшебным рукам своего мужа. Руди был среднего роста, неширок в плечах, с легким, мускулистым торсом, тонкой талией и узкими бедрами. Только чрезмерно развитые ноги свидетельствовали о его необычайной физической силе. Ни один музыкант не станет виртуозом, если он не отдастся музыке целиком, не посвящает бесконечных часов тренировке, не подчиняется железной дисциплине. Руди отдавался своей профессии столь же самоотверженно. Ни разу не пропустил ежедневных полчасовых упражнений для глаз, назначенных врачом. Никогда не читал в поезде, оберегая зрение, по той же причине почти не посещал кино, редко смотрел телевизор. Диета его была еще более спартанской, чем у многих цирковых артистов: фруктовый сок и чай на завтрак, яйцо и чашка молока на обед, кусочек мяса с овощами или салатом и чай на ужин. Руди не ел десерта, никогда не разрешал себе ни кружки пива, ни глотка коньяку, в отличие от Мэй, любившей ощутить во рту обжигающую влагу после вечернего представления. И даже когда сезон кончался, он не стремился отдохнуть, как иные артисты, а неутомительно делал пятиминутную разминку каждый день. Всюду, где им случалось быть: в роскошном ли парижском отеле или на курорте Майами, — Руди неизменно появлялся на улице ровно в семь часов для утренней пробежки. Далеко не случайно он стал знаменит. Ничто не давалось легко, за все приходилось бороться! Реклама извещала, что он родился в Аргентине, в семье цирковых артистов, и прямехонько из колыбели ступил на канат, но все это были чистейшие выдумки. Испанистую внешность он унаследовал от деда-ирландца, а родители его были нью-хемпширские фермеры по фамилии Смит. Карьеру он начал мальчиком водоносом в бродячем цирке. Никто ничему его не обучал, он учился, наблюдая за артистами. Так он стал гимнастом и акробатом. Работал на качелях, заменял клоунов, стоял сигнальщиком на матче. И только прослужив в цирке много лет, решился перейти на проволоку. Свои аргентинские танцы он создал сам — помогла ему собственная грация и редчайшее чувство ритма; до него никто даже не помышлял о подобном. Многие акробаты эффектно работали на проволоке, но то, что показывал Руди, можно было сравнить лишь со стихами, с музыкой...

Счастливо улыбаясь, Мэй начала вновь гримироваться. И вдруг в ушах у нее зазвучал голос Форела: «Юрист или врач его возраста находится в самом расцвете сил, но акробат

совсем другое дело. Для него это уже начало конца». Форел далеко не глуп. Неужели Руди скрывает от нее свой возраст? Кстати, он был бы совсем седой, если б не красил волосы. Но, с другой стороны, зачем ему лгать? Вопрос этот вертелся у Мэй на языке, но она сдержалась. Перед выходом на манеж, особенно сегодня, это неуместно.

Снаружи закричали:

— Мистер Альберти... Приготовиться!.. На арене римские колесницы!

Руди сидел на коврике, раскинув ноги. Он проделывал очень трудное упражнение, которое шутя называл смазкой суставов: поворачивая туловище, касался лбом пола.

— Слышу, — крикнул он, — можете больше не напоминать!

Голос ответил:

— Спасибо!

— Довольно мечтать, копуша, — обратился Руди к жене. — Одевайся!

— За мной дело не станет, — весело откликнулась она. — Это ты сегодня долго возишься! — Минуточку! Я еще не пропотел как следует.

Мэй стерла с губ лишнюю помаду и, поднявшись, сняла халат. Оглядев себя в зеркале, нашла, что, пожалуй, пополнила фунта на два — придется отменить сладкое. Впервые мелькнуло опасение, что операция может оставить уродующий шрам. Мэй содрогнулась при мысли о ноже: ей никогда еще не доводилось иметь дело с такими вещами. «Хватит сентиментальничать! — скомандовала она себе. — В тридцать девять лет всякое бывает».

Мэй стала облачаться в свой наряд. Это был театрализованный испанский костюм: блузка из золотистого шелка, пышная черная юбка и облегающее грудь черное болеро. В волосы она воткнула высокий гребень. Мэй очень любила этот костюм. Оглядев себя в зеркале, она подумала: «Совсем неплохо для твоих лет, душечка. А рубец — авось, он будет невелик».

Руди поднялся с пола, вытер полотенцем лицо и шею и энергично крикнул. Он тоже надел испанский костюм: темно-красную рубашку и узкие черные панталоны. То и другое на «молниях», чтобы можно было в единый миг снять в воздухе. Сверху, как всегда, накинута старая, выцветшая халат, в котором обычно наблюдал, как ставят его аппаратуру.

— Плащи резиновые? — спросила Мэй.

— Не надо, на дворе разведрилось. — Руди сунул ноги в деревянные сандалии — в них совершался путь до главного шашито. — Я готов.

Мэй проверила вещи в небольшом саквояже:

— Туфли твои, туфли мои, твоя шляпа, полотенце. Кажется, ничего не забыла. Мой грим хорош?

Руди, который уже снимал с вешалки парчовый плащ, внимательно оглядел жену и ласково улыбнулся:

— Детка моя, ты сейчас красивее, чем в день нашего первого знакомства.

— О ложь святая! — воскликнула Мэй с гримаской.

Руди взял ее за плечи и сказал уже серьезно:

— Я никогда не забываю о том, что вокруг нас до черта несчастных мужей, даже с красивыми женами. А наше супружество потому счастливо, что ты самая хорошая женщина на свете. Ты золотая, если терпишь такого неудачника, как я.

— Ох, и терплю! — отозвалась она, сияя. — Согласна еще долго потерпеть, годочков этак двадцать-тридцать!

Он наклонился и коснулся губами ее шеи. Мэй спросила:

— Вы заняты сегодня после спектакля? Разрешите пригласить вас куда-нибудь после вашего триумфального выступления?

— Именно триумфального, без лишней скромности! Ну, пора!

Они вышли, и Мэй, чувствуя, как ее обдаёт жаром, подумала: «Господи, сделай так, чтоб все было хорошо!»

Окончание следует.

Перевела с английского
В. Лимановская.

Грибовар Т. В. Мочалов и директор Судогдской заготконторы Ф. А. Петунин.

Василий ТИТОВ

Фото А. Гостева.

По Жиздре, по Болве, по Брыни, через чернолесье, звонкие боры и сечи давно уже торжественно шла золотая грибная русская осень, а я все еще бродил и ездил по этим уголкам хорошей калужской земли и все еще никак не мог решить вопроса: куда девался гриб?

Нет, не думайте, что у меня украли корзинку с грибами. Корзинки у меня с собой никакой не было. А лежало в кармане у меня письмо от неизвестного мне человека из Калуги да на душе непреклонное желание: найти, куда девался гриб.

Какой гриб? Да самый обыкновенный, лесной. Как возник этот вопрос? Очень просто. Сколько ни заходил я в единственный в Москве магазин «Грибы — ягоды», на улице Горького, чтобы достать грибов для домашних нужд, всегда на вопрос: «Есть ли сушеные?» — получал один и тот же ответ: «Когда были — не помним, когда будут — не знаем. Вот маслятки и лисички маринованные в баночках иногда зимою у нас бывают. Заходите, может быть, и достанете. Насчет же сушеных или соленых, то никакой гарантии дать не можем».

Вот как возник вопрос: куда девался гриб?

Когда же пришло письмо из Калуги от неизвестного мне Александра Петровича Марина, то этот же вопрос был и у него в письме. Александр Петрович так и спрашивал: «Куда девался гриб?» Примечательно, что Александр Петрович говорил в письме не только о грибах. «Вот недавно, — писал он, — заболела у меня внучка Алёнка, и врачи прописали ей клюквенные кисели. Я буквально с ног сбился, чтобы достать в городе хоть пяток стаканов клюквы, и ничего у меня из этого не вышло. И это в краю, где стоят знаменитые Брынские леса, в которых когда-то даже разбойники водились, а не то что грибы и клюква! И трудно поверить, чтобы в лесах на Жиздре, где еще медведи живут, не было малины, брусники, ореха. Я не говорю о других богатствах наших лесов — об этом рассказывать долго. У меня возникает один вопрос: почему у нас так мало ценят хотя бы вот только эти дары леса и глядят на него чаще всего только как на «поставщика» деловой древесины!»

Дельный вопрос поставил Александр Петрович!

В самом деле, что нет гриба в Москве, — это еще можно объяснить неповоротливостью московских заготовителей. Но чем объяснить то, что нет гриба в Калуге, что там нельзя достать клюквы и даже вот об орехах и малине мой корреспондент намекает? Нет, тут что-то не так. Сидит, наверно, мой корреспондент у себя в большом городе, мало что знает о делах в других калужских местах, оттого у него и такие невеселые впечатления. Не могут на Брыни пройти мимо гриба, не могут на Жиздре пройти мимо ореха. Народ там всегда жил дельный и талантливый. Жиздринцы да брынцы брали всегда от леса все, что можно. Когда-то они, не говоря уже слова о щепном товаре — лоханях, решетках, бочках,

разных там квашнях и окорёнках, — столько одних телег да самопрялок делали, что на Жиздринских и брынских телегах вся Средняя Россия ездила, а на березовых и вязовых самопрялках пряли и в Сибири.

Время телег отошло, давно уже их столько делать стало не нужно, отжила свой век и самопрялка. Но гриб-то, гриб, вечная краса наших лесов, — он-то остался! Остались и Брынские и Жиздринские леса, о которых еще в детстве от нашей деревенской бабушки Опёнки слышал. Она-то уж их знала поэтому, что сама когда-то была просватана в нашу Селенку, под Венев, с Жиздры и о своих лесах до самой старости все не могла забыть. Бывало, как осень, она свои Жиздринские да Брынские леса вспоминает. И как ни малолесны наши селенские места были, у бабушки Опёнки гриб и сушеный и соленый на целый год всегда припасен был, и из этих лесов. А грибница Авдотья Константиновна была отменная, и грибы брала она всякие — от желанных белых боровиков, поддубовиков, подосиновиков, подберезовиков до груздя, рыжика, скрипницы-подорешницы. Не брезговала она и волнушкой, и свинушкой, и белянкой, и всегда свежей, крепкой чернушкой-грибом. И, отмачивая одни, отваривая другие, солила она их как-то так, тем «брынским» крестьянским засолом, со смородиновым листом для вкуса и запаха, с дубовым листом для крепости, что слава о ней как о грибной мастерице далеко за пределы села шла. Гости, съезжавшиеся на большие праздники, нахвалиться ее грибом не могли. «Что же, знамо, талант, с Жиздры она», — говаривали гости.

Вот как на тульской земле под Веневом запомнились мне тогда Брынские да Жиздринские леса с их грибами и талантливым народом.

Об этих лесах и о калужском грибе слышал я и позднее, уже в наши недавние «моснарпитовские» времена, когда от лучшего ресторана до любой заводской столовой в меню всегда были и естественные всякие ягодные и фруктовые кисели, и лапша, и суп с «калужским белоборовиком», и картофельные котлетки с грибной подливкой, и черная из сушеных грибов икра с луком на закуску. Ну, а если знать, что во многих местах искусные повара в Москве готовили и сытные пироги и кулебяки с грибной начинкой и умели подать на стол в зимнее время и моченые в молоке да жаренные в сметане черные и белые сушеные грибы, то невольно возникает вопрос: куда же это сейчас-то все девалось? И уж не так далеко от нас это время, когда трест «Моснарпит» существовал, — всего какие-нибудь считанные годы! А вот как и где заготавливал всякую лесную снедь, теперь и узнать трудно. И чтобы узнать все о калужском грибе и куда он девался, я и решил поехать на Жиздру.

...Ну, куда обратиться в маленьком городке по грибным и всяким другим заготовительным делам? Конечно же, в потребительскую кооперацию. И первым делом по приезде в Жиздру я отправился к председателю райпотребсоюза.

Алексей Лаврентьевич Соколов сидел в своем кабинете в небольшом помещении на одной из улиц славного городка, на кото-

Куда
девался
гриб?

рой алым цветом горели перед домами стройные рябины, поглядывая на эти рябины и на мой вопрос о грибных делах отвечал не сколько уныло:

— Доложу вам, нет гриба, забодай его улитка. Нет, и когда будет,— неизвестно. Если бы был гриб, у нас были бы сигналы.

— Сигналы? Какие, от кого?

— От наших специалистов сигналы, от грибоваров, от селпо и тому подобное. А то ведь и подмочки не было. А без подмочки какой же гриб?

— О какой подмочке вы говорите? — спрашивал я его.

— А о лесной, о лесной подмочке. Не было подмочки, и гриба нет,— отвечал он.

— А где находятся ваши специалисты, где заготовка грибов идет?

— Заготовка? Да где она может быть? Между Судимиром и Поломом может быть заготовка. А может она быть еще и в других местах. Но я же говорю вам: сигналов нет.

Я понимал Алексея Лаврентьевича, что он подразумевает под «подмочкой». Я догадывался, что говорит он о сухом минувшем лете, когда август стоял «в полтучки», ясный, сухой, не грибной. Но сентябрь-то, сентябрь-то дал дожди! После таких ливней, какие в сентябре были, как раз осеннему грибу и расти. С ними, с грибами, в природе как устроено? Всегда коротка пора весенних грибов «колосовиков». Эти грибы открывают ранний подберезовик и сыроежки в своих разноцветных косяночках. С пяткой, с десятком дней поведется «колосовик», а потом, глядишь, его уже и нет. Только что разве сыроежки задержатся. Этот «слой» грибов непромысловый. Вторым гостем в лесу идет гриб хоть и разный, но тоже скоротечный — «жнивник». Появится «жнивник» или в самый сенокос или чуть после сенокоса, а через десяток дней, глядишь, он и убрался уже куда-то «к себе». Тут тоже заготавливать нечего, разве что малость можно посушить. Самый надежный гриб — сентябрьский. В сентябре, можно сказать, «валовой» гриб идет. Сентябрь — верная пора боровиков, груздей, чернушек, маслят, рыжика, волнушки. И самые крепкие подберезовики и подосиновники тоже в сентябре растут. А уж об опенке и говорить нечего. Значит, сентябрь — самое лучшее время для заготовки грибов.

Так вот, я никак не понимал Алексея Лаврентьевича, почему он упустил из виду сентябрь. И я решил поехать, не дожидаясь «сигналов». Я ездил и в Судимир, был и в Улемце, был и в Улемле. Заезжал и в поселок Знамя, где надлежало мне найти, по соображениям Алексея Лаврентьевича, грибоваров и, как мне казалось, варницы и сушилки. Но куда я ни приезжал — по домам в селах почти везде сидели только малые дети да бабушки-заворенки, которые мне на мой вопрос: «Есть ли грибы?» — отвечали неизменно: «Грибы? Да грибы-то есть, как не быть грибу! Да где уж там о нем думать! Все на картошке в поле». «Ну, а где же работают тут у вас ваши грибоварки, где сушилки стоят? Должен же у вас кто-нибудь грибом заниматься!» — спрашивал я. На меня смотрели удивленно, даже насмешливо и отвечали так: «Да вы откель будете-то? Чтой-то вы чудное говорите.

Вроде как бы ненашенский. Да какие же тут грибы, когда картошка всех полонила? И грибоварок у нас никаких нет и сушилок. Вон только Федор Парфенов маленько гриб у себя на дому эдак лет пять назад на кооперацию варил. Да и он с хозяйкой на картошку затребован».

Картошка... Что же, картошка — серьезное дело. Ей надо отдать должное, ее надо убрать. Но разве нельзя при этом вести и другие дела? Вот хоть гриб! Ведь он... Ах, да ведь Алексей Лаврентьевич говорит, что гриба-то нет!..

И тогда я пустился «голосовать» на дорогах, садился на попутные машины, что бежали с картошкой на станции железных дорог, и пересаживался на порожняки из-под картошки, что бежали со станций. Мчался через Болвинские, Жиздринские, Улемские леса, ездил по ним с лесниками и лесничими: леса не отпускали. Они стояли в таких богатых осенних урожаях, что трудно было заметить все причиненные им многолетней, почти неограниченной рубкой раны и уродства. Иногда в каком-нибудь чернолесье приходилось проезжать через такие заросли орешника, что невольно я спрашивал: «Заготавливает ли кто-нибудь здесь орех?» Лесники отвечали, и примерно так же, как бабушки-заворенки: «Да вы что, сурьезно или нет? Сурьезно? Да кому его здесь заготавливать? В этом году ореха мало было. Да и в урожайные годы его никто не заготавливает. Еще вползерна нальет только гранатка, как мешочники разные уже орех оберут и на базар сволокут».

Хоть быстротечны, а тем и не полны были мои поездки по лесам, все же становилось ясно: гриб в лесу есть. В ином месте на большой лесной дороге свернет куда-нибудь в сторону, под молодые и старые красноствольные сосны, замшелый, уже зарастающий мелкой елочкой и березкой лесной «проселок», попросишь шофера остановить возле него машину, пойдешь по нему да минут через десять и идешь обратно с полной шляпой молодых светлых боровиков. «Гриб в лесу есть», — говорили лесники. — Правда, наши леса еще не устоялись после рубок, и гриб в них перемещается в зависимости от того, где как лес возобновился, где грибу опять создались нужные условия. Но он в наших лесах есть. Да у гриба-то одна нога, он по лесу за грибником не ходит. Его искать нужно».

Я возвращался в Жиздру, говорил об этом Алексею Лаврентьевичу, он отвечал:

— Года четыре назад мы наварили этого гриба и в Москву отравили. А нам за него полцены дали. Не знаете, почему?

— Догадываюсь, — отвечал я. — Должно быть, плохо наварили, вот вам за него и неполная цена. А в этом году и килограмма не сварите. Ведь был я там, где вы побывать советовали. Ни грибоварок, ни сушилок — ничего там нет. И грибы вы не ищете, а сваливаете все на погоду.

— Слушайте, — отвечал мне на это Алексей Лаврентьевич, — на что нам грибоварки и сушилки, когда крестьянские избы, а в них печи есть? Вот будет гриб, будет и варка. Вы лучше вот что скажите: что сейчас важнее — гриб или картошка? Нам ее, этой картошки, забодай ее червяк, ого-го сколько заготовить нужно!

Ну, что же, здесь грибной вопрос был ясен. Но не сошлась же клином калужская земля на Жиздре. Поеду в Калугу, там и выясню все, что надо, о судьбе «калужского белобровика».

В Калугу приехал я под вечер, когда учреждения уже не работали, и поступался не в двери гостицы, а в двери дома на одной из окраинных улиц города, слабо освещенной фонарями. Замок щелкнул, дверь открылась, и на пороге показался высокий, в белой рубашке, седеющий человек.

Так у порога я и познакомился с Александром Петровичем Мариным, автором памятного для меня письма. Он оказался работником Облпромсовета, человеком разговорчивым, пытливым. Через четверть часа за чайным столом у нас с ним завязалась беседа.

— Пожалуй, — начал он, — на вопрос, куда девался гриб, я мог бы ответить и сам. По-моему, тут дело не в грибе, а в людях. И, пожалуй, не столько в людях вообще, сколько в том, что многие руководители часто неправильно понимают и истоки народного творчества и истоки народной кооперативной деятельности. Потолкуем хотя бы о наших калужских делах. Вот мои соображения.

До недавнего времени в нашей области существовало немало артелей промкооперации, которые работали, как принято говорить, на местном сырье. Ведь этого местного сырья, а проще сказать, даров природы, в Калужской области всегда было немало. Да и в самом-то слове «промисел» — подумайте только, — что заложено? Промыслить — значит найти, открыть что-либо полезное, выдумать полезное, делать полезное, что кормит и дает пищу и уму и сердцу и что утоляет жажду деятельности. Наша калужская сторона испокон веков знала много промыслов, которыми можно было бы гордиться и сейчас. Расскажу о нескольких промысловых организациях, которые существовали всего четыре года назад.

Вот жила да была в Калуге артель «Лесхимпром». Что она делала? Вязала бочки, гнала скипидар, варила гуталин, тесала щепу для кровли — словом, давала очень много полезных вещей для людского обихода и была нелишней в круговороте промысловых дел. Рядом с ней жила в Калуге артель «Знамя». Она занималась заготовкой, засолкой, маринованием грибов и другими полезными вещами. В деревне Ястребовке у этой артели был свой грибоварочный пункт. И, ей-богу, грибы она давала Калуге отличные. Она даже тягалась кое в чем с артелью «Красный пищевик», что находилась в Козельске и занималась переработкой фруктов, грибов и ягод, изготовлением натуральных соков. Не одна она была, такая артель, их было много.

Но вот как-то артель «Лесхимпром» объединили с одной почти такой же артелью «Прогресс» и назвали это предприятие «Деревобделочный завод». Завод делает плохую, очень плохую мебель. А близко на Жиздре и в омутках реки Вытебети богатейшие залежи мореного дуба, которых не касался еще ни трес, ни крюк промысловика-добытчика. Не повезло и артели «Знамя». Уже давно не едят калужане ее грибов. Артель объединили с другой артелью и назвали «Макаронная фабрика». Кстати сказать, ма-

кароны она выпускает не из местного, а из фондового, государственного сырья. Не занимается и «Красный пищевик» в Козельске своим делом, его новый профиль — шитье одежды.

Но, может быть, довольно? Может быть, выпьем чаю?

Александр Петрович взял с буфетной стойки тарелку с яблоками, поставил ее передо мною, выбрал себе пеструю, в мелкую рябинку анисовку, но отложил ее в сторону и продолжал:

— У вас, наверное, осталось на памяти то недавнее время, когда в колхозах хозяйственные дела планировались сверху? Помните, к чему это приводило? Колхозы жили однобокой, узкохозяйственной жизнью, узконаправленной. Одним был дан лен, другим указано свиноводство, третьим — овцеводство и выращивание коксагыза. Теперь этого уже нет. Практика планирования сверху осуждена партией, методы подобного руководства изживаются.

Но не коснулось это промысловой кооперации. Вряд ли теперь какой-либо сильный и хороший колхоз, занимающийся животноводством, разрешит себя переименовать, ну, скажем, на выращивание репы или сорго для венчиков. А вот у нас, оказывается, можно административным путем переименовать пищевую артель в швейную.

Я не напрасно коснулся истоков народного творчества и народной кооперативной деятельности. Смотрите, вот животное рак — как будто существо пустынное. Деликатес, мол, там какой-то, да и то на любителя. А ведь у нас существовал промысел раков. До войны в Думиничском районе на реке Которянке да и на других реках велась в огромном количестве заготовка этой живности. Многие тысячи штук раков вылавливались здесь за сезон и отправлялись в холодильниках и в Москву и на экспорт. На моховых болотах в Барятинском, Спас-Деменском и Думиничском районах заготавливали сотни тонн прекрасной клюквы, которую получала Москва.

Сейчас же все это забыто, но, извините, не забыто. Я оговорился. Отброшено в сторону как «не главное». Кому-то не захотелось возиться с этими раками. Дело хлопотливое. Промысловики не получили поддержки, и промысел захирел. И вот тут ответ на мое замечание, что неправильно иногда у нас понимают истоки народного творчества и истоки народной деятельности. Подрубить инициативу легко, а вот вырастить административным путем ее нельзя. Промыслы складываются веками и отмирают сами только тогда, когда стареют, становятся ненужными. А у нас часто получается наоборот: административно их старят прежде времени, а то и просто закрывают.

Вот вам и ответ на мой вопрос: «Куда девался гриб?». Да никуда он не девался, в лесу стоит! Никуда не девались и раки из Которянки. А вот, поди же, ни раков у нас нет, ни грибов. И заготовители о них не думают.

Однако есть же такая организация, которая руководит теперешними заготовителями? Кто же она? Да Центросоюз! Как можно было забыть об этом?

В Москве, в Большом Черкасском переулке, я нашел большое, великолепное здание Центросоюза, а на одном из этажей — отдел «дикорастущих». Меня приняла

Зинаида Дмитриевна Филогриевская, начальник этого отдела, и я рассказал ей все то, что видел и на Жиздре, и на Болве, и на Брыни. Она выслушала меня и сказала:

— Ну что же, все верно, все верно. Местá, местá! Все дело всегда в местáх! Но у нас есть своя установка, свой взгляд на многое. Вот, например, белый гриб. Где мы его заготавливаем? Да, конечно, в таких массивах, где этот гриб, так сказать, хоть косою коси. Таким массивом у нас является Могилевская область, Могилевские леса. Ну, а груздь? Груздь мы берем в Сибири, кедровый орех идет оттуда же. Масленок родится во Владимирской области. Клюква? Ну, ее мы заготавливаем в Псковской, в Новгородской областях. Гриба, конечно, так сказать, не хватает. Да, да, и клюквы там, и ореха, и ягоды. Ну, да, консервированной, сушеной, моченой. Брусника, скажем, может быть моченая, клюква мороженая. Но не можем же мы изменить стиль работы заготовителей на местáх! Их стиль, понимаете? А наш стиль — он ясен: руководство. И притом на огромной территории, по всей стране.

Из Центросоюза я уходил с тем же настроением, как и уезжал из Жиздринских лесов. В голове вертелась фраза, сказанная Зинаидой Дмитриевной: «По всей стране». Где же это, выходит, по всей стране?! Белый гриб берут под Могилевом, груздь — в Сибири. А в той же Сибири в бурятских лесах местные жители мимо белого гриба проходят, как мимо поганки, и никто не научил их до сих пор брать этот гриб впрок. То же делается и во многих местах на Кавказе. Своя установка! Стиль работы! А вот какой стиль был у тех «моснарпитовских» заготовителей, которые всю Москву умели снабжать и грибом и ягодой? Вот бы повидать такого старого работника да потолковать с ним!

И что же, такого работника я нашел. И где? Под Судогой, за Владимиром, на пути в Муромские леса, в одном из уголков знаменитой Храповицкой дачи, когда я несколькими днями позже ехал «кандалной владимиркой» через все прибывающее великолепие осенних лесов.

— Вот тут недалеко живет первеющий грибовар, — сказал мне шофер, указав рукою влево от дороги. — Когда-то на всю Москву грибы варивал. Свернем, что ли?

Да как же тут было не свернуть! И мы свернули.

...Есть такая минута у грибовара, когда он, сварив в котле грибы со специями, ждет, пока котел в меру остынет, чтобы слить грибы на решета и потом уже загрузить в чистую порожнюю бочку и вновь залить свежим и светлым раствором. Да, маринованный остывающий гриб «промывается» еще раз, прежде чем попасть в бочку. А чтобы в баночки грибу попасть, ему еще раз надо «отлиться» и вновь в свежий окурнуть рассол. И все же лучше гриб на вкус тот, что еще под крышкой в теплом котле, в первом рассоле плавает. В котле в такой час еще тонкая пеночка от края до края лежит и подергивается, как живая. На ней чистая, как изумрудная, хвоинка застыла и тоже, как живая, колеблется. А котел! Он стоит и источает и запах лаврового листа, и горошкового перца, и корицы, и такую тонкую, нежную струйку уксуса, что многозначительно тут отвернешься от людей и подумаешь и о горячей в «мундире» картошке, и о черном хлебе, и еще кое о чем существенном. Э, да что там!

Вот в такой момент, когда гриб полуостыл и когда грибовар крышку снял с котла, чтобы заняться «отливкой», мы и подъехали к краю леса, где стоит этот грибоварочный пункт Судогодского лесрабкооп. И всего сооруженный-то, что навес для приемки и разделки грибов, да запечатанных

бочек шестьдесят, полных маринованного гриба, на жердях прямо на земле рядом, да два казана, на земляные печурки поставленные, — вот и весь грибоварочный пункт. Но вот что значит мастер, душа живая, работает здесь! Не успели мы подехать и чередом познакомиться, как он уже дегустировать увар предложил. И мы пробовали из кленового черпачка, прямо у котла, еще теплый ароматный маринованный масленок.

— Ну как? — спрашивал нас хозяин о своем уваре, радушно и широко улыбаясь.

— Первеющий гриб, — отвечал мой спутник, отбирая и отправляя в рот самые малые, нежные шляпки. — Прямо, можно сказать, фамильный гриб.

Грибовара звали Тимофеем Васильевичем Мочаловым. Разговорились. Я спросил его:

— Ну как, довольны ли вы работой?

— По нынешним временам доволен, — отвечал он.

— Почему же «по нынешним»?

— Да вот судите сами. Лесная дача, лесной рабочий поселок. Люди есть, у людей время свободное бывает. Гриб мне несут. Сажу здесь уже который год. И гриб куда рядом все есть. Но бывают годы, плохой гриб рядом, а верст за десять, за двадцать отсюда — и много и первый сорт. А туда никто не идет за грибом: далеко. А по нынешним временам ехать туда не имею права — расходы на переезды не предусмотрены. Привязали на года к этому пункту, ну и сажу здесь.

— А как же надо?

— Как надо? А как мы в тресте «Моснарпит» работали. Вот так и надо. Я гриб-то варю еще с тех пор. У меня и отец и дед гриб варили. Бывало, в нарпите-то, только еще «колосовичок» пошел, а мы своих грибников-егерей по лесам и лесным дачам рассылаем, узнаем, где нонче гриб хороший. Нащупаем места да прямо туда с котлами, с посудой и едем из рай-

центров. Сборщики уже — девчонки там, ребятишки да старушки — наняты, все на местах обговорено. Приехали, собрали, сварили, намариновали да и на новое, более урожайное место едем. Тут быстро работать надо, гриб не ждет. Сушить гриб в крестьянские печки сдавали. Сушили и черный и белый. Также и саливали гриб крестьянским засолом. И по видам саливали и смешанный. А теперь смешанный крестьянского засола гриб не берут, инструкция такая.

— Это почему же?

— А кто знает? Центросоюз такую инструкцию дал.

И вступенул:

— А вы разве не слышали? В Москву многим грибам вход запрещен. Например, чернушке, скрипичке, гладышу, свинушке. Почему? Да кто его знает! Какая-то перестраховка. Приедет иногда кто-нибудь из Центросоюза к нам сюда в леса и такую тебе теорию подведет под эти грибы, что выйдет: они непитательные. Испокон веков эти грибы всегда в пищу шли, а тут у него получается: непитательные! Послушаешь такого о грибах и подумаешь, что в Москве уже и квасу не пьют и в баню с венником не ходят. И еще вот: черному сушеному грибу в Москву тоже вход запрещен. И знаете, почему? У него, говорят, «товарный вид» неказистый. Да, так вот вам и скажу: казенного много в нашей работе стало, а талану мало.

...Через час наша машина вновь бежала через леса на восток. Вспоминались слова, сказанные грибоваром Мочаловым: «Мало талану».

Они и сейчас вспоминаются. Его-то, «талану», пожалуй, и не хватало многим товарищам из Центросоюза и промысловой кооперации. А был бы «талан» — страсть к делу, умение его вершить, — был бы и гриб, были бы и раки, был бы и мореный дуб из Витебети вытасчен и в мебель перделан. Видимо, так.

МИР КЕРАМИКИ

Юрий АРБАТ

Мир керамики — это своеобразный мир, имеющий свою историю, свои традиции, законы, свою борьбу, свои победы и, главное, своих верных друзей и ценителей.

С фарфором или фаянсом люди встречаются каждый день за завтраком, обедом и ужином. Я имею в виду тарелки, чашки, блюдца. А ваза для цветов? А скульптуры малых форм, то, что мы именуем статуэтками? Это тоже фарфор, фаянс, майолика или просто обожженная глина. Здесь не говорится о керамике, которая служит техническим целям, — то особая статья.

Керамика вносит красоту в нашу жизнь. Человек становится духовно богаче, познает прелесть гармонических линий, декоративную щедрость росписи.

Наша страна может гордиться своей керамикой, очень разнообразной и по

национальным особенностям, и по жанрам, и по технике выполнения. Это можно было сказать и о прошлом, — не зря ведь вазы или чашки хотя бы бывшего императорского (ныне Ломоносовского) завода и завода б. Гарднера (ныне Дмитровского в Вербилках) были самими драгоценными экспонатами музеев, а за границей даже существовали специальные предприятия, занимавшиеся подделкой старого русского фарфора!

С не меньшим основанием можем мы гордиться и современной советской керамикой. Реконструированы крупнейшие наши фарфоровые заводы: Дулевский имени «Правды», Ломоносовский в Ленинграде, Дмитровский в Вербилках, Песоченский возле Рыбинска, Киевский, Барановский и Коростеньский на Украине, фаянсовые заводы в Конакове, Калининской области, в

Будах, возле Харькова, и многие другие.

Национальное своеобразие керамики стало еще богаче, потому что народное искусство получило поддержку государства, и таланты, которые раньше были скрыты, теперь расцвели. За примерами далеко ходить не надо. Появились изделия своего собственного фарфорового завода в Узбекистане. Советские республики Прибалтики выпускают изумительные по красоте и безумно красивые по вкусу керамические вещи. Как бы вторую молодость переживает «дымка» — глиняные раскрашенные куклы, произведения мастериц, живущих в слободе Дымково, возле Кирова (б. Вятка). Эти милые в своей наивной непосредственности вещицы украшают многие дома в нашей стране, не говоря уже о том, что зарубежные ценители искусства буквально захлебываются от восторга, видя дымковские игрушки.

О любви к яркой народной декоративности говорит блюдо «Лошадки», расписанное ленинградским архитектором и художником А. Лапировым. На блюде изображены стилизованные коньки, которых можно встретить и на северных и горюющих донцах от прялок,

печорской резьбе по дереву и русских пряниках.

Другой почерк — в работах ленинградской художницы А. Ефимовой, уже давно и плодотворно ищущей решения проблемы живописности. Она переносит на фарфор натюрморты с фруктами, используя все богатство керамических красок.

В триумвирате дулевцев мы видим главного художника завода П. Леонова, скульпторов А. Сотникова и П. Кожина. Нет, пожалуй, у нас другого ваятеля, который бы так поэтично и декоративно, как П. Кожин, умел передать жизнь подводного мира. Его многочисленные рыбы никогда не повторяют одна другую. Кожин отлично знает и птиц и любит их лепить. «Баклань» и «Рыбы» — это то, чем порадовал любителей П. М. Кожин за последнее время.

На соседней странице дана только одна работа молодого скульптора Дмитровского завода в Вербилках Светланы Машуриной — «Горностаи». Но Машурина является автором многих вещей такого же характера, и все они несут на себе печать яркой талантливости, лирической нежности и большого мастерства.

Иногда можно слышать такие упреки: вот, мол, пишут,

что у нас хороший фарфор, фаянс, майолика; а где это все и как купить хорошую, красивую вещь? Что ж, упрек справедлив.

Вполне естественно, что лучшие произведения скульпторов и художников идут на выставки и у нас в стране и за границу. Но, конечно, заводы должны оперативнее отбирать из нового лучшие вещи для производства и быстрее их выпускать. Совершенно нетерпимо, что многие совнархозы (в первую очередь Московский областной, в чем ведении находятся крупнейшие фарфоровые заводы) бесконечно тянут с заменой устаревшей «деконали» — наиболее массового способа украшения посуды (тип переводных картинок). Очень неповоротлива наша керамическая промышленность и с освоением новых видов материалов (хотя бы такого широко распространенного и удобного материала, как каменная масса). Явно недостаточно выходит посуда в скромном оформлении.

Будем благодарны нашим скульпторам и художникам, создающим красивые вещи для украшения быта. Но высшим проявлением этой благодарности должно быть то, что красивым вещам дается путевка в жизнь.

З. В. Баженова. Север. Майолина.

С. И. Машурина. Горностаи. Фарфор.

А. И. Лапиров. Лошадки. Подглазурная роспись на фарфоре.

П. М. Кожин. Бакланы.

Автор А. Лепорская. Роспись Л. Протопоповой и Т. Беспаловой-Михалевой. Кувшин и чашки для кваса. Сказка о козле и баране.

А. А. Георгиевская: Блюдо, Натюрморт.

А. Ефимова. Блюдо, Апельсины.

Е. С. Железняк. Индюк. Д. Ф. Головно. Баран.

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

П. М. Кожин. Рыбы. Фарфор.

Геннадий Воронин.

Скороходы НА СТАРТЕ

В. КАПИТОНОВ,
ответственный секретарь Федерации
конькобежного спорта

Фото А. Бочинина.

Давно ли мы готовились к встрече на озере Мизурина, давно ли радовались триумфальным успехам Евгения Гришина, Юрия Михайлова, Бориса Шилкова, завоевавших в Кортине д'Ампеццо четыре олимпийских медали! И вот уже новый олимпийский год на пороге.

Кто не хотел бы обогнать время, чтоб увидеть наших спортсменов уже сегодня победителями в Сиво Вэлли! Но, увы, даже обладая всеобъемлющей суммой фактов и способностью анализировать и обобщать их, на старте невозможно представить себе финиша: уж очень равноценен состав претендентов на золотые медали чемпионов мира, Европы и «белой» олимпиады. Но, и не занимаясь беспочвенными прогнозами, мы можем все же установить, хотя бы вчерне, соотношение сил на зиму предстоящую, окинув для этого взглядом итоги зимы минувшей.

И на минуту не забывали мы, готовясь к олимпийскому сезону, тревожных уроков 1959 года. Уже первая встреча с нашими неизменными соперниками и большими спортивными друзьями — норвежскими скороходами, состоявшаяся в начале января 1959 года в Москве, заставила нас насторожиться. Если на дистанциях 500 и 1 500 метров лучшие результаты показал первый «зам» Евгения Гришина — Геннадий Воронин, то две длинные дистанции ледового многоборья — 5 тысяч и 10 тысяч метров — принесли успех Т. Сейерстену, причем второе место занял также норвежский скороход, К. Юханнесен.

Кнут Юханнесен, призер VII Олимпийских игр, чемпион мира 1957 года, судя по всему, по-прежнему был готов к борьбе. И действительно, вскоре на первенстве Европы в Гетеборге он показал лучшее время на двух длинных дистанциях, а по сумме четырех набрал 189,805 очка и завоевал золотую медаль. Лидер нашей команды, трехкратный чемпион мира Олег Гончаренко, на сей раз выступал неудачно, а другой советский спортсмен, также неоднократный призер крупнейших соревнований, Роберт Меркулов, был лишь четвертым.

Таковы были итоги европейского чемпионата, в котором мы уступили первенство. Еще до прошлой зимы наметились серьезные отставание наших спортсменов в стайерском беге, но на сей раз они не выигрвали вообще ни одной дистанции: два финна, Т. Салонен и Ю. Ярвинен, были первыми в беге на 500 и 1 500 метров.

Как показали результаты дальнейших встреч на ледяных дорожках, наша команда осталась без лидеров. В подготовке известных скороходов, Олега Гончаренко и Владимира Шиликовского, блестяще выступавших в сезоне 1958 года и завоевавших золотые и серебряные медали на первенствах Европы и мира, были допущены серьезные просчеты, в результате которых, например, такой сильный многоборец, как Шиликовский, оказался лишь сто двадцать шестым в списке конькобежцев СССР. На первый план вышла молодежь, но она не была еще достаточно подготовлена для такой ответственной роли. Правда, самый опытный из молодых, Воронин, на первенстве мира в Осло сумел победить сильнейших спринтеров, еще раз доказав свое право считаться преемником Евгения Гришина. Но это был лишь частичный успех.

После многолетних неудач финских скороходов их блестящий представитель Юхани Ярвинен стал чемпионом мира. Наши же спортсмены потерпели еще одну закономерную неудачу, на сей раз на «пристрелочных» соревнованиях в Сиво Вэлли. Выступая там, они снова не завоевали ни одного первого места, в то время как Ярвинен улучшил мировой рекорд на 1 500 метров, установленный Евгением Гришиным на VII Олимпийских играх. Ярвинен пробежал дистанцию за 2 минуты 6,3 секунды.

Таковы были итоги предолимпийской зимы. Как видите, они весьма неутешительны для советских скороходов, но, несмотря на это, мы

не пали духом. И не потому, что не хотели смело посмотреть на факты. Просто мы учитывали, что наши резервы на подходе и что в решающих состязаниях 1960 года мы безоружными не окажемся.

Уже через несколько дней после окончания европейского чемпионата, столь неудачно сложившегося для конькобежцев СССР, в Челябинске на студенческих соревнованиях прозвучало имя мало кому известного студента из Омска Николая Штельбаумса. Он побил мировой рекорд на 10 тысяч метров, установленный в 1952 году норвежцем Ялмаром Андерсеном. Правда, этот выдающийся результат, показанный Штельбаумсом — 16 минут 31,4 секунды, — не мог быть официально утвержден, так как был показан не на международных соревнованиях и не на чемпионате страны. Но от этого его эффект никак не стал меньше.

Успех омского студента не был случайностью. Ведь у нас в стране сто скороходов набрали в сумме многоборья меньше 200 очков — результат, еще несколько лет назад считавшийся уникальным. Объяснялось это тем, что конькобежный спорт вырвался из традиционного треугольника трех городов: Москвы, Ленинграда и Горького. Он получил широкое распространение, и прежде всего в Сибири и на Урале, где имеются для него наиболее благоприятные условия. Сейчас центрами его стали такие города, как Иркутск, Челябинск, Омск, не говоря уже о Свердловске. С успехом занимают конькобежным спортом в Алма-Ате, Ижевске, Куйбышеве. Вот это-то и способствовало появлению у нас большой группы способных молодых спортсменов.

Среди них прежде всего надо назвать многоборца Виктора Косичкина, который уже выступал на первенстве Европы и мира, причем в Гетеборге он был вторым на 5 тысяч метров, а в Осло занял в беге на 10 тысяч метров третье призовое место. Косичкину 21 год, и он имеет все возможности добиться победы.

Свердловчанину Борису Стенину 24 года, и он стоит на пороге большого успеха. Об этом убедительно говорит результат, показанный им в прошлом сезоне на дистанции 1 500 метров, — 2 минуты 14,6 секунды. Это лучший результат, показанный когда-либо на равнинных катках. О Геннадии Воронине мы уже упоминали. Ему 25 лет. Он близок к своему спортивному расцвету, а та «обкатка», которую он прошел на крупнейших международных соревнованиях, позволит ему чувствовать себя значительно уверенней нынешней зимой.

Большие возможности у москвича Валерия Ларионова и куйбышевца Владимира Родионова. Многого мы ждем от спринтеров Льва Зайцева, Вадима Васнецова, Юрия Малышева.

Таким образом, если брать за основу результаты прошлого сезона, то надо признать, что у Олега Гончаренко и Евгения Гришина, которые еще не сказали своего последнего слова и снова готовы к борьбе, есть вполне достойные преемники, о которых, я надеюсь, мы не раз услышим нынешней зимой.

Сезон скороходам предстоит весьма трудный. 10—11 января в Алма-Ате будет разы-

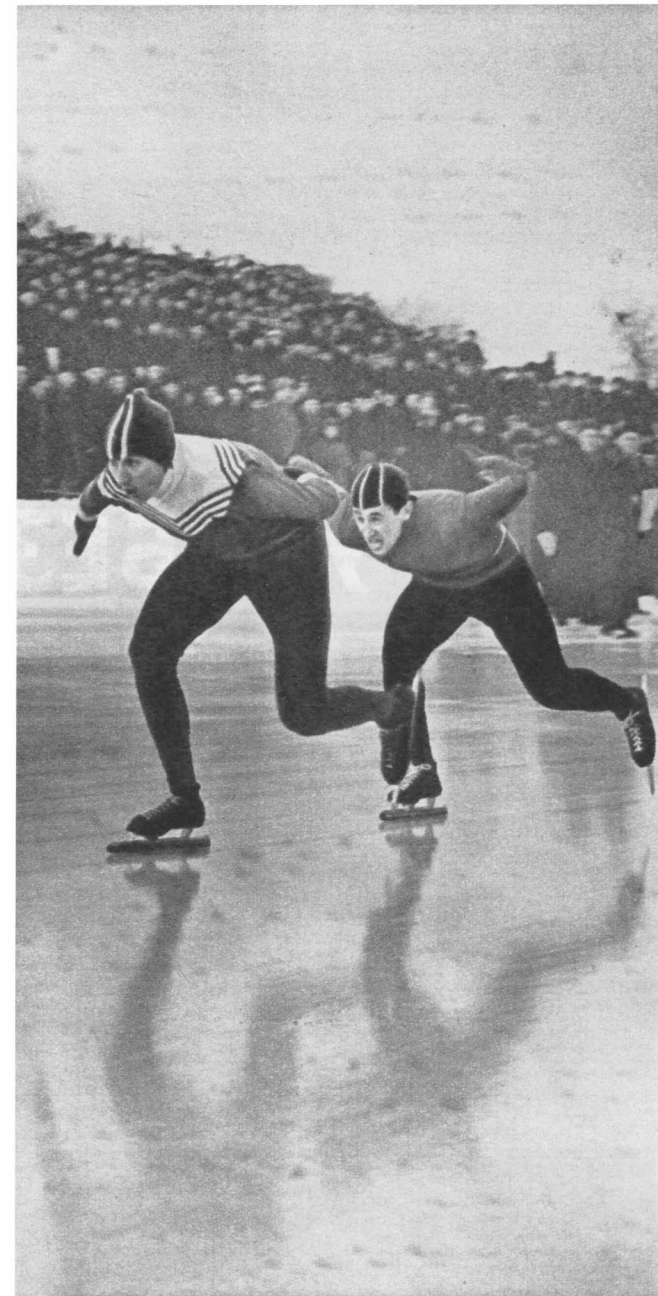
грано всесоюзное первенство. 23 января в Осло начнется первенство Европы. В начале февраля решится судьба золотых медалей чемпионата мира для мужчин в Давосе и для женщин в Гетеборге. А затем в Сиво Вэлли 20 февраля начнутся олимпийские встречи скороходов.

Впервые в истории олимпийских игр старт возьмут женщины. Нашим спортсменкам главная борьба предстоит с конькобежками Финляндии Э. Хуттунен и И. Сихвонен. Вот основные соперницы в Сиво Вэлли для Тамары Рыловой, Лидии Скобликовой и Валентины Стениной, которые образуют, бесспорно, сильнейшее трио в мире.

24 февраля вступят в борьбу за золотые медали мужчины. Как известно, в отличие от программ мировых и европейских чемпионатов олимпийское первенство разыгрывается по отдельным дистанциям. Это единственная возможность проявить свои силы на крупных международных соревнованиях конькобежцам, не обладающим способностями многоборцев.

В 1924 году на первых зимних олимпийских играх, проведенных в Шамони, героем соревнований стал финн К. Тунберг, завоевавший три золотые медали. Большого успеха достиг он и через четыре года в Сен-Морице, но с тех пор финские скороходы больше не получали золотых олимпийских медалей. Теперь у них есть на это отличные шансы: Т. Салонен и Ю. Ярвинен будут, видимо, главными нашими соперниками. А ведь, кроме них, на победу будут претендовать еще и такие замечательные скороходы, как норвежцы К. Юханнесен и А. Естванг, американец В. Дисней, швед С. Эрикссон, голландец Я. Песман.

Да, немало сильных конькобежцев возьмут старт в Сиво Вэлли, и предвидеть будущих победителей VIII Олимпийских игр невозможно. Единственным средством против всяких случайностей является упорная и напряженная тренировка. Учитывая просчеты прошлой зимы, наши скороходы, неоднократные победители крупнейших международных соревнований, вместе с молодыми своими товарищами серьезно готовятся к большим стартам олимпийской зимы.

Николай Штельбаумс (слева) на дистанции.

Шахтеры Рура.
Что ждет их
завтра?

РУР БЕЗ «ЧУДЕС»

В. ЧЕРНОВ

Новая деталь появилась в пейзаже Рура. Среди привычного леса заводских труб и шахтных копов высются небывало огромные отвалы угля и кокса. Они громоздятся повсюду, ими пришлось занять все свободные площадки в этом густо населенном индустриальном районе Западной Германии.

Но не только горы лежащего без движения угля — новое в сегодняшнем Руре. Еще в сентябре на улицы городов Рурской области стали выходить десятки тысяч шахтеров. Они демонстрировали против режима Аденауэра и рурских баронов угля и стали. Движение рабочих Эссена и Гельзенкирхена, Дортмунда и Дюссельдорфа, Бохума и Дуисбурга с тех пор не утихает. Шахтеры потребовали от руководителей своего профсоюза организовать поход на Бонн. Вопреки противодействию боннских властей и несмотря на то, что правые лидеры профсоюза пытались заглушить возмущение шахтеров, поход все же состоялся.

Однажды улицы чопорной чиновной столицы боннской республики были заполнены десятками тысяч рурских шахтеров. Под тревожную дробь барабанов они прошли по Бонну с лозунгами: «Нашему терпению пришел конец!», «Каждому шахтеру грозит увольнение!», «В наших семьях нужда и страх!», «Мы требуем вернуть штурвал!».

От угля черно в глазах

Еще совсем недавно официальная западногерманская пропаганда изображала положение трудящихся ФРГ, в том числе и шахтеров Рура, в виде такого «рая на земле». Высокую послевоенную конъюнктуру и связанное с ней улучшение жизненных условий населения, что особенно бросалось в глаза после разрухи первых послевоенных лет, боннские пропагандисты поспешили окрестить «экономическим чудом». Авторство сего «чуда» они лгисто присвоили боннскому министру экономики Людвигу Эрхарду. Перед прошлыми выборами в бундестаг он, идя по стопам заокеанских глашатаев «народного капитализма», с бахвальством вопрошал: «Кого сейчас в нашей стране можно назвать пролетариатом?» — и уверял на все лады, что «классовая борьба в ФРГ окончена». Однако наигранный оптимизм боннских заправил весьма скоро стал испаряться. Уже два года назад в Западной Германии обнаруживались признаки снижения производства. Наиболее резко это проявилось в каменноугольной промышленности, где в феврале 1958 года начался самый настоящий кризис.

«Экономическому чуду» приходил конец. За полтора года было уволено 50 тысяч горняков. Сейчас еще 200 тысячам угрожает потеря работы. Большинство шахтеров, по сути дела, частично безработные: предприниматели ввели так называемые «фейершихтен» — нерабочие смены. Администрация шахт объявляет, что в такой-то день такая-то смена не должна выходить на работу. Само собой разумеется, «фейерших-

Горы угля в Руре все растут... Они наступают в Гельзенкирхене даже на крестьянские поля.

тен» не оплачиваются. Рурские горняки уже потеряли на этом почти 150 миллионов марок.

Цифры говорят сами за себя. Во время тяжелого кризиса начала тридцатых годов запасы угля в Руре составляли 8,5 миллиона тонн, а сейчас возле рурских шахт лежит около 30 миллионов тонн угля и кокса. Не зря сам Эрхард заявил недавно, что «у него от угля темно в глазах».

В Западную Германию широким потоком идет американский уголь, он ввозится по льготным для США тарифам. А уголь, добытый шахтерами Рура, лежит в отвалах!

Положение можно было бы поправить, если бы... Если бы боннское правительство снизило потребительские цены на уголь за счет высоких прибылей угольных баронов Рура. Но разве кабинет Аденауэра может пойти на ущемление интересов своих подлинных хозяев, положивших в сейфы в 1958 году 800 миллионов марок чистой прибыли!

Боннские власти могли бы принять предложение Германской Демократической Республики — немедленно продать ей 4 миллиона тонн угля. Но для канцлера Аденауэра торговля с ГДР — это нож в сердце. Боннское правительство отказалось. Пусть шахтеры Рура остаются без работы, пусть голодают их семьи! Политика антинародная, противоречащая интересам немецкой нации.

Есть и некоторые другие причины, углубляющие нынешний рурский кризис. Они скрыты от глаз немецкой и мировой общественности. Но тайное рано или поздно становится явным.

«Тайная вечеря» в Петербурге

В первых числах июня прошлого года в пригороде Бонна — Петербурге — встретились за закрытыми дверями представители некоторых монополий Соединенных Штатов и западноевропейских стран. Высокое собрание почтил своим присутствием заместитель президента нью-йоркского банка «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер. Наряду с американскими монополиями были здесь представлены монополии английские, французские, бельгийские, а также западногерманские.

И хотя совещание было окружено строжайшей тайной, о нем просочились кое-какие сведения. Что занимало умы этих «капитанов» международных промышленных и финансовых корпораций? Их волновал вопрос о том, как преодолеть экономические затруднения в Европе, возникшие в связи с кризисными явлениями в США. Рецепт, найденный в Петербурге, не отличался оригинальностью: было решено сделать упор на развитие отраслей западногерманской промышленности, производящих вооружение.

Характерно, что именно после встречи в Петербурге началась энергичная перекачка капиталов из каменноугольной промышленности Западной Германии в предприятия, занятые производством самолетов, ракет и других видов современного оружия. Совету петербургских мудрецов последовали и другие концерны, в общем контролируемые 50 процентов добычи угля в Руре. Каменноугольная промышленность перестала интересоваться западногер-

манских и международных монополистов. А судьба сотен тысяч рурских шахтерских семей — и по-прежнему.

«Федеральный оптимист»

Некоторые предприимчивые владельцы ресторанов на Западе, чтобы привлечь посетителей, выставляют у дверей своих заведений краснощеких толстяков. Улыбающаяся физиономия Людвига Эрхарда до недавнего времени охотно использовалась иллюстрированными журналами ФРГ как живая реклама. «Министр оптимизма», «федеральный оптимист» — гласили подписи под его фотографиями. Но времена менялись. Уже сам президент Союза германских промышленников Фриц Берг мрачно заявил, что «развитие западногерманской экономики не сулит розовых перспектив». Уже в экономических обзорах на многих языках мира все чаще стала фигурировать снижающаяся кривая западногерманской конъюнктуры. Но Людвиг Эрхард упорно не желал отказываться от своей профессии чудотворца. Он даже пожертвовал частью своего летнего отпуска, чтобы возвестить об экономической благодати, которая-де скоро снова снизойдет на боннскую землю. «Конъюнктура развивается планомерно, колебания легко преодолеваются», — говорил он с легкостью, поистине удивительной. Но двумстам тысячам рурских горняков, над которыми нависла опасность потерять работу, от таких заверений мало толку. Они помнят о многих обещаниях, которые давали и «федеральный оптимист» и сам боннский канцлер. Ведь еще осенью 1958 года «отцы» боннской республики хвастали, что не только покончат с закрытием шахт и увольнениями, но и не допустят более нерабочих смен!

Недавно Эрхард решил сотворить новое «чудо». Он предложил ввести дополнительный налог на мазут, чтобы, во-первых, снизить потребление жидкого топлива и увеличить расход угля в промышленности, а, во-вторых, часть средств, полученных от «мазутного» налога, использовать для «помощи Руру», точнее говоря, отдать их в распоряжение монополий. А рурским шахтерам, как, впрочем, и всем трудящимся Западной Германии, «министр оптимизма» рекомендует искать утешение в... загробной жизни. «Чем большего благосостояния мы достигнем», — заявил он, — тем больше опасности для нас не найти дорогу к высшим ценностям, лежащим по ту сторону этого мира». Знакомая песня! Но рурские горняки, рабочий класс, все трудящиеся ФРГ хотят настоящей человеческой жизни здесь, на земле, а небо, перефразируя известные строки Гейне, охотно готовы предоставить «Эрхарду и воробьям».

Не случайно именно Рур становится могилой западногерманского «экономического чуда». Этот огромный индустриальный массив, ядро Рейнско-Вестфальского промышленного района, всегда был барометром ранее германской, а теперь западногерманской экономики. Ныне рурский барометр угрожающе падает. И тут не помогают заклинания «федерального оптимиста», болтовня о «народном капитализме» и политика гонки вооружений, проводимая боннским правительством.

ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР, ВЕРНЫЙ ДРУГ

3 декабря исполнилось столетие со дня рождения Сен Катаямы, выдающегося революционера и организатора японского рабочего движения.

Большой путь борца прошел Сен Катаяма, крестьянский сын, создатель первых японских профсоюзов, руководитель забастовочной борьбы японских рабочих, организатор Коммунистической партии Японии. В 1919 году, когда создавался III, Коммунистический Интернационал, В. И. Ленин назвал имя Сен Катаямы в числе виднейших руководителей японского рабочего движения. Катаяма, который приветствовал победу Великой Октябрьской революции, сразу же выступил как пламенный сторонник первого государства рабочих и крестьян.

С великим уважением относился Сен Катаяма к Ленину. Он видел в нем величайшего гения пролетарской революции, вождя мирового пролетариата. Еще в 1918—1921 годы, находясь в США, Сен Катаяма изучает ленинские труды и переводит на японский язык «Государство и революцию». Позже он помог организовать издание произведений Ленина в Японии.

Вся жизнь Сен Катаямы — это яркий подвиг революционера и патриота, без устали борющегося за дело рабочего класса.

Впервые Сен Катаяма приехал в нашу страну в 1921 году. Находясь в Советской стране, Сен Катаяма пристально изучал опыт борьбы рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии за строительство нового, социалистического общества. Он много путешествовал по нашей стране; его видели Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ и Крым, Татария и Урал. Он изучал опыт социалистического строительства не как бесстрастный турист, а как ученый и революционер, как один из виднейших деятелей мирового коммунистического и рабочего движения.

В 1923 году он наблюдает в Сибири результаты действия новой экономической политики, введенной в марте 1921 года. После возвращения в Москву Сен Катаяма писал: «Новая экономическая политика приведет Советскую Россию к созданию прочного базиса, как страны рабочих и крестьян, и реконструирует страну на новейшей основе, как это планирует правительство».

Весной 1930 года он присутствовал на открытии Турксиба. С большим восхищением отмечал он эту славную победу первой пятилетки. Летом 1930 года Сен Катаяма присутствовал на праздновании 10-летия Татарской Автономной Советской Социалистической республики. Он высоко оценивал плоды национальной политики Коммунистической партии и Советской власти.

С величайшей гордостью и восхищением говорил он о нашей ленинской Коммунистической партии. Он писал: «Российская Коммунистическая партия имеет великое будущее, как первая и величайшая в мире Коммунистическая партия».

Сен Катаяма написал много статей о Советском Союзе и много раз выступал перед трудящимися нашей страны на фабриках, заводах, в деревнях и школах. С момента Великой Октябрьской социалистической революции и до конца своей жизни Сен Катаяма неустанно разъяснял смысл и значение нашей революции, пропагандировал ее успехи в строительстве социализма. Оставаясь патриотом

Сен Катаяма.

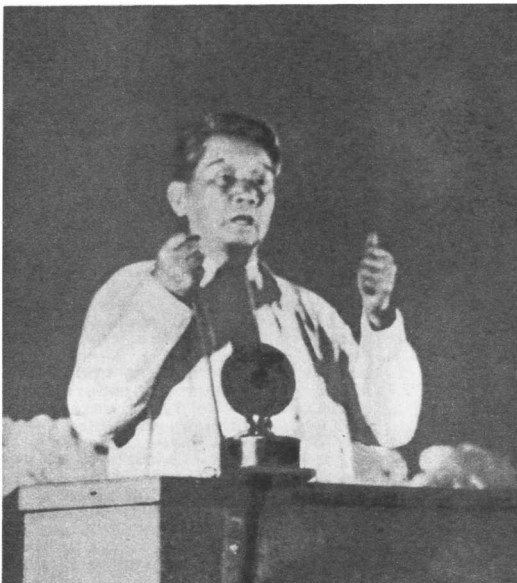
Японии, он в то же время считал себя гражданином свободной социалистической республики, в которой нет дискриминации людей по цвету кожи, в которой все народы и нации равноправны. Он говорил: «Только со времени, как я живу в Советской России, я счастлив. Счастлив потому, что здесь есть все для осуществления того, к чему я стремился всю мою жизнь».

Участвуя в международных антивоенных конгрессах, выступая перед трудящимися Парижа, Брюсселя, Амстердама, Берлина, Сен Катаяма всюду пропагандировал успехи социализма в СССР и призывал к солидарности с первой в мире страной, где власть принадлежит трудящимся.

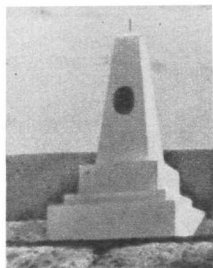
Сен Катаяма был подлинным пролетарским интернационалистом. Вся жизнь Сен Катаямы, великого сына японского народа, была посвящена решительной, самоотверженной борьбе за дело трудящихся и угнетенных всего мира, за освобождение человечества из-под гнета капитала, за коммунизм.

К. ТРОФИМОВ,
кандидат исторических наук

Сен Катаяма на трибуне VI конгресса Коммунистического Интернационала в Москве.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

ПАМЯТНИК СУХЭ-БАТОРУ

У этого деревянного домика на Горно-Зерентуйской улице в городе Кяхте интересная судьба. В 1920—1921 годах здесь находилась конспиративная квартира Сухэ-Батора — вождя монгольского народа. В 1921 году в Кяхте — на юге Бурятии — собирался первый съезд Монгольской народной партии, в работах которого участвовали Сухэ-Батор и Чойбалсан. Здесь же совещались руководители монгольских партизанских отрядов перед тем, как с помощью русских и бурят они начали освобождение своей страны от феодального гнета.

Теперь в домике музей, который часто посещают многочисленные экскурсанты. По соседству недавно установлен обелиск с барельефом Сухэ-Батора. На нем золотыми буквами начертано: «Вождю монгольского народа Сухэ-Батору от трудящихся Кяхты».

Домик-музей.
Фото автора.

А. СУРМАЧ

ТКАНИ С УРАЛЬСКОЙ МАРКОЙ

Один из цехов прядильной фабрики Свердловского камвольного комбината.

Фото И. Тюфякова.

Необычная для Урала стройка идет на окраине Свердловска. Вокруг дымят трубы машиностроительных заводов, а тут в только что отстроенном шестизэтажном корпусе устанавливают чесальные аппараты, ровничные машины, ткацкие станки...

Урал, край стали и чугуна, скоро будет поставлять стране также и шерстяные ткани для костюмов и добротные трикотажные изделия. Сооружается один из крупнейших в стране камвольных комбинатов.

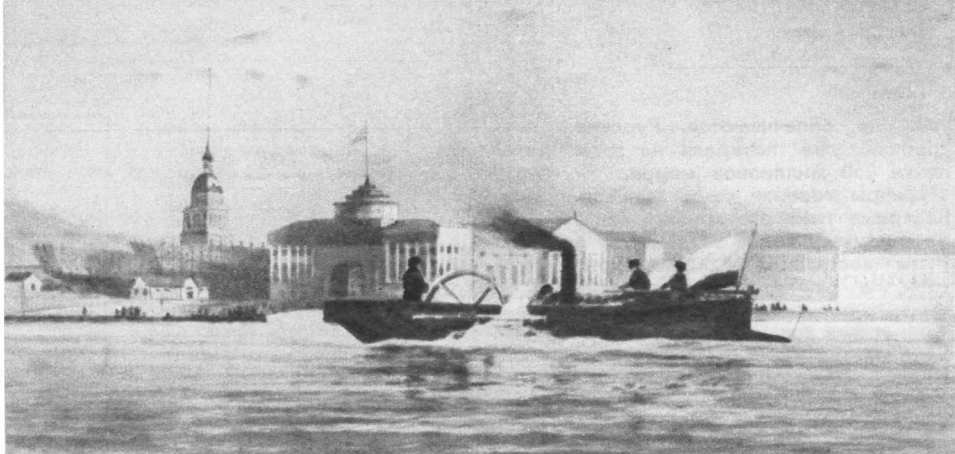
О том, каким будет этот текстильный гигант, рассказал корреспонденту «Огонька» главный инженер управления легкой промышленности Свердловского совнархоза А. С. Сидоренко:

— Камвольный комбинат включен в титульный список первоочередных строек семилетки. Он оснащается самым современным оборудованием. Уже в 1961 году комбинат будет выпускать ежедневно по двадцать тысяч метров отличных шерстяных тканей: «Метро», «Бостон», «Ударник», «Весна»... Из материй, сотканых здесь за год, можно будет сшить более двух миллионов костюмов. Любопытно отметить, что в процессе производства предусмотрена специальная химическая обработка тканей — костюмы из уральской материи не будут мяться.

Кроме тканей, комбинат будет выпускать также много трикотажной пряжи для специальной трикотажной фабрики, которую мы построим в Нижнем Тагиле в 1963 году. Свитеры, джемперы, пуловеры — более семи миллионов штук вязаных изделий в год будет выпускать эта фабрика.

Сейчас строительство комбината в разгаре. Пока строители наращивают стены ткацкой и отделочной фабрики, один за другим входят в строй и начинают давать продукцию цехи только что возведенной прядильной фабрики.

А. ГРИГОРЬЕВ

Первый русский пароход на Неве.

На Галерном острове

Атомный ледокол «Ленин».

Адмиралтейский завод! Имя этой судовой верфи недавно облетело весь земной шар и долго не сходило со страниц мировой печати. Все, что в последние два года приезжал в Ленинград, мечтали посетить Адмиралтейский завод. На стапели его поднимались короли и премьеры, министры и промышленники, ученые и профсоюзные деятели, туристы 68 зарубежных стран! Адмиралтейцы снискали себе мировую известность спуском на воду ледокола, движимого атомной энергией. Строительство атомохода было самой выдающейся победой за всю историю этой старейшей верфи, отмечающей вместе с другими предприятиями 250-летие ленинградского судостроения.

Заводские историки: рабочие, инженеры, партийные работники — составили подробную летопись своего предприятия с первого дня его возникновения.

— Вот здесь, — рассказывает секретарь цеховой партийной организации Иван Андреевич Иванов, — недалеко от нашего цеха, базировался петровский флот. Тут разыгралось сражение, в котором русские моряки одержали победу над врагом.

На Галерном острове вначале строили гребные суда. А в 1815 году здесь был построен первый в России паровой корвет. В наш век, век невиданного технического прогресса, мы с улыбой смотрим на этот неуклюжий крохотный корабль. Но в те времена им не переставали восхищаться. Толпы людей с любопытством наблюдали, как вниз и вверх по Неве плыла лодка, движимая не ветром и не веслами, а

«силой огненной машины». У бортов вращались огромные четырехлопастные колеса, из трубы валил густой дым. На корме сидели пассажиры. Первый рейс из Петербурга в Кронштадт и обратно занял восемь с половиной часов. Все были удивлены такой быстротой: ведь обычно на такую поездку затрачивали больше дня...

Со стапелей Адмиралтейского сошли паровые винтовые корабли, броненосцы, канонерские лодки... В 1886 году вступил в строй корвет «Витязь». На нем С. О. Макаров, тогда капитан I ранга, совершив кругосветное путешествие, провел важные научные исследования в Тихом океане. На Галерном острове в 1897 году был заложен крейсер «Аврора», которому спустя двадцать лет суждено было возвестить миру о рождении нового государства.

Особенно адмиралтейцы любят рассказывать о новейшей истории своего завода, которая исчисляется с семнадцатого года. Весной того года на верфи побывал Владимир Ильич. Он выступал тут с пламенной речью на многотысячном митинге.

Теперь не узнать прежнего Галерного острова. Всюду высятся огромные стапели, высоко в небо упрутся стрелы башенных кранов. В могучих корпусах здесь строятся грузовые пароходы и рефрижераторы, ледоходы и танкеры.

...Добрые вести идут с Балтики: там успешно проходят ходовые испытания атомного ледокола «Ленин». А на том самом стапеле, где еще недавно высился громадный корпус атомохода, сейчас вырисовываются очертания нового стального самоходного судна.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото М. Васильева.

ДОРОГИЕ ГОСТИ

Вот она в Москве — героиня повести И. Неверли «Парень из Сальских степей» — мужественная польская крестьянка Аделя Наровская, которая, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей,

спасла советских воинов, бежавших из фашистского концлагеря.

Аделю Наровскую и ее сына Янека пригласил посетить Советский Союз Советский комитет ветеранов

войны. Из Москвы гости поехали в Новочеркасск для того, чтобы встретиться с Владимиром Ильичом Дегтяревым, которого они укрывали в своем доме.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Аделя Наровская (в центре), ее сын Янек и переводчик повести И. Неверли «Парень из Сальских степей» З. Е. Шаталова.

Фото автора.

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

ТРАССА ИДЕТ В ГОРЫ

Недалеко от столицы, на обрывистом берегу Москвы-реки, раскинулось село Коломенское. В старину здесь была загородная усадьба царей.

До наших дней сохранился храм Вознесения, построенный в 1532 году, каменные здания, входившие когда-то в комплекс знаменитого Коломенского деревянного дворца: проездные ворота с часовой башней, водовозная башня, Приказные и Полковничьи палаты, Сытный двор и Казанская церковь.

Еще в 1923 году в Коломенском открылся филиал

гих зарубежных странах, — рассказывает архитектор И. В. Мановцевский. — Из них наиболее известны: шведский музей «Скансен», «Северный народный музей» в Норвегии, «Сеури Саари» в Финляндии, «Сутулуй» в Румынии.

В Коломенском музее на открытом воздухе посетители смогут ознакомиться с историей народного творчества. Сюда перевезено несколько памятников архитектуры: надвратная башня Николо-Карельского монастыря, построенная в 1690 году, и домик Петра I, из Архангельска; из подмосковного села Преображенского — медоварня. Из Сибири после долгого путешествия прибыла башня старинного Братского острога. В нижней части башни жилая изба середины XVII века. Верх служил для наблюдений за окрестностями в оборонительных целях. Здесь стояли пищали, хранился боезапас. Братский острог использовался и как тюрьма. В башне был заключен один из самых ярких защитников старообрядчества, протопоп Аввакум.

Простояв триста лет при сибирских морозах и непогоде, башня нуждалась в бережной перевозке. Для консервации бревен потребовалось большое количество различных химикатов — только одного формалина израсходовали около двух тонн.

Перевезут сюда мостовые, фундаменты домов, деревянные водопроводные трубы, найденные при раскопках новгородских улиц, несколько деревянных храмов, старинную ветряную мельницу из Вологодской области.

Музей на открытом воздухе займет не только территорию Коломенского, но и расположенный неподалеку Царицынский парк.

Будет в музее и археологический отдел — в соседнем Дьяковом городище, которое возникло еще в начале первого тысячелетия нашей эры. В городище реставрируют полуземлянки — жилища наших далеких предков, в центре поставят древнее капище с идолом, а рядом зажгут «неугасимый священный огонь».

О. ЧИЛИКИН

Старинная ветряная мельница из Вологодской области.
Фото автора.

Государственного исторического музея. Теперь он значительно расширяется. Приехали научные работники, появились бригады плотников. Грузовики привозят длинные ящики, в которых уложены почерневшие, иссеченные временем бревна. Маленький Коломенский музей превращается в огромный архитектурный заповедник.

— Подобные музеи-заповедники существуют во мно-

В Кура-Араксинской низменности геодезисты поставили столбик, на котором начертано: «—29». Местность эта лежит ниже уровня моря на 29 метров. Примерно на такой же отметке у Карадага берет начало Закавказский магистральный газопровод. А на Семеновском перевале Кавказского хребта он достигает высоты 2260 метров над уровнем моря.

Подземную магистраль, пересекающую территорию трех братских республик: Азербайджана, Грузии, Армении, — питает мощное Карадагское месторождение газа. От берегов Каспия трубопровод идет до Акстафы и там разветвляется. Одна линия, проложенная к Тбилиси, сдана в эксплуатацию в канун 42-й годовщины Октября, другая ветвь прокладывается к Еревану.

Никогда еще строители трубопроводов не имели дела с такой «беспокойной» трассой. То бежит она, извиваясь, через теснины и ущелья, то взбирается на крутые утесы, то обходит их стороной. А сколько водных преград на пути! Неширока река Акстафа, но нрав у нее капризный. С грохотом и ревом, ворочая валуны, стремительно катит она свои воды, то и дело петляя. Газопровод 36 раз пересекает эту речку.

И полноводную Куру пришлось форсировать дважды: у Евлаха и молодого грузинского города Рустави. Второй переход необычный, воздушный.

Почти на полтора километра легким, висячим мостом протянулась труба, опирающаяся на металлические сваи. Тут строители подземных магистралей на время стали верхолазами. На большой высоте соединяли они отдельные отрезки — «плетки» — в сплошную стальную нить. С этим трудным заданием отлично справились бригадир Василий Кочергин, сварщик Иосиф Реутский, Федор Кучеренко, машинист-трубоукладчик Рашид Хайрудинов.

А теперь идет штурм последнего участка высокогорной трассы. На крутых склонах Семеновского перевала и склонах горы Кырнебаш строители со своей мощной техникой, можно сказать, вступили в поднебесье. От-

сюда, с высоты, крошечными кажутся белеющие далеко внизу здания гидроэлектростанции Севанского каскада. Мачты линий электропередач издали похожи на волосинки. Нелегко сваривать трубы, покрывать их изоляцией, а потом укладывать в траншеи, пробитые в скалах взрывчаткой и экскаваторами.

На пути к Семеновскому перевалу.
Фото Д. Минскера.

Все ближе к столице Армянской ССР подходят строители подземной магистрали. Вскоре в Ереване будет зажжен традиционный «голубой факел».

АН. ВЕТРОВ,
Б. ЛЬВОВ

Гейнц снова видит мир

Это было минувшей весной в Тюрингии (ГДР). Девятилетний Гейнц — сирота, который воспитывается у своего дедушки, старого шахтера Германа Либшера, — сильно поранил лицо и глаза. С каждым днем он все больше терял зрение. Мальчику грозила полная слепота. Немецкие врачи не в силах были помочь ему. Кто-то сказал старому Либшеру: «В Советском Союзе, в Одессе, есть всемирно известный институт глазных болезней. Там твоего малыша сразу вылечат!».

Что же делать? Чтобы поехать в Советский Союз, нужны деньги, а старый Либшер живет на пенсию. 29 апреля он отправился в Лейпциг в советское консульство.

Хотя было уже семь часов вечера и консульство уже закрылось, Либшера приняли и внимательно выслушали. Консул немедленно позвонил в Берлин в посольство. Оттуда сообщили в Москву. Из Министерства здравоохранения ответили, что мальчика нужно немедленно отправить в Одессу в институт имени Филатова.

Многие люди в двух дружественных странах беспокоились о том, чтобы спасти зрение маленькому Гейнцу. В районном полицейском

отделении в Заальфельде в час ночи приготовили паспорта. Ночью же на машине Гейнц был доставлен в Лейпциг. Оттуда самолетом в Берлин, а из Берлина — в Советский Союз. Едва Гейнц прибыл в Одессу, как ему сразу сделали операцию. Он начал поправляться. Недавно я получил от старого Германа Либшера фотоснимок и письмо, в котором он пишет:

«Дорогой советский друг! Трудно простыми словами выразить то, что я теперь чувствую. Мой внук возвратился домой здоровым, жизнерадостным, он снова видит мир. Я сам ездил в Одессу за мальчиком. Случилось так, что в спешке я забыл обменять немецкие марки на советские деньги, и в пути сильно волновался. Но советские попутчики успокоили меня, дали денег. В Одессе меня встретили медицинские сотрудники института. Гейнц рассказал мне о том, как ему здесь было хорошо. В день, когда мальчику исполнилось девять лет, советские врачи и сестры поздравляли его, преподнесли подарки. На всем обратном пути — и в Одессе и в Москве — мы чувствовали себя среди верных друзей, среди братьев».

Настоящим праздником стало на-

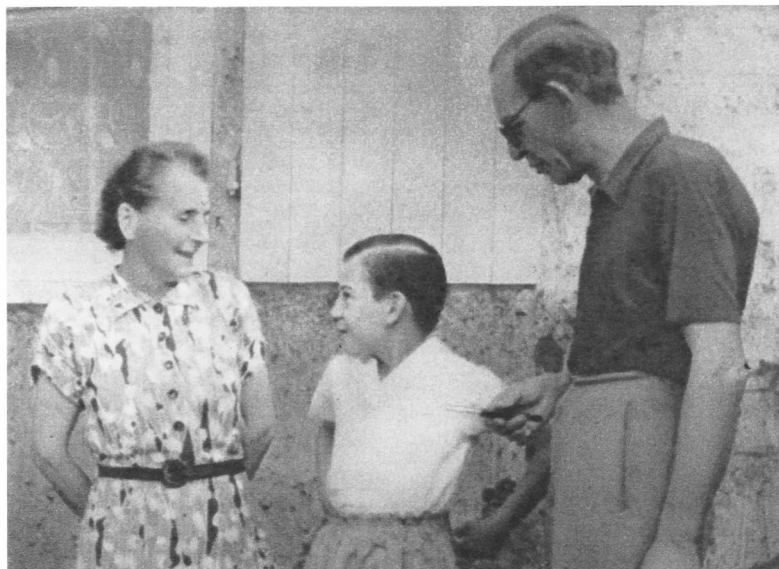
ше возвращение домой. Двери нашей квартиры несколько дней не закрывались. Моим землякам хотелось лично убедиться в исцелении маленького Гейнца.

Посылаю вам фото, чтобы вы сами видели счастливых дедушку и бабушку с внуком Гейнцем. От ду-

ши благодаря советским людям за все, что они сделали для моего мальчика. Мы этого никогда не забудем».

М. ОЗЕРОВ

Гейнц Либшер с дедушкой и бабушкой после операции.

Книга Марсова

Ник. Смирнов-Сокольский

Основателем русской периодической печати был Петр I. В 1703 году, в январе, по его указу вышел в свет первый номер первой русской печатной газеты под названием «Ведомости», о военных и иных делах достойных знания и памяти, случившихся в московском государстве, и во иных окрестных странах».

Несколько ранее выхода «Ведомостей» Петр начал уведомлять граждан Москвы о своих военных делах путем издания специальных реляций или журналов, живописующих победы русского оружия. Такие издания печатались размером в лист, текст их украшался гравированными изображениями планов сражений, видов взятых городов и фейерверков в честь побед.

Реляции и журналы посылались за границу, рассылались по городам и, возможно, вывешивались для общего обозрения. С появлением «Ведомостей» некоторые из реляций стали служить приложениями к газете. В реляциях указывались подробности батальи, число взятых трофеев, количество убитых и раненых.

В 1712—1713 годах Петр

задумал собрать все реляции и журналы в особую книгу, которой дал название:

«КНИГА МАРСОВА или воинских дел от воиса царского величества российских. Во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых батальи учиненных. Над воиски его королевского величества Свейского. Санктпетербурх, лета господня 1713».

Издание книги было несколько своеобразным: она не печаталась заново, а собиралась. В нее частично вошли остатки тиражей уже напечатанных гравюр и реляций, часть их была перепечатана заново, какая-то часть и отгравирована впервые.

Был напечатан специальный заглавный лист с виньеткой, изображающей вид Невы, Петропавловской крепости и церкви Троицы. Гравер Алексей Зубов изготовил пышный фронтиспис к книге с портретом Петра и различными аллегорическими фигурами.

Остальные гравюры в книге (их свыше тридцати) выполнены Пикартом, Ростовцевым, Шхонебеком и другими выдающимися мастерами того времени. Размер кни-

ги — 30 на 40 сантиметров, альбомом.

Книга чрезвычайно редна. Известны всего десять экземпляров ее в крупнейших хранилищах Москвы и Ленинграда. Кроме того, один очень хороший экземпляр, с многими гравюрами, находится в библиотеке пишущего эти строки.

Как все издания «сборного» порядка, известные экземпляры «Книги Марсовой» отнюдь не одинаковы: что-то есть в одном, но нет в другом, в третьем имеется то, чего нет в первых двух, и так далее. Книга создавалась постепенно, и последние «вложения» в нее сделаны после 1713 года. Петр брал с собой за границу и незавершенные экземпляры.

Сейчас «Книга Марсова» представляет собой бесценный материал для военных историков. Задумана она Петром как памятник славы русского оружия. Победами в Северной войне Россия заняла одно из первых мест в европейской политике, и именно событиям той войны посвящена «Книга Марсова». В ней даны планы и гравированные изображения боев на Чудском озере, под Дерптом, Нарвой, Митавой,

Выборгом, Ригой, Ревелем...

Сегодня для нас особенно примечательны реляции, планы и гравированные изображения знаменитой Полтавской батальи и предшествовавшей ей битвы при деревне Лесной.

Виссарион Белинский писал о Полтавском сражении, что это «была битва за существование целого народа, за будущность целого государства».

Северная война 1700—1721 годов велась Петром I с шведским королем Карлом XII за выход России к берегам Балтийского моря. Необходимость выхода России к морю позднее отмечал Карл Маркс, говоря, что «ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого».

Шведский король Карл XII, командовавший в то время сильнейшей армией в Европе, отклонил переговоры, и в 1700 году вспыхнула война.

Петр отнюдь не рвался к войне. Мы приводим здесь весьма характерный рисунок из книги 1705 года, отпечатанный по заказу Петра в Амстердаме и называющийся «Символы и эмблемы». На гравированном заглавном листе книги изображена рука воина, держащая одновременно и меч и пальмовую ветвь мира. Подпись под рисунком гласит: «К обоим готов». Петр звал решить спор путем мирных переговоров.

Союзниками русских были Польша, Саксония и Дания, вскоре потерпевшая поражение. Не повезло вначале и русским: 19 ноября 1700 года под Нарвой хорошо обученные и первоначально вооруженные войска Карла XII нанесли серьезное поражение войску Петра.

Самонадеянно считая дело России проигранным, шведский король направил основные силы на Польшу. Петр воспользовался передышкой и развернул подготовку регулярной армии, сменив предавших его иностранных военачальников

талантливыми русскими генералами. Одновременно были предприняты большие усилия к организации промышленности.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1702 году войска Петра начали наносить поражения шведской армии. В 1704 году были взяты Дерпт, Нарва, Ивангород...

Обеспокоенный русскими победами, Карл XII решил повернуть главные силы против России и летом 1708 года вторгся в ее пределы, захватил Могилев, имел намерение через Смоленск взять Москву. Встретив яростное сопротивление русских, поддержанное белорусскими партизанами, Карл XII вынужден был остановить наступление, ожидая помощи корпуса генерала А. Левенгаупта.

Петр разгадал шведские планы и 28 сентября разгромил корпус Левенгаупта под деревней Лесной, Могилевской области. Битву эту Петр назвал «матерью Полтавской батальи».

После разгрома Левенгаупта Карл XII повернул свои войска на Украину, надеясь на поддержку гетмана Ивана Мазепы. В конце апреля 1709 года Карл XII осадил Полтаву. Украинский народ не пошел за изменником Мазепой и развернул широкие партизанские бои против шведов. Мазепе удалось увлечь за собой ничтожную кучку казаков, вскоре тоже вернувшихся под знамена Петра.

Полтавская батальи началась в 2 часа утра 27 июня 1709 года. Перед битвой Петр обратился к русским воинам со следующими словами: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали...»

Нет нужды описывать Полтавское сражение: оно хорошо известно. Русские войска, поддержанные украинцами, наголову разбили прославленную армию Карла XII. Уже к полудню 27 июня все было кончено. Шведские войска бежали с поля боя. Преследуемые кавалерией Меншикова, они были прижаты к берегу Днепра и сдались. Карл XII вместе с Мазепой бежал в Турцию.

Обо всем этом подробно рассказывает первоисточник — «Книга Марсова» 1713 года, собранная Петром с целью увековечить славу и доблесть народов России.

Нельзя без волнения перелистывать страницы книги, украшенной великолепными отпечатками художественно выполненными гравюрами, сохранившимися так, будто они отпечатались только вчера.

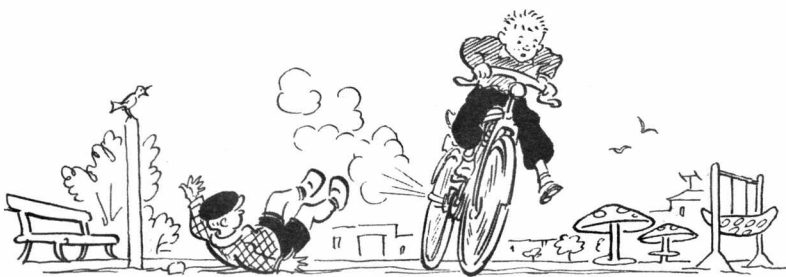
Алексей Николаевич Толстой, написавший замечательный роман о Петре, безмерно интересовался «Книгой Марсовой». Бывая иногда у меня, он часами листал ее, изучая каждую букву, каждую гравюру.

— Страницы этой книги, — говорил он, — своей грозной, простой суровостью напоминают старые боевые знамена, стоящие в музеях. От них веет пороховым дымом, смертью и бессмертной славой. Это книга-памятник героическим русским людям. Это книга-монумент, книга-знамя...

И запомни, — продолжал Алексей Николаевич. — Петр не был завоевателем. О себе он говорил: «Я к миру всегда был склонен, но того неприятель слышать не хотел. Что Карл двенадцатый запутал упрямством, то распутывать будем умом...»

Я тогда же записал эти слова Петра на обратной стороне переплета «Книги Марсовой». Мне они сегодня кажутся удивительно своевременными.

ВЕЛОСИПЕД С МОТОРОМ

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунок Л. Смехова.

Еще когда я был маленький, мне подарили трехколесный велосипед. И я на нем сразу выучился ездить. Прямо сел и поехал, нисколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

— Смотри, какой он способный к спорту!

А папа сказал:

— Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как веселые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперед, ездил лежа на седле, вертя педали какой угодно рукой: хочешь — правой, хочешь — левой; ездил боком, растопыря ноги; ездил сидя на руле, а то зажмурюсь и без рук; ездил со стаканом воды в руке и с вилкой в зубах. Словом, наловчился по-всякому, и ребята во дворе стали меня называть «чемпион мира и его окрестностей».

И я так катался на своем велосипеде до тех пор, пока у меня колени стали во время езды подниматься выше руля и задевать меня за уши, и я догадался, что я уж вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину.

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нем сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл — это другое дело, автомобиль тоже, ракета ясно и понятно, а велосипед!

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед около трубы и ушел. А я остался стоять тут же с разинутым ртом.

Вдруг выходит Мишка. Он говорит:

— Ну! Чего уставился?

Я говорю:

— Сам едет. Понял?

Мишка говорит:

— Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу: чай пить.

Я говорю:

— А трудно такой машиной управлять?

— Ерунда на постном масле, — говорит Мишка, — она заводится с полоборота. Один раз нажмешь на педаль — и готово: можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость — двадцать километров за полчаса.

Я говорю:

— Ого! Вот это да! Вот это машина! На такой бы покататься бы! Тут Мишка покачал головой:

— Влетит. Федька убьет. Голову оторвет!

Я говорю:

— Да. Опасно.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг говорит:

— Во дворе никого нет, а ты все-таки «чемпион мира» — садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и все пойдет, как по маслу. Объедешь вокруг садика два — три кружка, и мы поставим машину тихонечко на место. Федька у нас чай подолгу пьет. По три стакана дует. Давай!

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога, действительно, доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макарониной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла, да как нажму на педаль! И вдруг машина затрещала, и я поехал.

Я поехал! Сам... На педали не жму — не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок сразу засвистел у меня в ушах, все вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление. И опять: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление. И опять: столбик, ворота — и все сначала. Я ехал, вцепившись в руль, а Мишка все бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — И прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я все ездил и воображал, что это я участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел в парке культуры: так мчалась одна отважная артистка.

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — все мелькало передо мной довольно долго, и все было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стало немножко колоть. И еще мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

— Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и крикнул:

— Что? Говори громче!

Я крикнул:

— Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал еще круг, а Мишка кинулся бежать за мной.

Я опять закричал:

— Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречается меня у столбика и орет:

— Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку! Машина трещит себе как ни в чем не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Тогда я, не доезжая до Мишки, стал кричать:

— Я не знаю, где тормоз! А ты знаешь?

Мишка кричит:

— Я забыл!

Я кричу:

— Ты вспомни!

А он:

— Ладно, вспомню, ты пока покрутись еще немножко!

Я кричу:

— Ты скорей вспоминай, Мишка!

Проехал дальше и чувствую, что мне уже совсем не по себе, просто тошно как-то. А на следующем кругу Мишка кричит:

— Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй прыгни!

А я ему кричу:

— Меня тошнит!

Тут Мишка опять остался позади.

Если б я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься. Лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

— Надо достать матрац! На которм спать! Чтобы ты в него вре-

зался и остановился! Ты на чем спишь?

Я кричу:

— На раскладушке!

Мишка кричит:

— Тогда езд, пока бензин кончится!

Я чуть не переехал его за это. «...Пока бензин кончится!»

Это можно еще две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

— Сбегай за вашим Федькой!

А Мишка:

— Он чай пьет!

Я кричу:

— Потом допьет!

А Мишка:

— Убьет! Обязательно убьет!

И опять все завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, грибки от дождя, песочник, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, песочник, дождя от грибки, скамеечка, столбик. А потом пошло вперемежку: домик, столбоуправление, качели, ворота от дождя, грибеючка. И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я все-таки не растерялся и ускорил от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не сердился за подзатыльник, потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

Как это получилось

Перед вами обыкновенный снимок, отпечатанный с одного простого негатива. Монтажа и комбинированной съемки здесь нет. Как же получилось, что судно на переднем плане снято несколько сверху, а судно у причала с низкой точки?

Ответ простой. На переднем плане находится метровая модель, спущенная на воду около обычных морских кораблей.

О. КНОРРИНГ

В гостях у нумизмата.
Рисунок И. Массина.

— ...Уф! Чуть в столб не врезался!
Рисунок И. Сычева.

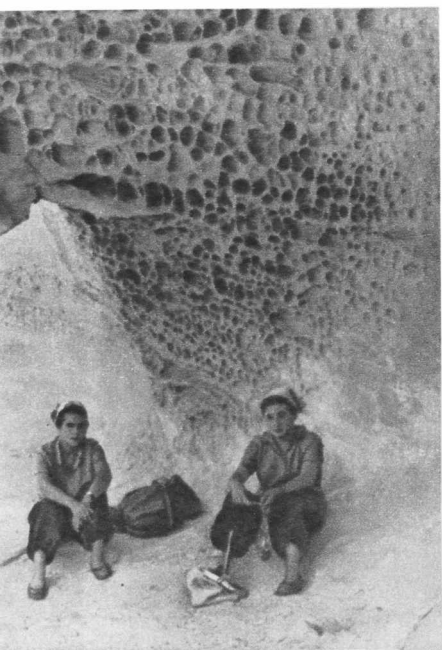
НЕВЫПОЛНИМОЕ ЖЕЛАНИЕ
Домохозяйка иллюзионисту: — Попробуйте достать электрический утюг.
Рисунок М. Ушаца.

Причуды Мангышлака

Летом прошлого года нам удалось побывать на полуострове Мангышлак на Каспийском море. Проехав в глубь полуострова, мы очутились в ущелье, где увидели каштанового цвета скалы с углублениями, напоминающими пчелиные соты. Что это?

Г. ФЕДИНА
Москва

— Это явление носит у геологов название ячеистого выветривания, — сказал нашему корреспонденту профессор Палеонтологического института Академии наук СССР Роман Федорович ГЕКЕР. — Мангышлак — это гористая полупустыня. Растительность ее очень бедна.

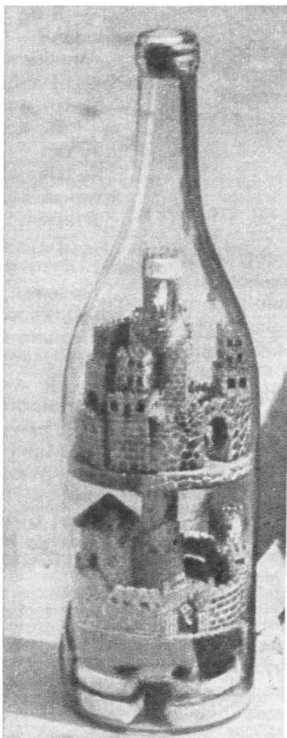

Большую разрушительную работу производят здесь ветры, поднимая в воздух тучи песка. Подхваченные стремительным порывом, песчинки находятся во вращательном движении и, ударяясь о скалы, высверливают углубления в мягких породах. Они хорошо видны на снимке.

В Днепропетровский исторический музей поступил подарок токаря паровозоремонтного завода Антона Ецевича. В свободное время он собрал в бутылке две миниатюрные крепости из 324 кусочков дерева. Их архитектура различна. Крепости имеют несколько башен и обнесены зубчатой стеной. Боковые башни соединены с центральными арочными мостами множеством лестниц и переходов.

В. ПЕТРИЦЕВА
Днепропетровск.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Прием обработки почвы. 6. Областной центр Казахской ССР. 11. Знак препинания. 12. Аппарат для насыщения жидкостей газами. 14. Название журнала. 15. Французский писатель. 16. Бомбейская пенка. 18. Мелкая корюшка. 19. Персонаж романа И. Эренбурга «Буря». 20. Русский шахматист XIX века. 22. Площадка для въезда автомобилей в гараж. 23. Китобойная флотилия. 24. Планета. 25. Венгерский пианист и композитор. 26. Лиса с темно-серой шеей. 29. Стихотворение И. С. Никитина. 30. Раздел медицины. 33. Основное вещество клеток.

По вертикали:

1. Небольшая возвышенность. 2. Сладкое блюдо. 3. Автор песни «Замучен тяжелой неволей». 4. Плотный снег. 6. Отрасль сельского хозяйства. 7. Персонаж из «Евгения Онегина». 8. Музыкальное учебное заведение. 9. Специалист по демонстрации фильмов. 10. Самодвижущийся вагон. 12. Раздел грамматики. 13. Расцветка. 16. Спортивное состязание. 17. Режущий инструмент. 21. Двухместный велосипед. 27. Итальянский физик. 28. Смола, применяемая в производстве грампластинок. 31. Вид топлива. 32. Торжественная песня.

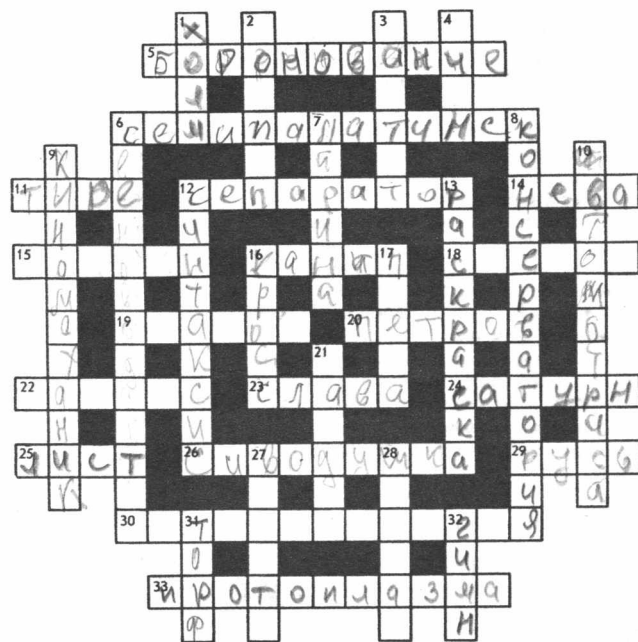
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

7. «Фальстаф». 8. Брокколи. 10. Ковалевский. 11. Сляб. 13. Рубакин. 15. Буер. 16. Селигер. 17. Реполов. 18. Арбузов. 19. Грейдер. 22. Иден. 23. Буссоль. 26. Гаде. 29. Силосование. 30. Волнушка. 31. Удмуртия.

По вертикали:

1. Варналис. 2. Оскол. 3. Марабу. 4. «Бруски». 5. Склиз. 6. Алексеев. 9. Нечай. 12. Балабан. 13. Рогозуб. 14. Ниппель. 15. Бульдог. 18. Андерсон. 20. Радиация. 21. Остов. 24. Удочка. 25. Луанда. 27. Битум. 28. Синус.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-08; Науки и техники — Д 3-32-13; Юмора — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

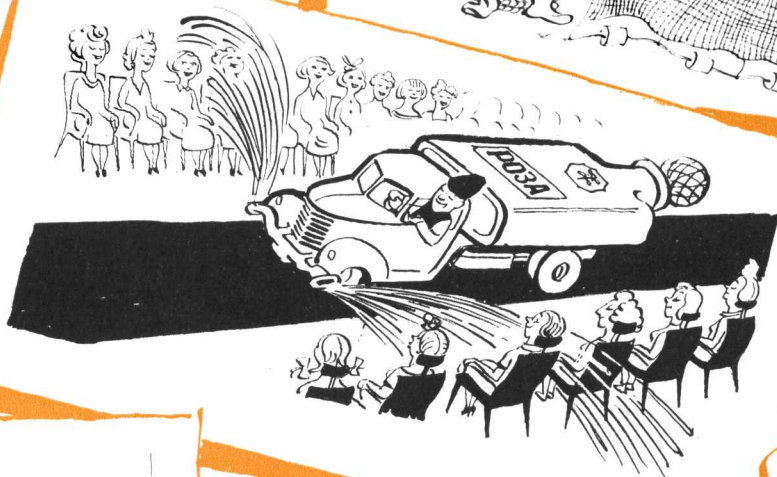
А 01040. Подписано к печати 1/XII 1959 г. Формат бум. 70x108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1565. Заказ № 2781.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В стране роз

Изорепортаж из Болгарской Народной Республики
Юрия ЧЕРЕПАНОВА.

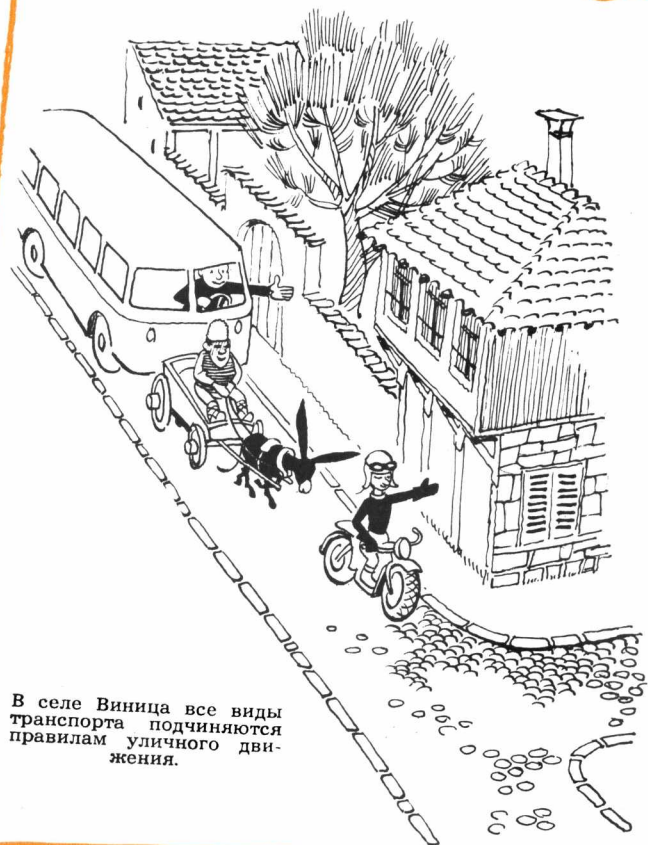

Розовая мечта...

Первое знакомство с болгарским перцем.

Встреча земляков.

В селе Винаца все виды транспорта подчиняются правилам уличного движения.

Лиса и болгарский виноград.

Западные туристы усомнились, чистая ли это шерсть...

